ДМИТРИЙ ВЕРЕСОВ

ИЗБРАННИК ВОРОНА

ТОМ ВТОРОЙ

РУССКИЙ ПРОЕКТ®

Цена
40

Дмитрий ВЕРЕСОВ

ИЗБРАННИК ВОРОНА

Том 2

Санкт-Петербург
«Издательский Дом „Нева“»

Москва
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»

2002

ББК 84. (2Рос-Рус) 6
В31

Кадры из телевизионного сериала «Черный Ворон», производство ООО «„Новый русский сериал“, 2001 год» предоставлены обладателем исключительных прав на использование сериала — ООО «Новый русский сериал».

Первая редакция вышла в свет под названием «Ближний берег Нила»

Вересов Д.
В31 Избранник Ворона. Т. 2. — СПб.: «Издательский Дом „Нева“»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. — 383 с.
ISBN 5-7654-2312-4
ISBN 5-7654-2314-0
ISBN 5-224-03570-8
ISBN 5-224-03572-4

Когда Татьяна Захаржевская готовит кому-то коварную ловушку, разве есть у жертвы шансы ускользнуть? Нила Баренцева неотвратимо затягивает в паутину, сплетенную ее изощренным умом...

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-2312-4
ISBN 5-7654-2314-0
ISBN 5-224-03570-8
ISBN 5-224-03572-4

«Черный Ворон»

У Татьяны Захаржевской было все: любящие родители, выполнявшие любую ее прихоть, красота, блестящий ум, деньги. Но только рискуя своей жизнью, она чувствует, что живет по-настоящему. Татьяна начинает с шайки воров, где из подруги вожака быстро превращается во вдохновительницу и организатора самых головокружительных преступлений. Ее подвиги не остаются незамеченными: Таней заинтересовался подпольный король Шеров, и она становится его самой талантливой помощницей...

У второй Татьяны не было ничего, кроме красоты и желания выбиться в люди, с которым она приезжает в Ленинград... Смысл ее жизни — любовь, и она, казалось, находит свое счастье с Ваней Лариным. Но первая любовь Вани — бутылка...

«Полет Ворона»

Таня Захаржевская решает попробовать на собственном опыте, что же такое добропорядочная семейная жизнь, и выходит замуж за Павла Чернова. Но их брак оказывается неудачным, и рождение дочери окончательно разрушает их семью...

Брак Тани Лариной тоже трещит по швам. Слабым утешением для нее становится ошеломляющая карьера кинозвезды. Но дело об убийстве, в котором оказывается замешана Таня, рушит и ее карьеру, и всю ее жизнь...

«Крик Ворона»

После дела с кражей картины у старого коллекционера Тане Захаржевской приходится «лечь на дно». Она выходит замуж за англичанина и уезжает за границу. Кто бы мог подумать, что ее супруг окажется поставщиком девочек для борделя! Но Таня не такова, чтобы смириться с подобной участью. Она становится хозяйкой этой «ночной империи». Куда еще заведет ее жажда приключений?

Татьяна Ларина обретает настоящую любовь, о которой мечтала всю жизнь. Но недолго длится ее счастье: Танин муж вынужден скрываться от преступников, которые хотят использовать его изобретение в целях обогащения...

Уважаемые читатели!

Вы можете заказать книги издательств «Нева», «Олма-Пресс» любым удобным для вас способом:

по телефону: (812) 268-9093;

по электронной почте: postbook@areal.com.ru;

по почте: 192236 Санкт-Петербург а/я № 300 ЗАО «Ареал».

Вы можете выбрать один из двух способов оплаты заказа:

- наложенным платежом. Оплата производится на ближайшем почтовом отделении при получении бандероли. Все цены на издания указаны без учета почтовых расходов.
- по предварительной оплате. Стоимость такого заказа будет на 10% ниже стоимости наложенного платежа. Оплата производится банковским или почтовым переводом. Оформлять такой вид платежа следует только по телефону или электронной почте.

Книги будут высланы в течение недели после получения заказа или выхода книг из типографии.

При оформлении заказа обязательно укажите:

- фамилию, имя, отчество, телефон, факс, электронный адрес;
- почтовый индекс, регион, район, населенный пункт, улицу, дом, корпус, квартиру;
- издательство, название книги, автора, номер лота, количество заказываемых экземпляров.

Номер лота. 1400

Автор, название. Дмитрий Вересов «Черный ворон» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 544

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1401

Автор, название. Дмитрий Вересов «Полет ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1402

Автор, название. Дмитрий Вересов «Крик ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Номер лота. 1403

Автор, название. Дмитрий Вересов «Избранник ворона» (твердый переплет)

Объем книги в страницах. 480

Цена за экземпляр. 90 р.

Цены указаны без учета почтовых расходов.

Глава третья

ПРИЗРАК ГИМЕНЕЯ

I
(Ленинград, 1982)

Нил стоял перед витиеватым домом, во всем облике которого запечатлелась борьба ядовитейшего русского модерна с буржуазной прилизанностью, и предавался раздумьям. Что предпочесть — физически утомительное восхождение до собственных дверей или чреватый морально-психологическими издержками маршрут, пролегающий через территорию соседей? Сейчас, пожалуй, общение будет свыше его сил, а вот небольшая нагрузка на ноги и дыхалку пойдет только на пользу. Отвлечет, быть может... Нил вздохнул и двинулся в подворотню, ведущую в третий двор.

Путь его пролегал через проходные парадные, мимо помойки, на черную лестницу, крутым винтом уходящую под самую крышу. Тусклые лампочки на лестнице горели через три на четвертую, некоторые марши приходилось преодо-

левать на ощупь, задевая ведра с пищевыми отходами и постоянно поскальзываясь на кошачьих каках и гнилых очистках. Пару раз пришлось остановиться, передохнуть, отдышаться. Недолго, несколько секунд — невыразимые лестничные благовония гнали дальше, не позволяя расслабляться.

На последней площадке Нил останавливаться не стал, а поднялся еще на полэтажа, к железной дверце с навесным амбарным замком. Внушительный вид замка не смутил Нила, он взялся за скобу обеими руками, поднатужился, потянул вверх и на себя. Дверь подалась с ржавым скрежетом, и Нил шагнул в темноту проема. Через несколько шагов он был возле чердачного окошка, настежь распахнутого. Нил влез на это окошко, спрыгнул — и направился по железному навесному мостику, перекинутому через глухой двор-колодец. Миновав мостик, он оказался под круглой, увенчанной черепичным куполом башней, прямо напротив устрашающего вида бойницы. Нил боком протиснулся в узкую бойницу, толкнул тяжелую, снабженную пружиной дверь — и очутился в бетонном боксе, походившем на лестничную площадку современной новостройки, за тем лишь

исключением, что лестницы, ведущей вниз, не было вовсе, а наверх вела вмурованная в стену стремянка, упиравшаяся в квадратный дощатый люк, на котором было коричневой краской выведено число 110. Справа от лестницы находилась серая дверь с жестяной табличкой «109». Нил остановился у этой двери и достал ключи. Он пришел домой...

II
(Ленинград, 1974)

Главной переменой в их с Линдой жизни после того, как она стала официально совместной, была перемена адреса. Ольга Владимировна не изменила своего взгляда на брак сына и на невестку, свадьбу принципиально бойкотировала, но именно она сделала молодым царский подарок. Великая певица вовремя сообразила, что, отказав им от дома, обрекает на скитания по съемным квартирам и тем самым приближает тот неизбежный миг, когда они явочным порядком реализуют свои законные права на часть квартирки на Моховой, и придется либо совершать срочный и невыгодный для Ольги Владимировны об-

мен, либо соглашаться на жизнь под одной крышей с ненавистной невесткой. Во избежание такой перспективы пришлось идти на поклон в дирекцию. Из дирекции позвонили в горком, из горкома в исполком — и в результате образовалось экзотическое жилище на последнем этаже старого доходного дома на Петроградской. Образовалось оно очень своевременно, поскольку в город возвращался земляк Ринго, и нужно было срочно освободить комнату на Четвертой Советской.

Обстановку собирали с бору по сосенке, и тут отдельное спасибо следовало сказать родителям Линды. Недели через две после свадьбы прибыл контейнер с ее приданым — страхолюдной, зато люто дефицитной мебельной стенкой «Тюдор» и пружинным матрасом, громадным во всех измерениях. Стенку они, не собирая, продали с помощью Ринго, а матрас оставили. Именно в тот момент, когда они дружно плюхнулись на эту громадину посреди полупустой, пахнущей вчерашним ремонтом комнаты, Нила будто стрелой пронзило новое самоощущение — муж. Объелся груш... Он прижал к себе жену, та принялась стягивать с него тренировочные брюки.

— Напрасно мы не предохраняемся, — сказал он. — Не залететь бы раньше времени.

Линда резко повернула голову и выстрелила в него вмиг посерьезневшими глазами.

— Раньше времени — это как?

— Ну, наверное, сначала надо университет закончить...

— А потом что?

— Потом заводить бэби. Или двух. Ты сколько хочешь?

Она отвернулась и уставилась в телевизор, стоящий прямо на полу. Там беззвучно шевелил губами и руками солидного вида дядечка, а вокруг него сияла улыбками и с энтузиазмом кивала головами толпа в спецовках.

— Что ли интересно? — озадаченно спросил Нил. — Может, звук врубить?

— Не надо, и так все понятно. Они опять выполнили пятилетку за три недели... Запомни, Баренцев, если хочешь плодить рабов — это не ко мне!

— Погоди, почему рабов? Мы ведь совсем не такие, как они... Мы ведь понимаем... — залепетал вконец обескураженный Нил.

— А раз понимаешь — что пристаешь со всякими глупостями?

Она повернулась к нему спиной и затихла. Он полежал немного, потом робко дотронулся до ее плеча.

— Линда...

— Что тебе?

— Я... я не решался тебе сказать...

— Говори.

— В общем... понимаешь, я думал, что всякая женщина мечтает, и ты тоже... И только ради тебя я готов был уступить, но только не теперь... А теперь я...

— Ничего не понимаю. Ты не мог бы толком?..

Нил сделал глубокий вдох и произнес уже членораздельно:

— Я боялся сказать тебе, что вообще не хочу детей. Ни сейчас, ни через пять лет. Не желаю множить страдания...

Линда накрыла его ладонь своей и крепко сжала...

Спустя полчаса он читал ей из «Двенадцати стульев» размышления о роли матраса в семейной жизни, а она болтала ногами и заливалась смехом.

На безденежье жаловаться было грешно, и скоро гнездышко приобрело вид жилой и благоустроенный. Первонаперво обзавелись мощной электро-

плиткой и подержанным, зато приемистым холодильником «ЗИЛ».

— С роду не терплю коммунальных кухонь, — объяснила Линда.

— Яблонские цапают?

— Пока нет, но без мыла в попу лезут. Вот-вот сорвусь — и начнется битва при скалке...

Соседи — это была отдельная тема. По ордеру сто девятая квартира, занимаемая юной четой Баренцевых, числилась отдельной. Но фактически дело обстояло несколько иначе. Во-первых, была еще и квартира сто десятая, прямо над ними, в башне. До революции и потом, вплоть до начала шестидесятых, в башне традиционно жил трубочист, но когда в доме провели центральное отопление и должность трубочиста была упразднена, ЖЭК начал селить в башне своих работников — дворников и сантехников. В ту пору там жила дворничиха Маруся — существо круглолицее, тихое и деликатное. Башня была оборудована раковиной и газовой плитой, но ни ванной, ни туалета в ней не было, поэтому Марусе всякий раз приходилось спускаться к Баренцевым, и у нее были свои ключи от их квартиры. У них, в свою очередь, помимо комнаты в двадцать пять метров, была

и ванная, и уборная, зато не было кухни, поэтому чайник они кипятили на электроплитке, там же жарили яичницу и разогревали консервы, а когда возникала надобность сготовить что-нибудь более капитальное, пользовались кухней квартиры номер тридцать четыре. Туда можно было попасть через длинный балкон, куда выходили двери их комнаты и этой самой кухни. Балкон круглый год держали открытым, и хоть зимой это было не очень приятно, но все же удобнее, чем по отвесной чердачной лестнице лазать к Марусе.

Нормально, по-человечески попасть в собственное жилище они могли только через ту же тридцать четвертую квартиру. Сначала надо было войти в роскошный старинный подъезд с витыми беломраморными лестницами, высоченными зеркалами в бронзовых рамах и хрустальными светильниками в форме ромашек и тюльпанов. Подставками для этих светильников служили опять же бронзовые, позеленевшие от времени наяды и фавны. Цветочные мотивы светильников повторялись в бронзовой решетке лифтовой шахты, а грозди фруктов, вкрапленные в цветочные орнаменты решетки, эхом отдавались в лепном бордюре, про-

тянутом по верху стен. Темный, вместительный лифт неспешно, с благородным скрипом возносил на шестой, последний этаж. Там, на площадку, выложенную мозаикой на античные темы, выходило две монументальных дубовых двери. Одна из них была намертво заколочена еще в незапамятные времена, так что даже старожилы затруднялись припомнить, что, собственно, за ней находилось. Из-за второй, несмотря на отличную звукоизоляцию, круглые сутки доносился гвалт, ругань, взрывы слез или смеха, песни или звон разбиваемой посуды, несло квашеной капустой, жареной рыбой, постоянно примешивались и другие запахи, неопределенные, но сильные.

Это была квартира номер тридцать четыре, где проживало большое, на редкость шумное и бестолковое семейство Яблонских — пожилая пара, Рувим Аркадьевич и Пятилетка Абрамовна, незамужняя сестра кого-то из них, откликавшаяся на имя «тетя Фира», их старший сын Оскар с женой Оксаной Григорьевной и тремя тощими, горластыми мальчишками — двое задир и один плакса, — и холостой младший сын Гоша, полная противоположность остальным членам семейства. Если все прочие Яблонские были

малы ростом, взбалмошны, суетливы, подвижны, как обезьяны, и, за исключением толстушки тети Фиры, дистрофически худы, то Гоша был громадный, толстый, медлительный и спокойный, как танк. И еще была бабушка, высохшая, как мумия, девяностолетняя старушка, лысая и без единого зуба, зато сохранившая прекрасную память и живой ум. Имя и отчество бабушки все позабыли, если вообще знали, она сама себя называла «бабушка», так и представлялась гостям, протягивая тоненькую и корявую, как прутик, лапку: «Бабушка... Бабушка... Бабушка, очень приятно...»

Молодые супруги, хоть и имели право на беспрепятственный проход через квартиру Яблонских, пользоваться им старались как можно реже. Иначе они рисковали оказаться в эпицентре очередной семейной разборки. При виде Линды Яблонские дружно замолкали, сопровождали ее многозначительными взглядами, а вот Нила норовили привлечь в качестве третейского судьи, дергая за рукав, тыча в грудь, крича в ухо.

Помимо коллективных наскоков бывали и индивидуальные, поскольку у каждого из Яблонских существовал в общении с Нилом свой конек.

Рувим Аркадьевич любил порассуждать о текущем моменте в политике, пройтись насчет бездарности нынешнего руководства и невыгодно сравнить теперешние времена с золотой эрой Сталина и Кагановича, когда был порядок, обилие продуктов на прилавках и чуть не ежемесячное снижение цен.

Пятилетка Абрамовна налегала на медицинскую тематику и могла часами рассказывать о своих и чужих болячках, о новейших лекарствах и методах традиционной и нетрадиционной медицины.

Сферой тети Фиры было искусство, в особенности оперное — от этого Нил, выработавший за последние десять лет стойкую аллергию на подобные разговоры, зверел окончательно и попросту удирал через балкон после первых же фраз. День-другой тетя Фира дулась на него за это, но потом забывала, и все начиналось сызнова.

Хуже всех была Оксана, вертлявая, преждевременно морщинистая крашеная блондинка с потугами на интеллигентность. Работала она в сугубо женском коллективе какого-то проектного института и все норовила выхвалить перед Нилом какую-нибудь из своих молодых сослуживиц — культурных, высо-

конравственных, домовитых, способных создать крепкую семью. «Вы не подумайте, я не хочу сказать ничего плохого...» — всякий раз начинала она, закатывая глазки. Нил убегал, не дослушав.

Оскар налетал на него в самых неожиданных местах, теребил за пуговицу, взахлеб рассказывал о своих изобретениях — например, музыкальном унитазе: когда садишься, играет военный марш, а когда дергаешь за ручку, то перестает — и о блистательных коммерческих гешефтах, которые в ближайшем будущем принесут ему и его семье баснословные дивиденды. Он беспрестанно покупал и продавал какой-то сомнительный антиквариат, выстраивал всех желающих в безумно сложные цепочки обмена жилплощади, разрабатывал безошибочные системы выигрыша в «Спортлото», выращивал на продажу кактусы и попугаев. В эти предприятия, как в черные дыры, ухала вся его скромная инженерская зарплата, а бóльшая часть жалованья жены и пенсии родителей уходила на покрытие долгов. Практически всю семью кормил и одевал Гоша — телевизионный мастер высочайшего класса, способный, помимо этого, отремонтировать что угодно — от автомобиля до утюга. Собственно, из

всего семейства с ним одним и можно было общаться. Случалось, они и сами зазывали его, то на чашечку кофе, а то и на стаканчик портвейна.

Кофе и быстрые супы из пакетиков варили на электроплитке, на ней же жарили яичницу и разогревали готовые продукты из кулинарии. В холодильнике не переводилось заливное в блестящих жестяных формочках и любимое Линдой «Мартовское» пиво. Когда же такая «домашняя» пища надоедала, они одевались и шли перекусить куда поближе — в «Мушкеты», к «Чванову» или в недавно открывшуюся стеклянно-бетонную «Орбиту».

Потом настал черед стиральной машины, кресел, секретера. Они пускали корни — и прорастали друг в друга тысячей мелких черточек, привычек, особенностей. Подчас такие мелочи в одном из супругов были другому милы и приятны, иногда раздражали, даже выводили из себя — но со временем становились или забавны, или переставали замечаться, или осознанно изживались, будучи замеченными. Так Линда приучилась чистить зубы только своей щеткой, а Нил отучился громко зевать и без крайней надобности почесывать интимные места.

Приближалось лето, а с ним — сезонная трудовая повинность, официально именуемая третьим трудовым семестром. На бумаге студенческие строительные отряды признавались делом добровольным, и действительно истории известны личности, рискнувшие проигнорировать это мероприятие, не имея серьезной отмазки, но дальнейшая судьба таких личностей была, как правило, незавидна. Юная чета Баренцевых решила тянуть до последнего и, если ничего за это время не образуется, явочным порядком вписаться в один специфический отрядик, называемый в народе «мебельным» или «мичуринским». Первое название отражало тот факт, что отряд существовал исключительно для мебели, вернее сказать, для звонкого отчета, а реальный его народнохозяйственный КПД представлял собой устойчиво отрицательную величину — явление, невозможное в теории, но сплошь и рядом встречающееся в повседневной практике. «Мичуринским» же отряд стал благодаря единственному виду трудовой деятельности, осуществляемой бойцами, а именно — детородными органами груши околачивать. Это, конечно, следовало понимать в переносном смысле, потому что в прямом смысле

упомянутые органы использовались исключительно по своему природному назначению — и с повышенной интенсивностью. О последнем, кстати, свидетельствовала табличка на входе в отрядный барак, определенно рассчитанная на знатоков мужской консонансной рифмы: ОТРЯД «БОРЕЙ» — 48 ЕДОКОВ!

Самое удивительное, что за попадание в «Борей» даже не брали вступительного взноса. Правда, пребывание в нем требовало немалых денег — в торговле алкогольными напитками наступления коммунизма пока не предвиделось.

Такая халява была, конечно, предпочтительней, чем по двенадцать часов в сутки месить бетон на строительстве КамАЗа или катать асфальт на болотах Полесья в надежде привезти с этой двухмесячной каторги, в самом лучшем случае, столько, сколько можно было взять за один скромненький «разгон» на Галере или за удачную карточную партию с применением Ниловой оптики. Но перспектива провести лето в сельском нечерноземном захолустье и в тесном принудительном общении с полусотней пьяных рыл, успевших обрыднуть за учебный год, радости не внушала. У Нила, правда, была пуленепробиваемая маза — перене-

сенный менее года назад гепатит. Но у Линды ничего подобного не имелось, а бросать жену на произвол судьбы он не собирался.

Помог случай. На последнем экзамене Нил отстрелялся быстро, удачно, и в праздничном настроении заглянул в комитет комсомола, намереваясь сгоношить кого-нибудь на распитие бутылочки-другой пива. Но там он застал только Карину Амирджанян из факультетского бюро. Вид у комсомольской богини был озабоченный.

— Спихнул? — спросила Карина.

— А как же! Четыре шара по общему языкознанию — это вам не хухры-мухры!

— Поздравляю... Слушай, Баренцев, ты-то мне и нужен!

— А что такое?

— Новая разнарядка прямо из горкома. Агитколлектив при городском штабе ССО. Позарез нужны классные музыканты в молодежном стиле. Пуша я уже подписала, дело за тобой. Заработков не обещают, зато поездишь за бесплатно, страну посмотришь, с новыми людьми пообщаешься. Ты, конечно, имеешь право отказаться, у тебя освобождение... Только ты ведь не хочешь испортить от-

ношения с комитетом? А я в долгу не останусь. Ну как, согласен?

Нил улыбнулся.

— Как говорил некто Мечников, согласие есть продукт при полном непротивлении сторон.

Карина ответила недоуменным взглядом.

— Утром деньги — вечером стулья, — подсказал он цитату из классиков.

— Баренцев, ты же умный парень. Это же *официально* заработков не будет, а в принципе...

Она многозначительно замолчала.

— Так ничего нет, а в принципе есть все, да? — Карина хихикнула. Этот анекдот она знала. — Давай поторгуемся, принципиальная моя. Мне нужна не денежная халтура, а чтобы вместе со мной взяли и Линду. Если нет — мы оба подаемся в «мичуринцы». Устроишь?

— Кем, интересно?

— Допустим, солисткой.

— Издеваешься?! Я ж говорю — заявка пришла на *классных* музыкантов. Городской уровень, будет профессиональное прослушивание. А твоя Линда, извини...

— Я все сказал. Будешь у нас в «Борее» — заходи в гости.

Карина позвонила на другое утро. Линду берут в секретариат городского штаба. В паузах между выездами агитбригады они смогут быть вместе, к тому же твердо обещано, что в некоторые поездки он сможет брать ее с собой. Вопрос был решен.

III
(Ильинка — Ленинград — Новгород, 1974)

— Ну что, комиссар, ужин у вас в семь, концерт в половину восьмого. Получается, у нас есть... — Вова Слонов, представитель горкома ВЛКСМ, посмотрел на свои японские часы в хромированном корпусе, — еще шесть часов. Колись давай, какая в вашей глуши развлекуха имеется, окромя самогона?

— Самогон, Вова, предлагаю отложить на после выступления, — вмешался Олег Иванович, директор студенческого клуба, ныне исполняющий обязанности художественного руководителя агитбригады. — Неровен час, нажрутся господа актеры, сорвут мероприятие, кто отвечать будет?

— Пожалуй, — степенно согласился Вова. — Тогда, может, что-нибудь пасторальное? Рыбалка там, грибочки-ягодки...

— С рыбалкой напряженка, — сказал комиссар. — Снастей нет, озеро далеко. Грибы еще не пошли.

— У Ильинки малины завались, — вмешалась санинструктор отряда. — С дороги видно.

— До поворота на Ильинку километров восемь, не меньше, — проговорил комиссар задумчиво. — Обернуться не успеете.

— А мы автобус организуем. Мне так и так в Хвойное заглянуть надо, — сказал Вова. — Это ведь в ту же сторону?

— Ну да! От поворота еще километров тридцать — и Хвойное, — сказала санинструктор.

— Так и постановили. Тебе, Надюша, места эти известны, пойдешь с народом, чтобы никто не заблудился, часам к пяти обратно на дорогу выведешь. Мы с Вовой будем из райкома возвращаться — подберем вас. Годится?

Комиссар вопросительно посмотрел на Слонова и Олега Ивановича.

— Годится! — решил Вова. — Ну что, народ, кто по малинку желает?

Желающих набралось двенадцать человек — две трети агитбригады. В их числе и Линда с Нилом...

— Ау, я тут!

Нил поднял голову и невольно застонал — Линда стояла на крутом склоне у самой вершины холма, а за ее спиной виднелся острый обломок кирпичной стены.

— Зигги, ну же, иди сюда!

Это прозвище она подарила мужу за день до поездки вместе с альбомом прежде неизвестного ему английского музыканта Дэвида Боуи «Ziggy Stardust and the Spiders from Mars». Развернув бумагу, в которую была завернута пластинка, Нил обомлел: с обложки на него глядело лицо, конечно, изрядно отретушированное и подгримированное, дополненное сверкающим психоделическим нарядом и диким желтым хайром, но — его собственное! «Наконец-то я увидела твой истинный фейс, Давид Робертович, — сказала тогда Линда, утирая слезы, выступившие от безудержного смеха. — Отныне быть тебе Додиком». — «Помилосердствуй! — воскликнул Нил. — У нас и так за стенкой полна хата Додиков!» — «Тогда будешь Зигги-Звездная Пыль...»

— Да хватит уже! — крикнул Нил, задрав голову. — И так полное ведро набрали. Пойдем лучше назад!

— Ой, ну пожалуйста, пожалуйста! Тут такая красота!

Нил вздохнул, переложил потяжелевшее за какой-то час ведро в отдохнувшую руку и начал подъем.

Поравнявшись с Линдой, он поставил ведро, уселся на замшелый камень и достал погнувшуюся сигарету. Линда отошла на несколько шагов и застыла, глядя куда-то вниз. Он докурил сигарету, а она все не двигалась. Нил подошел к ней, тихо положил руку на плечо.

— Что с тобой?

— Ильинка...

Деревня под холмом опустела давно. Это было понятно и по отсутствию столбов с электропроводами, и по высоте деревьев, проросших на крышах и сквозь крыши. От деревянных домов остались закопченные трубы, сиротливо выглядывающие из буйной дикой зелени, от кирпичных — осыпающиеся красные стены с пустыми черными глазницами окошек. Дом, стоящий несколько на особицу и обнесенный чудом сохранившейся чугунной оградой, обращал на себя внимание. Это было длинное двухэтажное сооруже-

ние, на стенах которого кое-где сохранилась желтая штукатурка, с облупившимся прямоугольным фронтоном и высоким каменным крыльцом с монументальной дверью, крест-накрест заколоченной почерневшими досками. Над дверью косо свисали остатки черепичного козырька. Один столб под козырьком упал и теперь лежал поперек крыльца, расколотый на три части. Сбоку от входа Нил разглядел круглую, дырявую крышу беседки.

— Там была усадьба помещиков Ильинских, — прошептала Линда.

— Откуда ты знаешь? — спросил потрясенный Нил.

— Я не знаю. Я так думаю. Пошли.

Не пройдя и пяти шагов, они наткнулись на удивительный малиновый куст, сплошь облепленный громадными, прозрачными, сочными ягодами. В лучах солнца, клонившегося к закату, ягоды отливали золотом изнутри. Мгновенно повеселевшая Линда принялась горстями сгребать золотистые ягоды и запихивать Нилу в рот. Он не долго думая последовал ее примеру. За считанные минуты они наелись до отвала, почти до тошноты, но остановиться никак не могли — нежная, ароматная, тающая сладость чудо-ягод была непреодолима...

— Ай! — вдруг воскликнул Нил, его голова нырнула под руку Линде и исчезла в густой поросли, следом посыпался сладкий малиновый дождь.

— Эй, ты что там делаешь?

— Лежу. Навернулся обо что-то.

— Так вставай, если можешь.

— Сейчас, зажигалку обронил...

— Давай помогу.

Линда раздвинула зеленые прутики, и взгляду ее открылась ровно обтесанная поверхность. На гладком розовом камне проступала глубоко и четко высеченная изогнутая роза, а в полукруге стебля — православный крест.

— Зигги, ползи сюда! Гляди, чего я откопала.

В полуметре от камня вынырнула взъерошенная голова Нила.

— Вот-он-то мне под ногу и попался... — Он вгляделся в изображение. — Э, да мы, мать, похоже, на старое кладбище попали. То-то малина такая нажористая...

— Тьфу на тебя!

— Успокойся, здешние бренные останки давно уже биологически пассивны. Даже косточки истлели задолго до нашего рождения.

— Гляди, а тут еще один камень. И крест поваленный...

Они дружно присели на мягкую траву.

— Зажигалку нашел? — шепотом спросила Линда.

— Ага. Вот она.

— А сигарета есть?

— Держи.

Они замолчали, глядя друг на друга и пуская дым в чистое небо.

— Знаешь, мне вдруг в голову пришло... Если бы эти камни могли говорить, сколько всего они нам рассказали бы...

— Камни не говорят, — отозвалась Линда.

— Само собой...

— Но думают.

— Что-что?

— Думают. Лежат и думают. У них, видишь ли, много времени на раздумья...

— И о чем, интересно, они думают?

— Они думают о том, что люди, наверное, открыли секрет бессмертия и перестали умирать. Погост стоит, а никого не хоронят.

— Странно все это...

— Зигги, ты можешь пообещать мне одну вещь?

— Какую?

— Если я... если я уйду первой, ты постарайся сделать так, чтобы меня за-

копали под тем камнем, с розой. Буду выращивать солнечную малину...

— Линда, прекрати, что ты несешь!

— Нет, не надо. Земля тяжела... Лучше отдай меня чистому огню, а пепел отпусти на волю, развей по ветру...

— Какая чушь!

— Без воли и ветра душа не живет... Зигги, сделаешь?

— Ты перегрелась...

Линда тряхнула головой и, резко качнувшись, встала.

— Извини, сама не понимаю, что на меня нашло, не придавай значения... Ой, побежали, наши, наверное, уже на дорогу вышли...

В конце августа все стройотряды вернулись в город, а второго сентября начались занятия в университете, однако городской штаб работу не свернул. Линда, официально освобожденная от учебы еще на месяц, с утра до позднего вечера корпела над разного рода отчетностью и домой возвращалась усталая, голодная и злая. Она пулей пролетала через владения Яблонских, сразу за балконной дверью скидывала кроссовки или босоножки и переоблачалась в розовый халат, красноречиво вывешенный на дверях ванной

комнаты. На столе ее ожидали бутылка пива, только что из холодильника, и что-нибудь вкусненькое на укрытой полотенцем сковородке. И лишь когда она, утолив первые голод и жажду, закуривала сигарету, начинала звучать негромкая восточная музыка, и словно джинн из кувшина материализовался Нил, прятавшийся доселе за высоким матрасом. На этот же матрас они обычно и заваливались после ужина, оставив мытье посуды на утро.

— Зигги, ты меня балуешь, — говорила Линда, целуя мужа.

— Не-а, проявляю элементарный эгоизм. Хочу приучить тебя к мысли, что и тебе придется именно так встречать с работы меня. Каждый вечер, много-много лет подряд. Даже когда я буду заслуженным старым пердуном, а ты...

— Заслуженной старой пердуньей, — докончила она.

— Отнюдь. Элегантной старой дамой с голубой челкой и ястребиным шнобелем.

Она выхватила из-под головы подушку и принялась охаживать ею Нила. Он уворачивался, хохоча во все горло...

— В Новгород, на четыре дня. Зональный смотр агитбригад, — пояснил

он, перехватив ее удивленный взгляд. Взгляд был направлен на упакованный под завязку рюкзачок, стоящий возле матраса. — Поезд завтра утром. Наших полвагона, так что, если хочешь, могу и тебя вписать.

— Хочу. — Линда вздохнула. — Но не могу. Никто не отпустит. Отчет сдаем послезавтра.

— Жаль... Ладно, вернусь — тогда и погуляем. Имеем право. А пока что ты отдохни от меня.

— Хочешь, открою страшную тайну?

— Ну?

— От тебя-то я как раз и не устала... Ладно, смотри там, веди себя, ешь с аппетитом, пей с перерывами, с кем попало не трахайся...

— И вам, гражданка Баренцева, настоятельно рекомендуется воздерживаться от случайных связей, — с важным видом изрек Нил, но не удержал тона и фыркнул в кулак.

Некультурная программа началась уже в поезде, но Нила не тянуло ни на портвейн, ни на хоровое исполнение популярных песен, и как только позволили приличия, он удалился в тамбур спокойного соседнего вагона, где и провел бо́льшую часть пятичасовой поездки, обща-

ясь преимущественно с мятой пачкой «БТ». За окном было тоскливо и пасмурно, и смутные дурные предчувствия бередили душу.

Тревога не покидала его весь этот день и следующий тоже. Все было как в тумане. Их куда-то везли, что-то они там устанавливали, что-то играли и пели, потом их чем-то кормили, потом везли обратно, потом опять кормили, а потом они где-то спали. То есть, вообще-то он знал, что иногородних участников слета с шиком разместили в гостинице «Садко», в двухместных номерах, что соседом его по комнате числился лиаповец Скрипка, во многом благодаря своей фамилии ставший классным барабанщиком. В номере Скрипка появился дважды — один раз, когда заносили вещи, а вторично в первом часу, возбужденный и крепко поддатый. Нил не спал и слышал, как тот, громко сопя, возится с сумкой и достает из нее что-то булькающее и что-то шуршащее.

От экскурсии по городу и окрестностям, устроенной наутро, у Нила остались смутные впечатления, запомнились только синие, в золотых звездах, купола Юрьева монастыря да всеобщее оживление, когда Олег Иванович, решивший

сфотографировать группу на фоне Кремля со стороны Волхова, слишком энергично попятился и с высокого причала плюхнулся в реку вместе с фотоаппаратом, импортным плащом и фетровой шляпой. Но Нила даже это не позабавило. Меланхолию его не сбили ни выступление на послеобеденном конкурсном концерте, где сводный вокально-инструментальный ансамбль с его участием удостоился похвалы авторитетного жюри, в составе которого заседал какой-то хрен из ЦК ВЛКСМ, ни последовавший за концертом роскошный ужин с обильными возлияниями. Под высокими темными сводами детинца средневековые братины и ендовы соседствовали на длинных столах с современными салатницами, графинчиками, литровками и поллитровками, а среди многочисленных блюд предлагались и вовсе невероятные: типа стерляжьей ухи из судака и картофеля по-древнерусски. Их-то Нил из мрачного любопытства и заказал. Как известно, на халяву и уксус сладок. Но оказалось действительно вкусно, а черный квас, которым он запивал трапезу, отдавал медом, луговыми цветами и чуть-чуть мятой. Хотелось бы, конечно, чего-нибудь покрепче, тем более что выбор был

богат. Но Нил предпочел не рисковать — нынешнее сумеречное состояние пугало его своей интенсивностью и полной беспричинностью, и алкоголь мог подействовать самым непредсказуемым образом.

Между тем физиономии набившихся в банкетный зал молодых талантов с каждым новым стаканом делались все румяней и веселей, вместе с несвязностью речей нарастала их развязность, от гама, дыма и недосыпа разболелась голова. Когда же с противоположного конца стола покатилась, множась и крепчая на ходу, сильная идея всей гурьбой двинуть в общий зал, шугануть с площадки местных музыкантов и врезать несколько зажигательных комсомольско-стройотрядовских номеров, Нил окончательно понял, что отсюда пора делать ноги, иначе и его вытянут на сцену на чужом инструменте шибать идейно выдержанной романтикой по подгулявшим душенькам.

Стараясь не привлекать к себе внимания, он поднялся, медленно вышел и по крутой лестнице спустился в общий зал, на ходу полюбовался на эстраду, откуда облезлые молодцы в розовых пиджаках пропитыми голосами призывали город Одессу цвести и процветать, глянул на самозабвенно выплясывающую

потную публику и поспешил дальше — звуки из мерзко хрипящих динамиков молоточками долбили мозг.

Дорогу сюда Нил не запомнил, поэтому дороги отсюда не знал. Вывернув из короткого коридора в узкое помещение, где вдоль одной стены тянулась деревянная стойка бара с высокими табуретками, а вдоль другой расположились столики на двоих, отделенные друг от друга невысокими барьерами, он решил, что забрел не туда, и хотел уже вернуться в коридор...

— Нил?

Растерянно щурясь, Нил завертел головой, но свет в узком зальчике был тусклым, и он не сразу разобрал, что за женщина машет ему рукой с дальнего столика, а, разобрав, обрадовался несказанно.

— Катя! Как ты здесь оказалась?

— На работе путевки в Новгород были. В «Детинец» поужинать зашла. А тебя каким ветром? Да ты садись...

И интерьер, и меню, и публика здесь были попроще, чем наверху. На тарелке перед Катей лежали три бутерброда — один с килькой и яйцом, два с «докторской» колбасой, — рядом стоял стеклянный кувшин с чем-то темным и пенным.

— Пиво? — поинтересовался Нил, присаживаясь.

— Круче. Медовуха. Попробуй, зашибенная вещь.

— А вот зашибать мне сегодня не хочется. И так башка болит.

— Как раз и пройдет. Ты не бойся, она мяконькая, почти квас.

Не слушая его возражений, Катя направилась к стойке и вернулась оттуда с чистым стаканом для Нила. Честно говоря, возражал он несильно. Катя была частицей того мира, в котором ему было хорошо, весело, уютно. Мира Линды. Тревожная тоска отступила, и теперь можно было слегка расслабиться не опасаясь за последствия.

— Вкусно, — сказал он, осушив первый стакан. — Мы же с самой весны не виделись. Куда вы запропали?

— Соскучился? Сами вы запропали. После свадьбы к нам вообще не заглядывали, будто дорожку забыли. А потом пошли дела всякие, командировки. Ты же знаешь Ринго, он всегда найдет занятие... Лучше расскажи, как вы с Линдой лето провели.

И он начал рассказывать. Сначала сдержанно, больше отвечая на Катины вопросы, потом все обстоятельнее, от-

кровеннее. Катя несколько раз поднималась, приносила новые кувшины, разливала, чокалась с ним, смеялась своим неподражаемым смехом, на который невольно оборачивались едва ли не все посетители. А Нил этого уже не замечал...

Первое, что он ощутил, еще не разлепив глаз, — трусы. Сползшие на колени, совершенно мокрые трусы.

— Это что же, это я же... — пролепетал он, чувствуя при этом, что пересохли и потрескались губы, а вместо языка во рту — кусок разогретого наждака.

На всякий случай он пощупал голову. И не совсем напрасно — волосы оказались не суше трусов, стало быть, не осрамился, а всего-то искупался где-то, а вытереться забыл. Интересно, кстати, что еще забыл? А вот все забыл! Между встречей с Катей и мокрым пробуждением у себя в номере (а номер точно его — голубые занавески, на стене «Жнецы» кисти Венецианова) зияет черный провал. Как наркоз...

— Который, однако, час? — вслух произнес он, радуясь членораздельности собственной речи. — Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?

Не дослушав себя, Нил рывком поднялся и даже сделал два четких шага.

— Тысячелетье не из лучших, а времени десятый час... Гляди-ка, тоже почти стихи получились. Здравствуй, Нил.

— При... Я сейчас!

Нил едва успел добежать до туалета. Вышел он оттуда не скоро, но с приятной улыбкой на зеленоватом лице.

— Извини, я вчера...

— Знаю. Медовуха коварна, как сердце женщины. А пиво, как верный друг, никогда не подведет и никогда не обманет.

Стол был уставлен бутылками пива. Их было не меньше десяти. И две немаленьких воблины.

— Садись, — сказал Ринго. — Будем тебя лечить...

— Эт-то я тебе только как др-ругу... Я гор-ржусь, что у меня есть такой друг, как ты, — втолковывал Нил полчаса спустя. — Ты ведь мне др-руг? Я тебя уважаю, я тебе как другу говорю...

— Ты лучше мне вот что как другу скажи — как оно с Катькой, хорошо было?

— Хорошо... То есть в каком смысле?

— В самом прямом. Хорошо ее иметь?

— Иметь? Хорошо, наверное, я не знаю...

Ринго хмыкнул и произнес устало:

— У тебя вся шея в засосах. Твоя подушка перемазана ее помадой, в ванной на твоей расческе ее крашеные волосы. Но главное — запах. У каждой женщины свой интимный запах... Ты не знал?

Нил закрыл глаза, надавил на них пальцами. В ослепительных оранжевых кругах, как в фотографических вспышках, осветилась картинка: обнаженная Катя в пластикатовой шапочке стоит под душем, его руки касаются ее плеча. Она оборачивается, проводит губкой по его лицу, легонько отталкивает его. «Нилка, отзынь! Иди спать! Я опаздываю. Повеселились — и будет...»

Повеселились — и будет.

Нил сполз со стула на колени, уткнулся лицом в желтый утепленный линолеум.

— Ринго, я... Бес попутал, понимаешь. Я ничего не соображал...

— Ты сам встанешь, или помочь?

— Прости, если можешь, я подлец, мерзавец...

Ринго расхохотался. Это было так неожиданно, что Нил оторвал лицо от пола, перекатился на бок и ошалело уставился на Ринго.

— Тебя бы сейчас сфотографировать — и на обложку «Крокодила»... На-

рочно не придумаешь, или из жизни чайников... Поднимайся, попей пивка, расслабься.

— Ты... — недоверчиво начал Нил. — Так ты не сердишься, не обижаешься?

— На сердитых воду возят, а обиженных ставят раком. — Ринго разлил пиво и поднял стакан. — За разнообразие, которое украшает жизнь, и за ту силу, которая позволяет нам этим разнообразием пользоваться... Вот так, молодец... Пора, старик, уяснить некоторые вещи. Катюша — женщина совершеннолетняя и половой вопрос вправе решать самостоятельно. Честно говоря, я даже рад, что она трахнулась именно с тобой, — так я хотя бы могу рассчитывать, что в ближайшее время не буду вознагражден какой-нибудь неприличной инфекцией. Жалко, конечно, что ты был в отрубе и ничегошеньки не помнишь. А то бы сравнили впечатления...

— Жалко, — поддакнул Нил, окрыленный тем, что все так удачно разрешилось.

— Ты много потерял, — продолжал Ринго. — Катя по этому делу большая умелица. Самую чуточку не дотягивает до Линды, та вообще профи... На-ка, пососи.

— Что? Что ты сказал?!

— Икру, говорю, пососи. Икра в вобле — самый смак.

— Нет, до того! Про Линду!

— Про Линду?.. Ну, можно и про Линду...*

IV
(Ленинград, 1974)

Зеленые прутики черемши и красные лодочки перца на голубой тарелке. В белой пиале — толченые грецкие орехи, приправленные сметаной и специями, одновременно гарнир и соус. Высокий бокал, на три четверти заполненный темным вином. Сковорода плотно прикрыта крышкой, но по запаху совершенно ясно, что в ней — цыпленок табака, купленный в придворной кулинарии и подогретый на электроплите. Дежурное парадное блюдо дома Ба-

* Хотите верьте, хотите — нет, но я здесь была не при чем. Не имелось никаких резонов форсировать события. Расставание Нила и Линды было делом времени — ни он, ни она не были созданы для семейных идиллий... Ринго заложил Линду исключительно по собственной инициативе — должно быть, «сутику» стало кисло без своей дойной коровушки, и он решил вернуть ее. За что вскоре жестоко поплатился. *(Прим. Т. Захаржевской.)*

ренцевых. В воздухе, напоенным тлеющим сандалом, тихо парит «Magic Woman»* Карлоса Сантаны.

Он не стал садиться за стол. Взял с него откупоренную бутылку «Мукузани», хлебнул из горлышка, отошел с бутылкой к окну, закурил, выжидая.

Она появилась не из-за матраса, а из прихожей, в любимой им голубой кружевной комбинации, лишь обнаженные плечи прикрыты пестрой шалью. Дошла до середины комнаты и остановилась.

— Зигги!.. У тебя фингал. Откуда?

Он отвернулся и буркнул неприязненно:

— Оттуда.

— Ты не поел. Не хочется?

— Отчего же. — Он усмехнулся. — Хочется. Только не этого.

— А чего? — с удивлением спросила Линда.

— Сырого фарша.

— Странные фантазии. Но у нас нет сырого фарша.

— И не просто сырого фарша, а отжатого через марлю и поданного на простыне. Или такое блюдо ты, Magic Wo-

---

* «Волшебная женщина» (или «колдунья») *(англ.)*.

ман, могла для меня изготовить только один раз?

Больше не взглянув на нее, он вышел на балкон, несколько секунд постоял, не заходя на кухню Яблонских. Но она не бросилась вслед за ним. Тогда и он не стал возвращаться.

Ржавчина давно стекла, и в дно ванны била теплая, прозрачная струя. Воронкой покружившись над черной дырой стока, вода бесполезно уходила в трубу. Линда сидела на краю ванны и невидящим взглядом смотрела на струю...

Она далеко отсюда. Ей четырнадцать лет, и голодные юные зубки с наслаждением терзают подогретую рубленую начинку слоеного пирожка.

— Не погуби, пацанка... — Над тарелкой, где лежат еще два пирожка, хрипит и извивается тяжелое, похмельное лицо. Из крупных пор сальными червяками ползут короткие белесые волоски. — Ну, выпивши был... Я ж не знал, что у тебя батя...

— А если бы не батя, тогда что? — высокомерно спрашивает она. Лицо моргает, выжав из нечистого уголка глаза микроскопическую слезинку. — На конвейер бы поставили? Сперва ты, потом начальник твой, потом в спецприемнике

воспитатель в погонах, потом еще какой-нибудь гражданин начальник... Нет, не люди вы, менты, а псы позорные.

— Но-но, ты полегче... — прикрикнуло было лицо, но рык сполз на фальцет.

— Батя приедет, мы первым делом в поликлинику... — Она откладывает недоеденный пирожок и сладко потягивается. — Потом к прокурору. Суши сухари, Бузинов.

Его заскорузлые толстые пальцы нервно разглаживают мятые купюры на краю стола.

— Вот... Возьми... Только бате не закладывай, Христом Богом...

— Поезда тут долго стоят, — задумчиво говорит она, не глядя на деньги. — Бабульки мно-ого чего продать успевают. И рыбку, и морошку, и огурчики. Торговля бойкая... А с каждой бабульки-то по полтинничку... Или по рублику, а, Бузинов? — В ответ слышится только громкое сопение. — На «Москвича» набрал уже или еще копишь?

— Коплю...

— И сберкнижка есть?

— Есть...

— Бате еще часа два ехать... Давай, Бузинов, поспешай, успеешь еще две сотни положить — твое счастье...

— Ах ты...

Мерзкое лицо наливается краской.

— На передачи больше уйдет. Если, конечно, женка их тебе носить не побрезгует, педофилу сраному.

— Я тебе не пидор... — хрипит вконец униженный Бузинов.

— Будешь, если бабки не принесешь. В две секунды опетушат...

Принес. Пыхтя, вывалил перед ней на стол. Вид красных червонцев и сиреневых четвертных не согревает. Греет другое: мысль о том, что в следующий раз она слиняет из родительского дома не бродяжкой беспаспортной на товарняках, легкой добычей любого самца, наделенного властью или просто силой, а законнейшей пассажиркой мягкого вагона, при деньгах и документах...

— Все теперь? — сипит Бузинов.

— Почти. — Она не спеша прячет деньги во внутренний карман курточки. — Наклонись-ка.

И остывшим какао — в рожу.

— Умойся, Бузинов. А то вот-вот начальство нагрянет...

Ей пятнадцать лет...

— Позор! — визжит мать, заткнув уши, чтобы не слышать никаких возра-

жений. — Дочь начальника милиции города!..

— И директора универмага... — послушно вторит папаша, а на пропитой физиономии выражение тихой радости, что не его, горемычного, сегодня ефантулит дорогая супруга.

— Шлюха помоечная! С последней шпаной, по подвалам!..

— Ключи бы от дачи не прятала, так было б не по подвалам...

— Что! Отец, ремня! В колонию! Валидолу мне!..

Мать в изнеможении валится в кресло. Отец, кряхтя, шарит по полкам в поисках лекарства. Секунда передышки...

— И как нам теперь людям в глаза смотреть прикажешь?!

— А вы меня с этих самых глаз сплавьте куда подальше. В Москву, на худой конец, в Ленинград. В торговый техникум...

Ей шестнадцать...

— Это все? Да на один наркоз как минимум тридцатник нужен.

— Я и так шапку продал... — В глазах Сережки недоумение, упрек, обида. — И вообще, не надо из меня негодяя делать, а! Сама напросилась, а теперь...

— Сама, говоришь?.. А не пошел бы ты, Жибоедов...

Ей семнадцать...

— Чего ревешь-то, подруга, радоваться надо. Теперь гуляй сколько хошь — и подзалететь не страшно! Да и кому они нужны, спиногрызы-то, при такой нашей жизни?.. А что из техникума поперли — так у нас на химическом лаборанткам лимитную прописку дают и общежитие... Да, на восемьдесят рэ, конечно, не разбежишься, ну, ничего, я тебя подрабатывать научу — не фиг на фиг! Значит, вечерком одевайся пофасонистей, подмажься... В ресторан пойдем!

Восемнадцать...

— Где это я? Что было?

— Было, родная... Правило у меня такое, для подобных случаев жизни — бокальчиками обменяться, быстро и незаметно для дамы. Если бы помыслы твои были чисты, гуляла бы сейчас с честно заработанной двадцаткой, а не валялась здесь, бледная, как спирохета... Так что, гражданочка Ильинская Ольга Владимировна, выходит, ты теперь моя со всеми потрохами.

— Паспорт отдай...

— Это же за какие такие заслуги?

— Я тебе денег дам...

— Сколько мне надо, у тебя нет.

— В менты сдашь?

— А что я с этого буду иметь? Нет уж, я тебя, Ольга Владимировна, намерен использовать с максимальной выгодой... Кофейку хлебнешь? Бодрит.

— Ты что задумал?

— Не боись, родное сердце, не расчлененку... Топорно работаешь, Ольга Владимировна. Клофелинчик твой — штука иногда нужная, но примитивная и, как видишь, небезопасная. Пора, дорогая, разнообразить арсенал, повышать квалификацию.

— Учить будешь?

— Чем иронизировать, лучше скажи — насчет хипеса как мыслишь? Никак. В картишки не интересуешься? Тоже нет. Где и на чем солидного клиента брать знаешь? Не знаешь. Почем сейчас доллар стоит? Тоже не знаешь. Знакомства в гостиницах есть? А в комиссионках?.. Учиться тебе и учиться, дорогая Ольга Владимировна, как завещал великий Ленин.

— Меня Линда кличут...

— А меня Ринго. Говорят, похож.

— Похож. А на самом деле как зовут?

— Виктор. Виктор Васютинский. Правда, родился под другой фамилией. Знаешь, какой?

— Ну?

— Штольц. Так что, наша встреча — знак судьбы.

— Штольц и Ильинская? Как в «Обломове»?

— Неужели читала?

— Я много чего читала...

Девятнадцать...

— Слушай, а как там твои папахен с мамахеном? Может, проведаем, устроим, так сказать, возвращение блудной дочурки?

— С чего это вдруг? Совсем крыша протекает?

— Не скажи. Недельку комедию поломаем, обаяем старичков, подарочками ублажим, глядишь, папашка твой мне рекомендацию по всей форме нарисует.

— Куда рекомендацию? В страну Лимонию тайгу валить? Это он быстро.

— Ой, помягше к людя́м надо, Линда Батьковна, помягше, а вот мыслить — ширше и переспективнее... Мне, душа моя, не на лесоповал надобно, а наоборот, на юридический факультет университета...

— Ну точно, тронулся...

— Не скажи. Умным людям даже верхнее образование не помеха. Если, допустим, и нет у нас с тобой в жизни амбиций, кроме как потрошить жирных карасей всеми известными способами, так ведь диплом в кармане и должность соответствующая этому делу могут очень даже поспособствовать. Я и тебя, лапушка, всерьез к наукам приобщить намерен. Ты у меня через годик на филологический поступишь.

— Мило. А почему именно филологический?

— Официальная маза для контактов с фирмóй. Сама ведь замечаешь, как они к нам зачастили. Америкашки, япошки, не говоря уж про турмалаев и прочих шведов. Разрядка, душечка... Плюс факультет невест. Там со всего города чудо-охламончики пасутся — пухленькие, богатенькие, глупенькие. Только сачок подставляй.

— Я тебе остохренела? Мерси!

— Зачем так ставить вопрос? Надо же нам в этом чудном городе легализоваться. А то, о чем я говорю, — способ испытанный, нехитрый, недорогой и надежный. Охмурить какого-нибудь маменькиного сыночка из приличной семьи, выскочить

за него замуж, быстренько развестись и отсудить квартирку с имуществом. Учти при этом, что и я со своей стороны буду делать ровно то же самое. И тогда, через пару-тройку лет...

Самое смешное в авантюре с университетом было то, что все получилось. С блеском! Родичи, увидев доченьку ласковой, гладкой и благоустроенной, вмиг оттаяли до соплей, а ее обходительный и завидно состоятельный друг — Ринго назвался работником портовой таможни — и вовсе их очаровал. Мамаша от них не отходила, кормила от пуза и все нарывалась к детям в гости. Пришлось сослаться на текущий ремонт и предстоящий переезд и обещать непременно пригласить на новоселье. Папаша в лепешку расшибся, но добыл для него нужную рекомендацию с присовокуплением красивой грамоты победителю областного смотра общественных рыбоинспекторов. Потом, уже дома, Ринго немного похимичил с трудовой книжкой и характеристиками, и совокупности предъявленных бумажек с лихвой хватило на то, чтобы обеспечить режим наибольшего благоприятствования на вступительных экзаменах и последующее триумфальное зачисление на юридический факультет. Еще бы — по

документам он получился потомственный стопроцентный пролетарий, отличник боевой и политической подготовки, обладатель трехлетнего трудового стажа по специальности.

Линду он метил на финское отделение, но трезво сопоставив конкурс и проходной балл со своими возможностями, она предпочла более доступное албанское, куда и поступила — тоже без особых проблем.

Приехав в Житково с опозданием — неделю провалялась с ангиной, — она почему-то не застала там Ринго, но первые дни даже и не вспоминала о нем, потому что случилось нечто, не подлежащее предвидению и перспективному планированию.

В ее жизнь ворвался Нил Баренцев.

Первый же взгляд на него отозвался внезапной слабостью в ногах и головокружением и только потом оформился мыслью: «Какой красивый мальчик!».

Красивые ма́льчики были ей, конечно, не в новинку, но в каждом из них, встречавшихся ей доселе, сквозило природное, неподавляемое никакими манерами и воспитанием и дико раздражающее ее самоощущение элитного жеребца. Не-

пробиваемая убежденность в собственной неотразимости, пресыщенно-снисходительные улыбочки — дескать, погарцуй передо мной, кобылка, изобрази что-нибудь этакое, тогда я, так и быть, тебя покрою. Может быть... Для таких она даже придумала хитрое словечко — «засимплексованные», то есть, полная противоположность закомплексованным... Томлением по подобным экземплярам она не маялась, к тому же патентованные красавцы сплошь и рядом оказывались весьма хреновы в общении — особенно в горизонтальной его разновидности.

Но этот был иной. Она сразу определила эту «инаковость» по глазам — большим, неправдоподобно синим, не по возрасту печальным. И еще, прочитала она в этих глазах ответный зов, напугавший ее своей робостью... Дурея от сладкой вибрации во всем теле, она последним усилием воли прикрылась улыбчивой, чуть грубоватой личиной «своего парня» и в этой стилистике выдержала всю сцену на чердаке, куда они поднялись после импровизированной экскурсии по бараку. Малыш, кажется, ничего не заметил...

Боже, каким облегчением было появление Стефанюка — манерного, притор-

ного, изломанного, по внешности своей и повадкам показавшегося ей злобной пародией на грациозного, неосознанно пластичного Нила, каждое движение которого сводило ее с ума! А голос! А длинные музыкальные пальцы, так проворно и сноровисто бегающие по гитарному грифу!.. Потом, когда под навес столовки стянулся народ, она развеселилась, стряхнула с себя наваждение, забыла о нем... А зря — ибо оно нахлынуло с удесятеренной силой, когда Линда вдруг обнаружила себя наедине с Нилом на безлюдной деревенской улице, ощутила на своих плечах тепло его рук, почувствовала, обмирая, как он рывком поднял ее с земли и понес куда-то, не разбирая дороги...

В те минуты он мог сделать с ней все. Не сделал.

Потом была одинокая бессонная ночь на темном продувном чердаке, искусанная подушка... «Хороша! — шипела она, подавляя слезы. — На самой клейма ставить негде, а туда же, влюбилась, как гимназистка! В сопляка! В малолетку!»

И весь следующий день, превозмогая отвращение, напропалую кокетничала с четырьмя прочими представителями сильного пола — как на подбор, один другого гаже. Это такую казнь себе устроила, за

проявленную слабость. Заодно надеялась отвлечься.

Получилось только до вечера, а когда увидела Нила, вышедшего к полю встречать ее, так и стукнул в головушку невероятный, багрово-фиолетовый сентябрьский закат...

Уже на берегу, извиваясь в его жарких объятиях, стремительно погружаясь в золотистое безумие, последними остатками воли и рассудка, как в последнюю соломинку, вцепилась в жалкий, насквозь лживый лепет. Про покинутую мать, про несуществующую сестру. Подействовало... И от нахлынувшей победной пустоты хотелось выть волчицей.

Ну не могла она позволить себе потрафить чувству, внезапному и мощному, как селевый поток. Понимала, что легкого, необременительного романчика здесь не получится. Толкового гешефта, как замыслили они с Ринго, — тем паче. И так прикинь, и эдак — ничего, кроме тяжелейших проблем, эта связь не сулила.

Когда на другой день он внезапно заболел и уехал в город, стало легко и пусто.

О том, что случилось с Ринго, она узнала в правлении совхоза, куда ско-

ренько пристроилась, не горя желанием ишачить в поле. Там только об этом и судачили. А через недельку он и сам все рассказал ей, когда побитой собакой притащился из Выборга, отощавший, небритый, провонявший «обезьянником». Рассказал откровенно, с прежде ему не свойственными подвываниями и придыханиями.

Приехал в знакомые места и чуть не сразу расслабился с аборигенами, у которых в бытность свою ефрейтором взрывпакеты на самогонку выменивал. Подписался на дебильную пьяную кражу, опомнился, когда уже в его полуторку дизель загружали, и свалил по-тихому, предоставив остальным самим разбираться. Тем только и уберегся от тюрьмы, а скорее всего, и от чего похуже, поскольку оба его подельника разбились насмерть, вывозя добычу. Но из университета выперли без малейших шансов на восстановление, о чем уведомили в приказе, копию которого ему предъявили в выборгской ментовке. Сволочи, такие перспективы обломали!

Он изнемогал от жалости к себе и явно нарывался на сочувствие, но удостоился лишь холодного презрения.

Прокололся по собственной дурости, а теперь плачется в жилетку! В ее глазах он моментально утратил всякое право не только на лидерство, но и на партнерство. Она прекрасно сумеет устроить свои дела самостоятельно...

В Ленинград она возвращалась, полная всевозможных планов. И в этих планах не было места Нилу Баренцеву. Линда упорно внушала себе, что в разыгрываемой ею партии он — фигура лишняя, отвлекающая, вносящая ненужный сумбур в мысли и чувства.

Но бороться с этим сумбуром было свыше ее сил, хотя, видит Бог, она старалась. С головой погружалась в учебу, в рамках программы жизнеустройства легко добилась индивидуального приглашения в гости от двух перспективных мальчиков, но дальнейшего развития отношения не получили — один слишком уж нахраписто распустил ручонки, а второй, мгновенно выжрав все спиртное, заготовленное на случай затяжного интима, безнадежно вырубился. А между прочим, квартирки у обоих несостоявшихся кавалеров были вполне барские...

От этих визитов на душе остался грязный осадок. Одно дело эксплуатировать

людские пороки, заставляя расплачиваться за жадность, тупость, похоть, но провоцировать любовь с тем, чтобы потом наказывать за нее?.. Линда злилась, ругала себя сентиментальной дурой, но ничего с собой поделать не могла. И тем неудержимее влекло ее к Нилу...

Поход в больницу принес ей и облегчение, и растерянность. Малыш очень обрадовался ее появлению, принесенным подаркам, — но в дивных его глазах больше не было того тихого зова, который вмиг перевернул все ее существо там, в деревне. «Ты отличный парень, Линда!» — говорили теперь эти глаза...

Перегорело у него. «Все к лучшему!» — решила она. И когда он пришел на факультет, действительно стала для него отличным парнем. Курили на лекциях и на переменках, пили кофе, бегали в киношку. Украдкой, внушая себе, что ее это нисколько не задевает, она следила за его неуклюжими, щенячьими потугами снискать благосклонность надменной рыжей красотки Захаржевской с английского и тихо радовалась, понимая, что там ему вряд ли что обломится. И это правильно — не такая ему нужна подруга... Ей было весело оттого, что

удалось пролететь над пламенем, не опалив крылышек.

Щас! Как увидела его, растерянно озирающегося в вестибюле общежития, так будто повторилось роковое двенадцатое сентября. Пришлось спрятаться за колонну и отдышаться, прежде чем шагнуть ему навстречу. А не шагнуть было свыше ее сил.

Может быть, ничего этого и не случилось бы, если бы, как на грех, днем в общагу не заявился Ринго. Снова на коне — веселый, напористый, распираемый прожектами. Угощением, крайне притягательным для студенческого желудка, складным разговором быстро расположил к себе недалеких Йоко с Джоном, внедрился, так сказать, с большим знаком плюс, так что выгнать его теперь было неловко. А потом состоялась первая подкурочка, и зачем-то потянуло проветриться на первый этаж...

Туман в мозгах рассеялся уже за полночь, когда обнаружила себя развалившейся в кресле, Джона с Йоко — храпящими в двух койках, а Ринго — восседающим на третьей и лукаво на нее щурящимся.

— Где Нил? — хрипло спросила она.

Ринго молча ткнул пальцем вниз.

Нил лежал на холодном линолеуме, раскинув руки, похожий на распятого ангела.

— Надо бы его на кровать, замерзнет ведь, — сказала она.

Вдвоем кое-как переложили. Он был безмятежен и прекрасен в свете догорающих свечей.

— Хочешь его? — неожиданно прошептал Ринго.

Соврать не получилось, а правда не выговаривалась. Она молча кивнула.

— Повязать бы мальчонку. Для верности, — сказал Ринго.

— Как повязать? — не поняла Линда.

— Кровью... Ладно, не испепеляй меня взглядом. Сама ведь понимаешь, что я имею в виду...

Помог стащить с беспамятного Нила штаны, принес из холодильника чей-то фарш, возвращенный после того, как его отжали через марлечку и окропили простыню в районе оголившихся чресл.

А дальше было то, что было...

Теперь прошлое беспощадным потоком хлынуло на нее, накрыв с головой, сбив с ног. И не требовалось большого ума, чтобы понять, чья злая воля разрушила плотину, любовно возводимую ею...

Решительными движениями Линда ополоснула лицо и быстро вышла из ванной*.

---

* Почтенный автор очень красиво изобразил чувства своей *Lovely Linda*, однако сильно погрешил против фактов. Впрочем, откуда ему было знать, что с Линдой мы были знакомы несколько раньше, чем с Нилом... Я тогда училась в десятом классе и зимние каникулы проводила на ранчо у шефа — он называл это «стажировкой». Входила в курс многогранной деятельности его конторы, осваивала вождение, делопроизводство, восточные единоборства и хорошие манеры, по мере сил развлекала «дорогих гостей» и отбивалась от их ухаживаний. Как-то вечером очередной гость явился из города изрядно под мухой и в обнимку с дамой. Под утро дама испарилась, прихватив с собой толстый бумажник гостя и несколько безделушек. Огорченный гость никак не мог вспомнить ни имени этой особы, ни места, где он с ней познакомился. Через пару недель я встретила ее в одном ресторанчике и провела небольшую разъяснительную беседу. Она клятвенно пообещала больше так не делать, а убытки возместить. Потом расплакалась, разоткровенничалась. Чем-то эта блядушка мне глянулась, и я решила заняться устройством ее судьбы... На следующую нашу встречу она явилась в лохматом рыжем парике и в трогательной самопальной подделке под мой парижский костюмчик. Я поняла, что в ее лице обрела «уоннаби» — фанатку-подражалку, вроде нынешних силиконовых дурочек а-ля Памела Андерсон. Это было чертовски глупо, но самолюбию льстило. Линда так и загорелась идеей поступать в университет вслед за мной и тоже непременно на филологический. «Будь реалисткой, мать, — сказала я, — конкурс на факультет безумный, а у тебя ни подготовки, ни связей». — «Значит, нáдо кому-то сунуть на лапу, только не знаю, кому и сколько... Ты только устрой мне это дело, а я буду век благодарна и верна... Что хочешь для тебя сделаю...» Я обещала подумать и назначила встречу через неделю. Она пришла вместе с Ринго, которому вдруг приспичило податься на юрфак. Я определила для них программу действий и назвала сумму предполагаемой взятки, довольно приличную... К лету они смогли набрать только половину. Вторую половину я великодушно предложила им взаймы. На определенных условиях. Надо ли уточнять, что условия были довольно жесткие, а их поступление обошлось мне ровно в один телефонный звонок? *(Прим. Т. Захаржевской.)*

V
(Ленинград, 1974)

— Все ваше существо, всякое ваше движение приобретали для меня сверхчеловеческий смысл! Когда вы шли мимо, мое сердце поднималось, словно пыль, вслед вам. Вы были для меня как лунный луч в летнюю ночь, когда всюду благоухания, мягкие тени, белые блики, неизъяснимая прелесть, и все блаженства плоти и души заключались для меня в вашем имени, которое я повторял про себя, стараясь поцеловать его. Выше этого я ничего не мог себе представить. Я любил госпожу Арну именно такой, как она была, — нежную, серьезную, ослепительно прекрасную и такую добрую! Этот образ затмевал все другие. Да и мог ли я даже думать о чем-нибудь другом? Ведь в глубине моей души всегда звучала музыка вашего голоса и сиял блеск ваших глаз... Что, ба?

Нил отложил книгу и склонился над кроватью.

— Довольно...

Он не столько расслышал эти слова, сколько догадался по движению пересохших губ.

— Устала? Может быть, водички?

— Нет... Поправь подушку, хочу сесть... В комоде, в верхнем ящике... Там ключи... Нашел? Давай сюда.

Трясущимися руками бабушка отобрала из связки старых ключей самый маленький.

— Вот... Это от сундука... Открой.

Нил снял отрезок красной ковровой дорожки со стоящего в углу старого сундука, вставил ключик в замок, подернутый патиной времени и чуть тронутый ржавчиной, повернул... Из-под крышки пахнуло древней пылью и немножко нафталином.

— Тут рухлядь какая-то, — пробормотал он. — Тряпки, ноты. Афиша старая...

Нил бережно развернул древнюю желтую афишу. На плохой бумаге — красные буквы характерного пролеткультовского начертания.

— «Артист Владимир Грушин, — прочел Нил. — Чудеса без чудес. Разоблачение церковной магии». Владимир Грушин — это мой дед?

— Евангелие... Там должно быть Евангелие...

— Сейчас. — Нил выпрямился, держа в руках небольшую книгу в красном сафьяновом переплете, с тускло-золотым крестом на обложке. — Оно?

— Да... Дай мне...

— А помнишь, как мне в детстве от тебя влетело за этот сундук? Это из-за Святого Писания? Или из-за деда? Там, в альбоме — тоже он? Почему ты о нем никогда не рассказывала?

— Были резоны. Сядь-ка...

VI
(Самара, 1927—1942)

С артистом Владимиром Грушиным бабушка познакомилась, когда он был еще Вальтером Бирнбаумом, в середине двадцатых заброшенным судьбой в паршивенькую гостиницу города Самары. Плут-импресарио дал деру со всеми наличными, и изголодавшийся Бирнбаум на свой страх и риск устроил бесплатный сеанс магии в местном синематографе, но был неправильно понят и сдан в областную ЧК. Все это могло бы кончиться для него плачевно, но Вальтер сообразил продемонстрировать свои способности на первом допросе, чем немало заинтересовал тогдашнего председателя ЧК Мотю Кацнельсона. Грозный Мотя имел мужскую проблему интимного свойства, которую Вальтер успешно

снял посредством лечебного гипноза, наладив пациенту и эрекцию, и эякуляцию. Малограмотный Мотя попросил записать ему эти красивые иностранные слова и с тех пор щеголял ими, к месту и не к месту. В благодарность Мотя не только обеспечил Вальтеру покровительство своего всесильного учреждения, но и пристроил в штат областной филармонии, где как раз начинала трудовой путь молодая пианистка Шурочка Елецкая.

Помимо прочего, поводом для их сближения послужило наличие общих воспоминаний и даже общей родни. Оказалось, что Вальтер — блудный сын Франца Бирнбаума, старшего мастера у прославленных братьев Карла и Агафона Фаберже. Шурочка же была с дядей Францем прекрасно знакома — в двадцатом году пожилой швейцарец неожиданно женился на Женечке, ее старшей сестре. Большой любви там не было, просто добряк-ювелир спасал молодую талантливую художницу, увозя ее на свою гемютную родину из кровавой и нищей России. Семью же Евгении вывезти не получилось, и вскоре юная Шурочка с матерью оказались у дальней родни в Самаре-городке. Вальтер же расстался с отцом намного раньше, еще

до революции, и при обстоятельствах весьма скандальных.

Не имея охоты и призвания к отцовскому ремеслу, он с юных лет обнаружил в себе небывалую ловкость рук и мощный дар внушения. Но этими дарами он воспользовался не во благо: будучи по протекции отца принят в торговый дом Фаберже, он начал в общении с покупателями производить кое-какие лишние *пассы*, благодаря которым в скорейшем времени обзавелся капиталами и привычками, неприличными для начинающего приказчика и вчерашнего гимназиста. К счастью, он не успел утратить чувства меры до того, как был разоблачен, — и к двойному счастью, разоблачен не взбешенными клиентами, а собственными сослуживцами. Дело, как сугубо внутреннее, не стали придавать огласке, однако же Бирнбаум-младший со службы вылетел и в короткое время примкнул к бродячей музыкальной антрепризе, где его сырой талант постепенно обрел профессиональную огранку и — прочную закалку в горниле революционных катаклизмов.

В начале тридцатых покровитель Мотя бесследно исчез, а вскоре за Вальтером в первый раз *приехали*. В хорошо знакомом

ему кабинете в начальственном кресле сидел тщедушный субъект со злобно прищуренными глазками. Закончился визит благополучно — у Гриши, старшего уполномоченного ОГПУ, вследствие перегрузок и хронического недосыпа развилась та же проблема, что и у его предшественника. Исправили и ее, а вскоре молодая чета Бирнбаумов переехала в роскошную квартиру расстрелянного за вредительство инженера, где и родилась дочка, названная Ольгой.

Следующий хозяин сакраментального кабинета, Петр Степанович, попавший в начальники самарского НКВД прямо из Бутырок, где надзирательствовали еще его деды и прадеды, в укреплении мужской силы не нуждался, ибо был здоров и крепок, как медведь. Его Бирнбаум пользовал от тяжелых запоев. Перед вторым сеансом хмельной Петр Степанович, заведя беседу о внешнеполитическом моменте, невольно натолкнул Бирнбаума на мысль, доказавшую впоследствии свою ценность. Мировая революция захлебнулась, вещал Петр Степанович, французские социалисты свой рабочий класс предали, в Англии Чемберлен лютует, в Италии — Муссолини, в Испании поднимает голову гидра реакции, на Востоке

японцы шкодят, в Германии ускоренно вооружается Гитлер, а Коминтерн вот-вот прикажет долго жить. СССР все более становится похож на остров, со всех сторон осаждаемый врагами. В связи со сложной международной обстановкой идеологический переход первого в мире социалистического государства на национально-патриотические рельсы — лишь вопрос времени, причем скорейшего. И тогда, в числе прочих, ох как поплачут всякие Карлы, Клары и Фридрихи, а заодно те Ваньки и Егорки, которые легкомысленно променяли исконные свои имена на заграничных Джонов и Жоржей... На другой же день артист пошел в комиссариат и из Вальтера Францевича Бирнбаума стал Владимиром Федоровичем Грушиным.

В самом скором времени это неброское имя прославилось на весь СССР. Гипноз, чтение мыслей, передвижение предметов на расстоянии, разоблачение религиозных «чудес». На его сеансах разговаривали картины и статуи, поднимались и парили над сценой столы, стулья, тяжелые вазы с цветами, а люди вытворяли такое, о чем мгновение назад и помыслить не могли: пели голосами Карузо и Неждановой, крутили двойные

сальто, в уме перемножали четырехзначные числа. «Чудес нет, — комментировал сам Грушин свой уникальный дар. — Я просто сосредотачиваюсь и переношусь мыслью в другого человека, в неодушевленный предмет, и он начинает жить, подчиняясь моей воле и делясь со мной всеми своими тайнами. На время мы становимся как бы единым целым». — «Вам бы с вашим талантом, да в столицу», — говорили ему знакомые и малознакомые почитатели. «А зачем? — улыбался в ответ Владимир Федорович. — Столица сама ко мне придет».

Так и вышло.

Осенью сорок первого немцы были на подступах к Москве. Все посольства и многие правительственные учреждения, включая и наиглавнейшие, были эвакуированы в Куйбышев. Это обстоятельство не прибавляло спокойствия в доме Грушиных. Каждый день ждали ареста, депортации, а то и чего похуже, вздрагивали при скрипе тормозов за окнами — глава семьи слишком хорошо знал нравы бдительных *органов,* чтобы надеяться на то, что его немецкое происхождение останется без внимания. Но на протяжении нескольких месяцев никто их не обеспокоил, и постепенно напряжение улеглось.

Однако суровым февралем сорок второго к подъезду Грушиных подъехал длинный черный автомобиль. В сопровождении двух мрачных мордоворотов явился вежливый лысый очкарик с ромбиками старшего политрука в петлицах и предложил отдыхавшему Владимиру Федоровичу срочно проследовать за ним. Александра Павловна, простоволосая, в накинутой прямо на ночную рубашку шубейке, выбежала следом за отъезжающим автомобилем, но споткнулась, упала в заледенелый сугроб и несколько минут пролежала так, без движения, не выпуская из рук авоську с наспех собранным теплым бельишком для мужа. Потом поднялась, подобрала авоську, зашла в дом и, не проронив ни слезинки, стала лихорадочно прикидывать, как бы половчее переправить мать и семилетнюю Оленьку к тетке в Казахстан. О себе и о муже она старалась не думать.

Через два дня Грушин вернулся. Веселый, в белом генеральском полушубке без знаков различия, в каракулевой папахе. От него приятно припахивало легким кахетинским вином. Расцеловав жену и дочку, он с достоинством прошел в комнату, уселся за стол, достал из кармана бордовую с золотом пачку довоен-

ной «Тройки», неспешно затянулся толстой сигаретой с золотым обрезом и сообщил жене, что выступал с сольным концертом ни больше ни меньше как в Ставке Верховного Главнокомандующего. Гвоздем программы стал сеанс внушения. Два командарма, обнажившись по пояс, продемонстрировали рукопашную схватку по правилам греко-римской борьбы, товарищ Микоян самозабвенно и без малейшего акцента прочитал главу из «Евгения Онегина», а молодой нарком вооружений товарищ Устинов сплясал зажигательную лезгинку к полному восторгу присутствовавшего там же товарища Берия. Грушина накормили царским, по тем временам, ужином, а потом к нему тихо подошел Поскребышев и сообщил, что его желает видеть Сам. На негнущихся от волнения ногах артист долго шел за личным секретарем товарища Сталина извилистыми переходами, пока не оказался у сплошной дубовой двери без всякой таблички — единственной на весь коридор.

Вождь и учитель оказался очень похож на многочисленные свои портреты, только выглядел бледным и усталым. Тихим, глуховатым голосом он предложил Грушину садиться и, выпустив кольцо дыма

из знаменитой трубочки, задал несколько общих вопросов. Тот принялся отвечать — дрожащим голосом, несколько более многословно, чем того требовала ситуация. Иосиф Виссарионович слушал, не перебивая, и чертил что-то левой рукой на листке бумаги. В конце недолгой аудиенции товарищ Сталин сложил листок и без слов вручил артисту. Уже в коридоре Грушин развернул бесценную бумажку. Там лаконично, неровными буквами — но без ошибок! — было сформулировано личное задание вождя, которое надлежало выполнить в течение суток.

Утром в местное отделение Госбанка СССР вошел человек в сером пальто с ничем не примечательным коричневым чемоданчиком в руках. Он прошел прямо к окошку кассира, протянул сложенный вчетверо листок, раскрыл чемоданчик и начал укладывать в него тугие пачки пятисотрублевок, услужливо протягиваемые кассиром. Так и не сказав ни слова, человек вышел из банка и через час, миновав несколько военных патрулей, приблизился к тщательно охраняемому комплексу зданий, где временно расположилось руководство страны. Беспрепятственно войдя в здание, человек безошибочно направился по извилистым

переходам и коридорам. На усиленных постах охраны, расположенных едва ли не на каждом повороте и укомплектованных отборными бойцами НКВД, либо вовсе не замечали человека в сером пальто, либо замирали, отдавая честь, после чего бросались отпирать перед посетителем охраняемые воротца и двери. В очередной раз поднявшись по лестнице, человек остановился перед единственной на этаже сплошной дубовой дверью без таблички, миновал первую комнату — двое находящихся в ней людей не обратили на него ни малейшего внимания, — вошел во вторую и молча поставил чемодан перед сидящим за письменным столом усатым пожилым человеком.

— Принесли, Владимир Федорович? — тихо, с легким кавказским акцентом спросил усатый.

— Ровно сто пятьдесят тысяч, Иосиф Виссарионович, — ответил Грушин. — Желаете пересчитать?

Впервые с начала войны Сталин засмеялся.

На следующий день кассир, выдавший сто пятьдесят тысяч рублей в обмен на вырванную из учебника географии страницу с описанием рек Франции, заведующий отделением Госбанка и на-

чальник правительственной охраны были расстреляны, а Грушина включили в состав особой творческой группы, возглавляемой известным советским драматургом Меркуловым.

Скороговоркой пересказав жене эту историю, Владимир Федорович умчался в заснеженную даль на казенном авто, оставив после себя сумку со сказочным богатством — три буханки горячего белого хлеба, десяток банок американской тушенки, мешочек гречневой крупы, огромный ломоть копченого сала, хозяйственное мыло и, специально для Оленьки, круглую прозрачную дыньку.

В течение еще двух месяцев такие же сумки трижды привозил молчаливый капитан, один взгляд на каменные скулы которого отбивал всякую охоту задавать вопросы. А в начале апреля Владимир Федорович приехал сам.

— В тот вечер я видела его в последний раз, — тихо, с хриплыми придыханиями продолжила бабушка. — Вальтер был нежен, внимателен и в то же время выглядел растерянным...

«Знаешь, моя родная, завтра, очень рано, я отбываю в длительную командировку. Писать тебе вряд ли смогу, условия будут специфические, но ты не вол-

нуйся, все будет хорошо, — сказал он. — Я оставляю тебе офицерский аттестат, но не только. Вот». И он протянул ей продолговатый сафьяновый футляр. Она открыла и не поверила своим глазам — на белом атласном ложе покоилось редкостной красоты ожерелье, крупные синие сапфиры, обрамленные бриллиантами, в оправе из белого золота. «Это работа моего отца, — сказал Вальтер. — Его руку я узнаю без всякого клейма. А это ожерелье помню особо — ведь отец изготовил его не на продажу, это был его подарок на свадьбу сестры, моей покойной тети Эльзы. Можно только гадать, какими путями оно оказалось в личном сейфе всесоюзного ста...» Он резко замолчал, но она уже поняла, о ком речь. «Ты ограбил самого Калинина?!» — прошептала в ужасе. Он улыбнулся. «Еще вопрос, кто кого ограбил. Я возвратил семейную собственность. К тому же старик сам с радостью отдал мне ожерелье. Впрочем, теперь он едва ли об этом вспомнит... Если вдруг со мной что-то случится и я не вернусь, — продолжил он совсем другим тоном, от которого ей стало не по себе, — ты сможешь поддержать себя и Олю, потихоньку продавая камушек за камушком надежным людям. Но, умоляю, ни в коем

случае не пытайся продать все сразу — это очень опасно. А сейчас давай-ка мы его хорошенько припрячем. Кажется, я знаю подходящее местечко...»

VII
(Ленинград, 1974)

Бабушка дрожащей рукой показала на сундук.

— Да, — сказала она, проследив за взглядом Нила. — Мы выгребли оттуда все барахло прямо на пол, Вальтер взял стамеску и молоток и начал, стараясь не шуметь, вырезать нишу в стенке сундука. Я быстренько сварила клейстер, набрала газет. Вальтер еще возился с сундуком, и я взяла футляр в руки, вновь раскрыла его. Момент был не самый подходящий, но я не удержалась, застегнула ожерелье на шее и подошла к зеркалу. Боже мой! Мне захотелось сбросить с себя омерзительное тряпье, уложить волосы, надеть открытое платье, сделать маникюр, почувствовать себя женщиной!..

Она начала задыхаться. Нил поспешно налил воды из графина, дал ей напиться. Несколько минут бабушка лежа-

ла молча, потом вновь приподнялась на подушке.

— Я очнулась оттого, что Вальтер вдруг нежно обнял меня за плечи, я даже не заметила, как он подошел сзади, глядя на мое отражение в зеркале, тихо произнес: «Как ты, однако, хороша...» И мы с ним тихо заплакали — от безысходности, от невозможности выбрать для себя другую жизнь, от неизбежной, может быть, окончательной разлуки...

VIII
(Самара, 1945)

Кончилась война, а от Вальтера не было никаких известий. Однажды вечером, в июне сорок пятого раздался звонок, и она открыла дверь. Перед ней стоял средних лет мужчина в хорошем темно-сером костюме. «Александра Павловна Грушина?» — спросил он. «Да, это я». — «Полковник Серов, Иван Николаевич. Позвольте войти?»

Сердце у нее заныло от дурных предчувствий. «Мне трудно говорить, — с грустью произнес Серов, — но я должен... В течение трех лет ваш супруг, Владимир Федорович Грушин, успешно выполнял

труднейшую разведывательную работу на территории Германии и сопредельных стран. Ему удалось внедриться в ближайшее окружение Геринга и наладить передачу исключительно ценной информации, благодаря которой наше командование имело возможность соответствующим образом упредить события и тем самым сохранить многие тысячи жизней. Полковник Грушин работал в условиях глубочайшей конспирации и связаться с вами не мог. Последнее сообщение от него мы получили в конце апреля сорок пятого года, во время берлинской операции. Он находился в Берлине до самого последнего дня и, по свидетельству надежных источников, погиб при налете авиации союзников. Сейчас весь Берлин лежит в развалинах, и его тела, к сожалению, найти не удалось. Если бы он был жив, то обязательно дал бы о себе знать. Это был честный советский патриот... Полковник Грушин Владимир Федорович награжден двумя орденами Ленина и посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Награды я передаю вам вместе с наградной книжкой и личным посланием нашего шефа».

Она развернула плотную бумажку, там было две строки: «Горжусь Вашим

мужем. Глубоко сочувствую. Лаврентий Берия». Эта бумажка очень пригодилась через год, когда она затеяла вернуться в Ленинград, чтобы Ольга могла получить лучшее музыкальное образование. И еще Серов оставил документы на пожизненную персональную пенсию...

IX
(Ленинград, 1974)

— Почему же ты до сих пор молчала? Почему я только сейчас узнаю, что у меня, оказывается, дед был герой-разведчик, настоящий, невыдуманный Штирлиц? — с горечью спросил Нил.

— Твоя мать не знает об этом до сих пор, ей известно лишь, что ее отец погиб в самом конце войны, — с трудом произнесла бабушка. — На прощание Серов взял с меня слово, что этот разговор останется между нами, а летом пятьдесят третьего меня вызвали в Большой дом и заставили подписать бумагу о неразглашении... Так что теперь, рассказывая тебе о деде, я совершаю государственное преступление. Только мне уже все равно, *их* суд мне уже не страшен...

Бабушка отвернулась, поднесла платок к глазам. Нил застыл как громом пораженный — он и не подозревал, что она способна плакать. Он робко подошел к ней, положил руку на неожиданно хрупкое, будто птичье, плечо.

— Не надо, ба...

— Не надо чего? — Она подняла на него молодые, насмешливые глаза. — Что-то разболталась я... Дедовы ордена и документы к ним лежат в сундуке, на самом дне. Погляди, коли любопытно, назад положи и сундук запри. И смотри, язык-то не распускай, тебе еще жить тут да жить. Опять же охотников нынче много, украдут, как ожерелье украли... Эх, чуяло мое сердце, что не ко времени Оленьке его показала...

Бабушка опустила голову на подушку и отвернулась к стене. Нил на цыпочках подошел к сундуку, стал тихо вынимать из него вещи, разглядывать по очереди и складывать на пол. Несколько афиш, высокая шляпная картонка, из которой он вынул твердый шелковый цилиндр, из цилиндра выпала черная маска, тоже обтянутая шелком. Пахнущая нафталином старинная черная крылатка. Альбом в темно-синем бархатном окладе. Плоская коробочка алой кожи с золотой застежкой, еще

одна. В правой боковой стенке, оклеенной газетой военных времен, рядом с карикатурой — плачущий Гитлер играет на гармошке, а из раскрытого рта ленточкой вылетают слова: «Последний нонешний денечек» — зияла прямоугольная дыра. Нил ощупал ее неровные края пальцами, чувствуя, как краска заливает лицо...

С фамильным ожерельем у него была связана своя тайна, которая, в отличие от бабушкиной, не содержала в себе ничего героического, романтического или хотя бы достойного...

X
(Ленинград, 1966)

Впервые он увидел эту красивую штучку на шее матери в тот день, когда в театр нагрянула весть, что ей присвоено звание народной артистки РСФСР. Ольга Владимировна не отходила от зеркала, принимая всякие вычурные позы. Нилу это показалось нелепым, скоро наскучило, и он не выказал никакой реакции по поводу очередной маминой побрякушки. Назавтра Ольга Владимировна отбыла в Москву, в Министерство культуры, а вечером ее показали по те-

левизору. В большом красивом зале она лобызалась с представительным седовласым мужчиной в черном костюме, который вручил ей большой диплом и роскошный букет цветов. Еще через день мама приехала и привезла с собой несколько фотографий, сделанных на торжественном банкете. На одной из них с ней танцевал человек, вручивший ей награду, — мама с гордостью сказала, что это сам министр. На открытой шее было отчетливо видно ожерелье. Увидев его, бабушка словно окаменела и строгим голосом велела маме выйти с ней в ее комнату. Они долго не возвращались, а потом мама появилась с красными, заплаканными глазами, держа в руке сафьяновый футляр...

Минуло несколько месяцев. Нил сидел на скамеечке и угрюмо ковырял палкой землю под ногами. Домой он попасть не мог — бабушка, наверное, отправилась по магазинам, а ключи он оставил в кармане зимнего пальто, из которого только вчера перелез в весеннюю шуршащую курточку, привезенную мамой из-за границы. Во дворе было скучно и пусто, возле лужи дрались за хлебную корку воробьи, и в песочнице копошилась малышня, сооружая куличики.

— А ты чего не играешь? — спросил прямо над ухом кто-то незнакомый.

Нил поднял голову и увидел мужчину лет тридцати пяти, хорошо одетого, с холодными серыми глазами.

— Это с ними, что ли? — Нил указал на песочницу.

Незнакомец опустился на скамейку рядом с ним и поддакнул:

— Мелюзга сопливая. А ты в каком классе учишься?

— В третьем.

— Большой уже. А хочешь, научу в ножички играть?

Незнакомец достал из кармана узкий складной ножик с красной ручкой, открыл и принялся ловко кидать в землю. Ножик проделывал в воздухе самые замысловатые вращения, но всегда втыкался острием. Затем незнакомец принялся кидать с каждого пальца по очереди, с ладони, с локтя, с колена — но острие постоянно входило в землю. Нил восхищенно наблюдал.

— Теперь ты попробуй.

Незнакомец протянул ножик Нилу. Тот взялся двумя пальцами за лезвие и кинул в землю, но ножик плюхнулся плашмя. Нил повторил еще и еще раз, все равно ничего не получалось. Губы

непроизвольно растянулись, еще чуть-чуть — и расплачется.

— Ну ничего, еще натренируешься, — утешил незнакомец и протянул нож Нилу. — Дарю.

Нил даже порозовел от радости. Сколько ни просил маму, бабушку купить ему нож — те не соглашались ни в какую.

— Как зовут-то тебя?

— Нил Баренцев.

— Баренцев? Слушай, а певица, народная артистка Баренцева — это не твоя мать?

— Моя, — с гордостью кивнул Нил.

Незнакомец достал из кармана фотографию. Мама на приеме в министерстве, в декольтированном платье, с роскошным ожерельем на шее.

— Красивая у тебя мать и певица замечательная. Она мне очень нравится, — продолжал незнакомец. — Какое у нее красивое ожерелье — это, наверное, папа подарил?

— Нет, папа у меня летчик, на Украине работает, а раньше в Китае. Он маме веер подарил и халат с драконами. А ожерелье бабушкино — она его в сундуке прятала, а мама взяла потихонечку и надела, тогда бабушка ее отругала, только мама все равно его не отдала и

заперла в свою шкатулку, — разоткровенничался Нил.

— Так ты только с бабушкой живешь и с мамой?

— Еще с бабуленькой — это бабушкина мама, — только она совсем старая, глухая и не соображает ничего.

Незнакомец поднялся и протянул Нилу руку.

— Ну давай, Нил Баренцев, тренируйся, а если тебя про ножик спросят — скажи, что нашел, а то еще отругают, что подарок взял.

Недели через две случилось то, что должно было случиться. Мать открыла шкатулку — и не нашла в ней коробочку с ожерельем. Скандал был неописуемый, бабушка слегла на неделю, мать была в отчаянии. Специально приглашенный по этому поводу знакомый адвокат, выслушав сбивчивые объяснения матери, сказал, что раскрыть это дело — дохлый номер.

— Слишком уж информирован был вор. Действовал точно, быстро, явно по наводке. Уж кто из вас проболтался — разбирайтесь сами, но засветила ожерелье ты, — сказал он матери. — В милицию заявлять я не стал бы — мороки много, а толку все равно не дождетесь.

Мать выспрашивала бабушку, Нила, но тот только ревел — ревел от злости и досады, потому что понял все. Лицо маминого «почитателя» он запомнил на всю жизнь...

XI
(Ленинград, 1974)

Не прожив без Линды и трех дней, Нил остро почувствовал, что значит «не находить себе места». Где бы он ни был — в университетской аудитории, в квартире на Моховой, вновь приютившей его, на осенней улице, пробивающей до костей холодом или промозглой сыростью, на площадке очередной дискотеки или в очередных пьяных гостях, — казалось, что сам воздух выдавливает его отсюда, указывая на его, Нила Баренцева, несовместимость именно с этим кусочком пространства. Бежать было некуда, иногда удавалось на время забыться, но надолго спрятаться в учебу, в музыку, в вино, в уход за бабушкой, отлеживающейся дома после срочной и тяжелой операции на сердце, не получалось. Все чаще, задумавшись о чем-то, садился не в тот троллейбус или отклонялся от наме-

ченного пешего курса, и неизменно опоминался на Петроградской, в виду знакомого грязно-голубого дома с вычурными башенками и высоким гнутым фонарем в центральном дворе. Всякий раз он поворачивал обратно — еще не чувствовал себя готовым зайти.

Решительность явилась вместе с морозами, внезапно грянувшими в конце ноября. Объяснялась она до банальности просто — в старенькой болонье и легких полуботинках ходить стало нестерпимо холодно, а весь его гардероб, в том числе и зимний, остался там, в комнате, которую он еще два месяца назад делил с Линдой.

— Я даже не посмотрю в ее сторону,— шептал он, поднимаясь в антикварном лифте.— Отвернусь и скажу так: «Все, что ты хотела получить от меня, ты получила, и пусть оно у тебя остается, мне ничего не нужно. С твоего позволения, я заберу только свою одежду, тебе она никак не пригодится. Если захочешь оформить прекращение наших отношений, ты знаешь, где меня найти...» Главное — не глядеть на нее, только не глядеть...

Отворачиваться не пришлось, и не понадобилось ничего говорить. В безупречно прибранной комнате пахло дав-

ним безлюдьем, оставленная на столе и прижатая вазой записка успела чуточку пожелтеть и скрутиться по краешкам: «Я забрала только свою одежду, тебе она никак не пригодится. Больше мне ничего не нужно. Если хочешь оформить развод, ты знаешь, где меня найти...» Он скомкал записку, положил в карман, лег на широкий матрас и лежал там, пока давление пустоты не сделалось нестерпимым.

Чемодан и сумку Линда унесла, но так было даже лучше — сама мысль о сосредоточенном, методичном сборе вещей была сейчас омерзительна. Нил распахнул полупустой шкаф, выгреб оттуда дубленку, меховую шапку, теплый шарф, наскоро оделся, переобулся и устремился на балкон, как ныряльщик из морских глубин на поверхность.

На длинной кухне было сравнительно малолюдно. У плиты возилась тетя Фира, Мишенька с воем бегал от Гришеньки или, наоборот, Гришенька от Мишеньки, а Гоша меланхолично поедал кильку в томате прямо из банки.

— Это очень хорошо, что я вас застала! — Тетя Фира выросла перед Нилом, уперев руки в толстые бока. — Вы который раз пропускаете очередь по уборке

мест общего пользования. Ладно, сортир у вас свой, мы не претендуем, но коридор или хотя бы кухня...

— Гоша, — устало сказал Нил, отодвинув оторопевшую тетю Фиру, — завтра утром я заеду за остальными вещами, а вечером, будь другом, позвони в одно место, номер я скажу, и передай Линде, что ее квартиру я освободил и она может возвращаться.

— А сам? — спросил Гоша с набитым ртом.

— А сам не могу. Голос ее слышать не могу.

— Да я не про то. Сам-то где теперь обретаешься?

— К матери вернулся.

— Понятно... Я позвоню, конечно.

— Нил, у вас все так серьезно? — с интересом встряла тетя Фира. — Вы знаете, я не хотела вам говорить, но летом, в ваше отсутствие, она принимала у себя мужчину...

— Спасибо, мне это уже неинтересно.

Оказавшись на Большом проспекте, он зашел в «Пингвин» и взял двойной кофе и рюмку коньяку. С соседнего столика ему призывно улыбнулась симпатичная румяная девушка в белой пушистой шапочке и расстегнутом белом по-

лушубке. Нил ответил ей рассеянной полуулыбкой и поднес рюмку к губам.

— Опять не узнал меня? — кокетливо спросила девушка, пересев к нему.

— Нет, — честно признался он, хотя голос показался ему знакомым.

— Я же Линда.

Нил замер с раскрытым ртом. Девушка сняла шапку, и по ее плечам рассыпались золотистые волосы. Нил облегченно выдохнул:

— Зарецкая.

— Задонская! — топнув ножкой, поправила она. — Ты вообще на редкость внимательный джентльмен. Летом к нам в «Борей» приезжал, так даже поздороваться не подошел.

— Извини...

— Извиню, если сто мороженого купишь. С сиропом.

— Слушай, Задонская, а может, чего-нибудь посущественней? Шампанское будешь?

— А вот буду! — Она состроила капризную гримаску. — Только сладкого. И пирожное...

Они пили теплое, сладкое шампанское, вспоминали лето, смеялись, перемывали косточки общим знакомым.

— Что-то твоя благоверная на фак носа не кажет, — заметила Задонская.

— Академический взяла.

— Вот как? А-а, в семействе Баренцевых ожидается прибавление.

— Сомневаюсь. Скорее, наоборот, убавление.

— Как понимать твои странные слова?

— Никак. Я сам ее давно не видел, а про академический мне в деканате сказали.

— Давно не видел? Ничего, Баренцев, не грусти, жена — не перчатки.

— А твои странные слова как понимать?

— Перчатки если купил — так уж до самой весны таскать приходится, а жена... Не знаю, как ты, а я что-то проголодалась.

— В чем проблема? Тут совсем недалеко есть несколько вполне пристойных точек. Пойдем, я угощаю.

— Смеешься? Мой желудок не воспринимает наш общепит даже в ресторанном варианте. Как ты относишься к телятине, запеченной в швейцарском сыре с шампиньонами?

— Сгораю от желания познакомиться.

— В таком случае я тебя приглашаю. Только по дороге заедем в гастроном.

Телятину полагается запивать легким вином...

Марина Задонская жила в монументальном «сталинском» доме, вогнутым фасадом выходящем на Светлановскую площадь. Путь с Петроградки неблизкий, но они домчали за несколько минут на лихо остановленной ею черной «Волге». В дороге они продолжили легкий, ни к чему не обязывающий треп. Нил не без интереса изучал собеседницу. Прежде он видел Задонскую размалеванной хипушкой в драных джинсах и серенькой отличницей в строгом платьице, мало чем отличающемся от школьной униформы. Теперь она представала перед ним в новом обличье — раскованной, уверенной в себе светской девицы, и он пока не определил, симпатично ему это обличье или не очень.

Квартира произвела на Нила двойственное впечатление. Просторная, обставленная добротной импортной мебелью, оклеенная рельефными импортными обоями под рогожку, на кухне изразцовый сине-белый кафель («Голландский», — небрежно бросила Марина, уловив его заинтересованный взгляд), в ванной множество флакончиков и баночек с иностранными этикетками, белая

плоская стиральная машина с металлической плашкой «Electrolux». Однако во всем этом благоустройстве Нил ощутил некоторый несимпатичный подтекст: оно призвано было не столько создать комфорт, сколько напомнить обитателям квартиры об их избранности, а посетителю указать его истинное место, прочертить границу между ним и хозяевами. Мол, сколько ты, дорогой совок, ни вкалывай, ни воруй, ни ловчи, ни выслуживайся, все равно не сравняться тебе с ними, с номенклатурно-выездными, рылом не вышел. Такая спесь неодушевленных вещей была Нилу немного досадна, но больше смешна. Он весело плюхнулся прямо в уличных ботинках на обитый желтым плюшем длинный диван, потом решил, что это будет уже слишком, и быстренько, пока Задонская еще прихорашивалась в своей комнате, скинул ботинки и остался в одних носках. Марина выплыла в обличье тоже весьма неформальном — на ней было надето нечто пенное, волнистое, на громадных перламутровых пуговицах, не то торжественно-интимный халат, не то парадно-будуарный пеньюар. Во всяком случае, Нил оценил это, хотя постарался виду не подать.

Для разгона перед телятиной был подан копченый угорь. Прихлебывая шабли молдавского разлива, Нил с улыбкой наблюдал, как старательно Марина орудует серебряным ножом и вилкой, отсекая от змееподобной тушки микроскопические кусочки, обмакивает в розовый хрен, деликатно подносит к напомаженному ротику. Ее движения были столь же откровенно чувственны, как и ее наряд.

«Однако! — подумал Нил. — Да ты нарасхват, Баренцев. С одной Линдой разобраться не успел, а тут как тут другая, похоже, на все готовая... А что, имеет ли смысл тушеваться?»

Мысль была чужая и неуютная.

— Предки когда явятся? — поинтересовался он.

— Примерно через полгодика. В отпуск. А что? — Она одарила его лукавым взглядом.

— В таком случае, я покурю прямо здесь. Можно?

— Кури. — Она вздохнула, красиво колыхнув грудью. — А я покамест телятину поставлю разогреть...

После горячего они танцевали под «Аббу», и она прижималась к нему, пыталась снизу заглянуть в глаза, но он плотно их зажмуривал. Потом пили чай

с тортом, а потом рассматривали изданный во Франции альбом Сальвадора Дали. От перевернутых радуг, ржавых рыцарей, разжиженных циферблатов, любовно вырисованных какашек и жаркого дыхания Задонской у Нила заболела голова, и очень захотелось домой. Он потянулся и встал.

— Мариночка, у тебя было очень мило. И вкусно. Даже не знаю, как тебя благодарить.

Она молчала.

— Давай хоть посуду помою, что ли?

— Как хочешь... — умирающим голосом проговорила Задонская.

В этом доме не было проблем ни с моющими средствами, ни с горячей водой, так что с посудой Нил справился оперативно, попутно приговорив недопитую бутылку сухого. Больше здесь делать было нечего, однако приличия требовали попрощаться с хозяйкой, и Нил заглянул в гостиную. Но там было пусто.

— Марина! — громко позвал он. — Марина, я ухожу.

Из ее комнаты донесся жалобный стон.

— Марина, что с тобой?

— Мне плохо...

Он вбежал в комнату и увидел ее разметавшейся на кровати. Глаза ее были закры-

ты, халат-пеньюар некрасиво задрался, дыхание было прерывистым, судорожным.

— Марина, что с тобой?

— Не знаю... Все горит внутри...

— Желудок? У вас фестал есть? Или уголь активированный?

— Ниже...

— Печень? Тогда надо аллахол или но-шпу...

— Еще ниже. — Она раскрыла глаза и подмигнула ему. — Прямо так и пылает.

Он рассмеялся.

— Диагноз ясен. Это неизлечимо. Но есть средство, способное принести временное облегчение.

— Какое же?

— Суппозиторий доктора Баренцева. Глубинный массаж.

Он вздохнул и принялся расстегивать штаны.

С раздвинутыми ногами она походила на лягушку, подготовленную к препарации...

— Теперь действительно пора...

Нил раздавил окурок в пепельнице.

Она обняла его сзади, прижавшись теплой грудью к его голой спине. Он вздрогнул.

— А то остался бы. Утром вместе бы в универ поехали. Трамваи все равно не ходят.

— Частника поймаю... Я бы с радостью, только дома беспокоиться будут...

— Понятно... Кофе на дорожку сварить?

— Будь добра. Кстати, чья это мужественная образина на той фотографии?

— Где? А, это Саша Александров, мой жених. Старший лейтенант, учится в Военно-дипломатической академии. Заканчивает через два года.

— А сейчас вроде как наблюдает за нами и оценивает твои успехи?

— Не хами... Если хочешь знать, я люблю смотреть на его лицо, когда трахаюсь.

И она удалилась варить кофе, а Нил не спеша натянул штаны, вышел в гостиную, раскрыл стоящее у окна пианино, рассеянно нажал несколько клавиш.

— Сыграл бы что-нибудь, — крикнула из кухни Задонская.

— Изволь. — Он придвинул обитую кожей круглую табуретку, сел. — Прощальный романс.

Что спрашивать — меж нами
Все беспредельно ясно,
Тщету любовной драмы
Мы поняли давно.

К чему теперь терзаться
Томлением напрасным,
Не лучше ль улыбаться
И молча пить вино?

Любовь была красива,
Познали мы немало
И пламенных порывов
Вкусили сладкий тлен.
И я не знал сомнений,
Но ты сама порвала
Взаимных упоений
Ажурный гобелен.

— Сволочь ты, Баренцев, — восхищенно сказала Марина, разливая по чашечкам крепкий ароматный кофе. — Другой бы на твоем месте «спасибо» сказал...

— А это и есть спасибо. Хочешь, я исполню этот номер на Дне филолога со специальным посвящением Марине Задонской, второй курс, сербохорватское отделение?

— Кхе-кхе... Пожалуй, тебе действительно пора...

Он не стал ловить частника, а двинулся пешком. Падал крупный теплый снег, обманчиво пахло весной, и с каждым шагом Нилу дышалось все свободнее... Чужие руки, обвивающие шею, чужие ногти, впивающиеся в спину, чужой

тембр придыханий, трение чужих волос, жестких, будто проволока, несильный, но навязчивый запах разогретой женщины... *Не той* женщины...

«Хочу под горячий душ и в койку...» — бормотал он, топая по свежему снегу.

За следующие три недели они обменялись едва ли двумя десятками слов, главным образом приветами при неизбежных встречах — учились все-таки на одном факультете, а то бы и вообще... И тем удивительнее было, когда Задонская на перемене подошла к нему, при всех взяла за руку и довольно громко спросила:

— Где встречаешь Новый год?

— Пока не знаю.

— Есть предложение. — Она отвела его в уголок и понизила голос: — Ты Лялю Александрову с французского знаешь?

— В общих чертах. Мы не представлены.

— Лялька приглашает нас к себе на дачу.

— Нас с тобой?

— Да... То есть будем мы с Сашей...

— С каким еще Сашей?

— Ну, ты его знаешь... по фотографии.

— Замечательно, только при чем здесь я?

— Понимаешь, мы будем праздновать в узком кругу. Я, Саша и Ляля. Она давно хотела пригласить тебя, только стеснялась, а когда узнала, что мы знакомы, попросила меня...

— А она знает... меру нашего знакомства?

— Ну что ты, нет, конечно, она же Сашина родная сестра!.. Ты соглашайся, не пожалеешь. У них дача — ты таких и не видел, наверное.

— На уровне твоей квартиры?

— Ну что ты, круче! Ее папа знаешь кто?!

— Твой будущий свекор, полагаю.

— Да, и еще...

— От души поздравляю тебя!

— Так придешь?

— Подумаю.

Честно говоря, он сказал так, чтобы отвязаться. Не было у него желания оттягиваться в кругу детишек чиновничьей элиты, в обществе случайной постельной подруги, ее едва ли приятного жениха и знакомой только в лицо Ляли Александровой, более всего напоминавшей ему белобрысого окосевшего воробушка. Смешно даже и думать, что там он сумел бы хоть на мгновение, хоть чем-то заполнить черную дыру, пробитую в душе уходом...

Нет, в такой тональности он это имя не произнесет даже про себя. Отрезанный ломоть... А Новый год будет встречать дома, у постели бабушки, будет читать ей Флобера или Библию, посмотрит с ней «Голубой огонек» и ляжет спать в половине второго. За день до этого купит на базаре маленькую, но пушистую елочку и положит под нее толстые шерстяные носки, чтобы у бабушки не так мерзли ноги...

Однако вышло совсем не так, как он планировал. Двадцать первого декабря у Александры Павловны случился повторный приступ, и «скорая» не успела... Отпевали бабушку в Спасо-Преображенском соборе, хоронили на Серафимовском. Явилось множество людей, большинство из которых было Нилу незнакомо, из речей и разговоров на кладбище, а потом и дома, на поминках, он узнал, каким, оказывается, добрым и чутким человеком была его бабушка, скольким замечательным музыкантам дала путевку в жизнь. Нил, нахохлившись, сидел в черном костюме среди цветов, сжимал в руке забытый поминальный пирожок и думал о том, что вот теперь-то он точно остался один, даже горшка не за кем вынести. Когда все ушли, он позвонил Марине и сказал: «Я буду».

XII
(Солнечное, 1975)

Саша Александров оказался именно таким, каким Нил представлял его — суперменистый дядечка с квадратным подбородком, лет под тридцать, демонстрирующий отменное владение застольной беседой на пяти языках, знание вин и манер, танцующий с отточенным автоматизмом. Нил ни капли не сомневался, что Александров способен с такой же легкостью проехать на мотоцикле по канату, натянутому над пропастью, с беглого взгляда запомнить список из шестисот фамилий, со ста шагов попасть из пистолета вороне в глаз, лишить человека жизни посредством сложенной газеты. В общем, за интересы родины на международной арене можно было не переживать, а склонность Марины иметь перед глазами фотографию жениха во время совокупления с другими стала для Нила вполне объяснимой и оправданной. Единственное, чем Александров не дотягивал до джеймс-бондовского идеала, был росточек — макушкой едва доставал долговязому Нилу до мочки уха.

А вот сестра супермена, косоглазая воробьишка, оказалась на удивление шу-

стра и щебетлива. Язычок ее трещал со скоростью четырехсот слов в минуту, а темы менялись со скоростью воистину головокружительной — от перипетий брака Джекки Кеннеди и Аристотеля Онассиса до дешевых отечественных париков, которые таскает Федорова с третьего курса, от детских хворей Карлетино Понти до строительства новой линии метро, от творчества Бориса Виана до тройки за семестровую контрольную по грамматике... По койкам отвалились в пятом часу утра, уболтанные, наетые и затанцованные настолько, что все ночные грехи пришлось отложить на завтра. Нил целомудренно закемарил на кожаном диванчике и проснулся далеко за полдень от неподражаемых запахов жареного бекона и кофе. Это супермен, успевший уже совершить пятнадцатикилометровый лыжный марш-бросок и принять водные процедуры, занимался приготовлением завтрака. Нил тоже занялся процедурами — то есть тщательно промыл заспанные глаза в одной из трех ванных комнат, — после чего вышел к столу.

— Девочки, вы не забыли, что нам сегодня к Казаковым? — спросил Александров, отодвигая пустую тарелку.

— У-у-у! — разочарованно заголосили обе. — Такая скукотища!

— Надеюсь, мне не нужно объяснять, насколько важно для нас сохранение хороших отношений с этой семьей, — с металлом в голосе проговорил супермен. — Дискуссии неуместны. Я сказал, что мы с невестой прибудем в семнадцать тридцать... — Тут Нил сделал вид, что закашлялся. — Значит, мы прибудем ровно к обозначенному времени. Собирайтесь.

— А про меня, между прочим, ты не договаривался! — Ляля показала брату розовый язычок. — Так что катитесь к своим старым занудам, а мы с Нилом останемся и будем веселиться вовсю! Верно, Нил? — Она накрыла его ладонь своей и посмотрела в глаза щенячьим взглядом. Устоять было невозможно. — Музон врубим, Павла с Елкой позовем...

— У Черновых нет никого, — сообщил Александров. — И дорожка заметена.

— Тогда в пансионат на дискотеку смотаемся. Все веселее.

Будущий атташе вздохнул.

— Имеешь право... Марина, а ты собирайся.

Задонская жалобно глянула на Лялю.

— Счастливчики! Хоть до станции проводите.

— Это всегда пожалуйста! Нил, ты готов?..

Прогулка по свежему, морозному воздуху изрядно взбодрила, они кидались снежками, пересмеиваясь, помогли детишкам из санатория лепить бабу. На дачу возвратились румяные, изгвазданные в снегу, веселые и голодные. Остатки вчерашнего пиршества пришлись очень кстати, шампанское тоже нашло себе применение, так что от стола Нил отвалился сытым удавом.

— Надо бы протрястись, — заметил он, затянувшись Лялиным «Мальборо». — Отдышимся минут двадцать и двинем в пансионат на плясы.

— Еще чего! — Ляля надула губки. — Растрястись можно и по-другому.

— Как именно? — с усмешкой поинтересовался он.

— Пойдем наверх — покажу...

Ляля Александрова поостереглась вписывать своего нового бойфренда на родительскую дачу на все зимние каникулы — лишние сплетни были ей ни к чему, во всем нужна мера. С другой стороны, государство подарило студенчеству почти три

недели законного безделья, и не использовать их по максимуму было глупо. Над этой проблемой она думала недолго, и за интересную сумму в пять рублей восемьдесят копеек Нил получил в полное свое распоряжение двухместный номер в непростом пансионате, расположенном в десяти минутах ленивой ходьбы от казенной дачи Александровых.

Однако обстоятельства оказываются сильнее самых хитроумных планов. Ни на первый, ни на второй, ни на третий день Ляля в окрестностях пансионата не появилась. По три-четыре раза на дню Нил проходил мимо дачи, но окна ее были темны, а тропка, ведущая к воротцам, занесена снегом. Городского же Лялиного телефона Нил не знал — както не удосужился спросить.

Между тем вокруг бурлила молодая каникулярная жизнь с ее увеселительными прогулками, танцульками, попойками и мимолетными романами. Оными последними Нил был сыт по горло и предпочитал коротать время в сугубо мужской компании, за картишками или бильярдом. Но и там все разговоры крутились вокруг баб. Оценивали стати, хвастали победами, делились наблюдениями, заключали пари. Нил отмалчи-

вался, отмечая про себя, что практический опыт его прыщавых собеседников едва ли превосходит их осведомленность в тонкостях китайской каллиграфии. А девы, будто сговорившись, выделяли из круга молодых людей именно Нила, и взгляды их были весьма недвусмысленны...

У нее было редкое, мифологическое имя — Мойра. Ее густые кудри отливали ненатуральным фиолетовым цветом, зубы и ноги отличались неправдоподобной длиной, величина выкаченных зеленых глазищ раза в два с половиной превышала среднестатистическую, а амплитуда и тембр голосовых модуляций были вовсе нечеловеческими. Возможно, ничего бы между ними и не случилось, если бы у Нила не закончились вечером сигареты, а дорога в буфет не лежала бы через холл, где разворачивалось очередное цветомузыкальное действо и как раз объявили белый танец. Первой к вжавшемуся в стенку Нилу подлетело это двухметровое чудо в обтягивающем брючном костюме, алом и пупырчатом. Дама была настолько экзотична, что Нил проникся, протанцевал с ней четыре танца подряд, потом увел в буфет и угостил мороженым. Потом был его но-

мер, шампанское при свечах и ночка, в течение которой пылкая Мойра умудрилась сломать кровать, уронить тумбочку, разбить головой стакан, визгом перебудить весь этаж и довести Нила до судорожного смеха с икотой.

Завтрак они благополучно проспали и еле-еле пробудились к обеду. В столовой Мойра всячески демонстрировала близость к Нилу — заправляла салфетку ему за воротник, дула на обжигающий рассольник, перекладывала на его тарелку свой салат и куриный шницель. Нил забавлялся, глядя на нее, а когда она уронила на себя кусок кремового торта и посадила на брюки заметное пятно, галантно сопроводил Мойру до туалета, а сам остался поджидать ее в вестибюле, сунув в рот сигарету. Но тут из женской комнаты донесся такой истошный визг, что зажженная спичка выпала у него из рук. Он едва успел развернуться и поймать в свои объятия растрепанную Лялю, сжимавшую в руке туфлю на толстой платформе. За ней с искаженным лицом мчалась Мойра, выставив вперед острые фиолетовые коготки и свободной рукой прикрывая глаз. Нил закрыл дрожащую Лялю своим телом. Когти замерли в сантиметре от его лица.

— Опомнись! — гаркнул Нил.

— А она первая начала! — плаксиво, как детсадовка, прогундосила Мойра. — Я захожу, а она меня туфлей в глаз! Как только дотянулась, сучка мелкая!

— Сама ты сучка, дылда! — задорно выкрикнула Ляля из-за плеча Нила. — Я тебя отучу мужиков чужих уводить!

— Так это ты из-за меня, что ли? Это я виноват, не она. Ждал тебя почти неделю, вот и решил, что ты нашла новое увлечение...

— И полез на эту каланчу лупоглазую!

— Заткнись, насекомое! — взвизгнула Мойра и через голову Нила попыталась схватить Лялю за волосы.

— Тихо, тихо, девочки... — миролюбиво начал Нил.

— Или я, или она! — в унисон крикнули обе и сконфуженно замолчали.

— Ну я прямо не знаю... — Нил задумался. — Ситуация, однако. Не втроем же нам отдыхать, в самом деле.

Ляля и Мойра дружно сделали по шагу в сторону и смерили друг друга долгим, изучающим взглядом.

— А что? — медленно проговорила Ляля. — Такого я еще не пробовала.

— Я тоже, — призналась Мойра. — Может, прямо сейчас и начнем?

Нил вздохнул.

— Сначала надо бы тебе лед к глазу приложить. А то будешь Мойра бланшированная...

Она же первая и спеклась, не сдюжив комбинации мандаринового ликера и взрывного эротизма, а Ляля Александрова, накидывая потом на плечи халат, предложила Нилу:

— Пойдем, кофейку тяпнем, мне все равно сваливать через час, с первой электричкой.

— Зачем так рано?

— Надо было еще вчера. Я ведь попрощаться заезжала. Отца на замминистра двинули, мы переезжаем в Москву.

— Грустно, — сказал Нил, не кривя душой.

— Не надо песен. Уж ты-то безутешным не останешься.

— А как же с учебой?

— По документам я уже студентка МГУ. Жить буду рядом. Университетский, шесть.

— В гости хоть заезжать позволишь?

— А зачем, как ты думаешь, я тебе адрес оставляю?

XIII
(Ленинград, 1975)

Каникулы закончились. Мойра укатила в свой Днепропетровск, тоже оставив Нилу адресок, который он тут же потерял. Из своей конурки он выбирался теперь только в университет и по хозяйству — по негласному соглашению с матерью все домашние дела он взял на себя, а она зарабатывала на жизнь. В остальном же они существовали вполне автономно. Нил был крайне удивлен и недоволен, когда как-то в выходной Ольга Владимировна вошла к нему в комнату и с тяжким вздохом опустилась на тахту.

— За картошкой я уже сходил, мусор вынес, — сказал он, не глядя на нее.

Она молчала.

— Мама, мне завтра на семинаре выступать, так что...

— Нил, нам надо поговорить.

«Хорошая школа, — с неприятным трепетом в груди подумал он. — Скажет слово — прямо в дрожь бросает».

— Нил, ты уже взрослый, и не можешь не понять меня... Конечно, в твоих глазах я старуха...

— Ну что ты, мама, какая ты старуха...

— Но когда-нибудь ты поймешь, что сорок лет... сорок пять — это далеко не старость, что женщина в этом возрасте хочет и может любить и быть любимой...

— Так у тебя кто-то есть? Поздравляю! Давно пора!

— Пока была жива мама, я не решалась привести его к нам домой...

— Но почему? При всех своих странностях бабушка была человеком умным, понимающим...

— Не в этом дело... Понимаешь, он... Он женат, но жена его, бедняжка, вынуждена по десять месяцев в году проводить в туберкулезном санатории. А бабушка прекрасно знала их обоих... Кстати, ты тоже его знаешь.

— Вот как? И кто же это?

— Профессор Донгаузер... Куда ты?

— Ты пойми, мне трижды плевать, с кем она живет, хоть с чертом лысым, хоть с пнем самоходным! Но я-то не обязан жить под одной крышей с этим немчурой-колбасником! Такой орднунг завел, что хоть волком вой, честное слово! Чихнуть нельзя. Курить на лестницу выставляет, ты подумай! «Каждая вещь должна знать свое место...» А главное, он даже в подштанниках до дрожи на-

поминает парадный портрет великого реформатора Сперанского. Представь — сидишь ты на кухне, пьешь чаек, и тут входит парадный портрет...

— Я понимаю, — грустно сказал Гоша. — Возвращайся, конечно, о чем разговор, в конце концов, это твоя комната. Я тут, пока обитал, кое-что в порядок привел...

— Ты извини, — сказал Нил. — Линда так и не давала о себе знать?

— Ни слова. Может, у родителей своих живет. Ты бы связался как-нибудь...

— Не могу. И не хочу... Наливай еще, что ли...

В доме на Четвертой Советской незнакомая тетка, толстая и неопрятная, через цепочку сообщила ему, что такие здесь больше не живут, а куда съехали — неизвестно. В справочной будке кудрявая девица, кокетливо улыбаясь, вручила ему бумажку с его собственным адресом — официальным местом проживания Ольги Владимировны Баренцевой — и больше ничем помочь не могла. Он и сам не понимал, что скажет Линде, когда наконец увидит ее, но все чаще ловил себя на мысли, что без этих поисков жизнь его теряет последний смысл... Оставалась еще надежда — подать в милицию заявление

о пропаже жены и ждать результатов. Выяснив по телефонной книге адрес районного отдела, он после университета отправился на Чкаловский проспект. Поднялся по щербатым ступенькам, толкнул тяжелую дверь и нос к носу столкнулся с Катей.

— Нил! Ты-то тут что делаешь?

— А ты?

— Я теперь здесь секретарем работаю. В паспортном столе.

— А я как раз человечка одного разыскиваю.

— Кого же, если не секрет?

— Линду. Не знаешь, где она?

Глаза у Кати сузились, пальцы сжались в кулак.

— Не знаешь? — повторил он.

— А ты? Тебя, что ли, еще не вызывали?

— Куда вызывали? Где Линда?

— В тюрьме твоя Линда! — выкрикнула Катя. — Она Ринго прирезала!

«Таня! — отчего-то пронеслось в ошеломленном мозгу Нила. — Надо срочно связаться с Таней. Она подскажет выход».

— Честно говоря, молодой человек, изначально мне очень не хотелось брать это дело. Бытовая поножовщина не со-

всем, знаете, по моей части, и если бы не просьбы моей любимой падчерицы и огромное уважение, испытываемое мною к таланту вашей матушки...

Николай Николаевич Переяславлев, седовласый импозантный мужчина в дорогом сером костюме в мелкий рубчик, сделал многозначительную паузу. Нил кивнул, показывая, что полностью разделяет отношение знаменитого адвоката к искусству Ольги Владимировны.

— Но в ходе работы моя позиция претерпела существенные изменения, да-с, я бы даже сказал, кардинальные, — продолжил адвокат, красиво модулируя своим мягким баритоном. — Следствием допущены грубейшие процессуальные нарушения, мириться с которыми я не собираюсь. Единственные фигурирующие в деле показания вашей жены были сняты с нее в отделении милиции при явке с повинной, никакого хода не получило письменное заявление потерпевшего Васютинского, практически снимающее всю вину с подозреваемой... Знаете, что он написал? Будто бы в ходе совместного чаепития потерял равновесие и неудачно упал животом на нож, который она держала в руке. Силен! Самое же интересное, что через двое суток после пе-

ревода из реанимации в общую палату из больницы Васютинский попросту сбежал, а эта халда Щеголькова не только не принимает никаких мер по его разысканию, но даже узнает о его исчезновении только от меня. Что уж говорить об опросе свидетелей, анализе вещественных доказательств! По существу, за четыре с лишним месяца не было проведено никаких следственных действий. И когда я указал на это Щегольковой, то получил потрясающий ответ: «Что вы хотите, у меня десятки таких мелких дел, до всего руки не доходят. Вот если бы она его убила!..» Одно слово — органы! Если у этой чувырлы достанет глупости предъявить такую тухлятину на суд, мы обеспечим ей такое частное определение, что потом никакой ЖЭК в юрисконсульты не возьмет, это я вам обещаю!

— Извините, Николай Николаевич, но Линда... то есть жена. Как ее вытащить?

— Не спешите, молодой человек. Сейчас у нашего малоуважаемого оппонента одна забота — изыскать благовидный предлог, чтобы прекратить дело. Не стоит ей мешать, это существо мстительное, злобное и может сильно напакостить.

— И сколько времени она будет изыскивать предлог?

— Полагаю, неделю-две. Самое большее — месяц.

— Месяц! Еще целый месяц невиновный человек...

— Про невиновность вы, положим, загнули. Тыкать в знакомых ножичками — такое занятие наш Уголовный кодекс все-таки не поощряет.

— Ну хотя бы что-нибудь, Николай Николаевич, прошу вас! Может быть, свидание...

— Вполне реально. Только вот что я вам скажу, юноша: законное свидание в казенном доме — процедура малоприятная, морально тяжелая. С вашего позволения, мы поступим иначе... Обычно мадам Щеголькова за подобную услугу берет от пятидесяти до двухсот рублей, но в данных обстоятельствах мы вправе рассчитывать на некоторую скидку. Думаю, коробки шоколадных конфет будет достаточно...

Серый воздух, отблеск жирной слизи на всех поверхностях, пятнистый кафельный пол, весь в выбоинах, гулкое эхо каждого шага. И какая-то особенная, тотальная вонь, исходящая не от чего-то конкретного, а от всего в совокупности. Место нечеловеческое, несовместимое с челове-

ком. Железная дверь, лоснящаяся зеленой краской, а за ней — куб пространства, пустота которого нарушена лишь длинным столом с сырыми темными пятнами, въевшимися в деревянную поверхность, и низкими скамьями, намертво привинченными к бетонному полу. Микроскопическое мутное окошко под потолком, бурые стены в унылых подтеках. Не пробыв в этих стенах и нескольких минут, он был болен, подавлен, разбит...

— Громче! — сварливо просипела растрепанная пожилая женщина с простуженным красным носом и нечистой кожей.

— Баренцев Нил Романович.

— Дата и место рождения, пол, социальное происхождение, национальность, семейное положение, должность и место работы, домашний адрес?..

Нил громко, монотонно отвечал на вопросы, неопрятная тетка остервенело скрипела пером и раз в несколько секунд звучно сморкалась в грязный платок.

— Знаете ли вы находящуюся здесь гражданку?

— Да...

— Громче!

— Да, знаю. Это Баренцева Ольга Владимировна, моя жена.

В центре зеленой двери, лязгнув, опустилось окошко, и хриплый голос сказал:

— Нина Наумовна, вас ждут в шестом.

Следователь Щеголькова захлопнула папку, положила в потертый портфель и встала.

— Полчаса, — тихо сказала она.

Они остались вдвоем, и Нил впервые поднял на Линду глаза. Она не походила на узницу нацистского концлагеря из кинофильма «Обыкновенный фашизм», но изменения, происшедшие с ней, были ужасны. Потухший взгляд, потемневшие, набрякшие веки, нездоровая, мучнистая бледность расплывшегося лица, свисающие патлами отросшие волосы. Из-под нелепого серого халата выглядывал воротник красно-синей ковбойки, которой он раньше не видел.

— Как ты?

— Нормально...

— Ты... ты прости меня, пожалуйста... Мне не сообщили, я только недавно узнал. — Он всхлипнул и торопливо засунул руку в карман. — Вот... Бутерброд с сыром, шоколадка. Извини, что мятые, в карманах нес, сумку пришлось сдать...

— Давай сюда, бабам отнесу.

— А ты?

— Мне хватает. Кормят здесь сносно. Рыба, каша, чай с сахаром... Если хочешь, можешь курева переслать и витаминчиков, а то зубы шатаются.

— Да, да, разумеется.

Нил дрожащей рукой достал сигареты, спички, придвинул к ней.

— Бери всю пачку. Я еще куплю.

— Отберут. С фильтром нельзя.— Она жадно затянулась и тут же закашлялась.— Отвыкла.

— Теперь я вытащу тебя отсюда, адвокат говорит — дело нескольких дней...

— Да ладно, дыши ровно. Ты ни в чем не виноват и ничем мне не обязан.

— Я не могу дышать ровно, пока ты остаешься в этом аду!

— Брось, Баренцев, ты просто не знаешь, о чем говоришь. Есть дружок, такие местечки, по сравнению с которыми здесь санаторий-«люкс». Четырехместные номера с умывальником и персональными шконками, постельное белье, радио, шахматы, библиотека, трехразовое питание, часовые прогулки, баня по пятницам. Не хватает только бильярда, танцплощадки и бара с коктейлями... Эй, ты что, пусти! От меня же парашей несет, трусы застиранные...

— Я люблю тебя! — рычал он сквозь стиснутые зубы, пригибая ее к столу.

Серый халат полетел на пол...

— Что вы себе позволяете, а? Ну и молодежь пошла, ни стыда ни совести, один разврат на уме, — возмущенно причитала Щеголькова. — Дома этим заниматься будете!

— Дома... — смущенно повторил Нил, застегивая «молнию» на брюках. — То есть как это — дома?

— Ознакомьтесь, Баренцева, и распишитесь!

Следователь швырнула на стол плотный листок бумаги. Линда подхватила бумагу, поднесла к глазам — и, опустив голову на стол, зарыдала.

Нил рванулся к ней, заглянул через содрогающееся плечо, разглядел самый верхний краешек листа:

«В связи с амнистией, проводимой в соответствии с постановлением Верховного Совета РСФСР от...»

XIV
(Ленинград, 1975—1976)

— На ём погоны золотые. И яркий орден на груди...

— По какому поводу гуляете, тетки? Не иначе премию получили.

— Нилус! — взвизгнула толстуха Нелли из поликлиники. — Стакашок примешь?..

— Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути?! — допела Линда прямо в лицо Нилу, обдав его ароматом свежевыпитой водки. — Девки, не вздумайте ему наливать. Не заслужил!

Нил обиженно отвернулся, а Линда доверительно склонилась к продавщице Любе.

— Представляешь, я тут с зарплаты дала моему идолу денег, чтобы сходил в ломбард, кольца обручальные выкупил. Так этот гад приходит вечером домой и вместо наших колец приносит какие-то кривые гайки самоварной пробы. Подменили, паразиты, будто знали, что этот олух ушастый ничего не заметит. Где глаза были, спрашиваю?

За первой бутылкой «Столичной» последовала вторая, из холодильника были извлечены соленые огурчики, покрытые сплошной плесенью, и подозрительно заветренная колбаса. Огурцы помыли, колбасу прожарили, однако Нил не стал ни закусывать, ни выпивать, ни засиживаться с пьяными бабами, увеселяя их песнями и плясками, а, сославшись на загруженность, тихо собрал тетрадки и

забился в свою берлогу. Берлогу эту он постепенно оборудовал на глухой лестничной площадке, вытащив под дверь с номером 109 сначала стул и пепельницу, потом старый стол и диванчик, потом лампу и тумбочку под книги. За сохранность имущества можно было не беспокоиться, никто сюда не сунется, кроме него, Линды и еще — дворничихи Маруси, обитающей в башне. А вот потребность в уединении, даже необходимость, возникала все чаще...

За неполный год, прошедший со дня их драматического воссоединения, их с Линдой отношения подернулись ржавью унылой бытовой обыденности, с хроническими сквозняками, простудами, тараканами, пустыми бутылками, убогим неуютом и постоянным безденежьем. Короткий визит в следственный изолятор перетряхнул сознание Нила, он понял, что теперь может строить жизнь только на основе полного, безоговорочного соблюдения всех законов и правил. В первый же вечер после освобождения Линды он демонстративно, почти ритуально сжег обе крапленые колоды, каблуком раздавил поляризующие очки и торжественно вручил жене единый проездной билет, чтобы, не дай Бог, не

вздумала ездить зайцем. Отмытая, распаренная после долгой, пенной ванны, опьяневшая от вкусной и обильной еды Линда с ленивым любопытством следила за его манипуляциями и, наконец, не выдержала:

— Дурачок ты, Зигги. В нашем родном государстве соблюдение законов еще никого от кичи не спасало. Лотерея в чистом виде.

— Скажешь тоже!

— А то! К тебе никогда гопота пьяная не вязалась?

— Было. А с кем не было?

— Вот именно. И что ты делал?

— Ну, отбрехивался, убегал...

— А в махаловку влезать не случалось?

— Случалось.

— Вот и девке одной случилось. Сумкой. А в сумке — коньки. Одному прямо в висок. Двенадцать лет лагерей.

— Но как же?..

— А вот так же. Усопший оказался сынком знатного токаря, Героя Труда и члена обкома.

— Ну, это случай исключительный. У нас не так много членов обкома.

— Хорошо, вот тебе другой случай, все действующие лица — люди самые про-

стые, нетитулованные. Неделю назад прямо на пальме помер один мужик...

— Погоди, где помер?

— Пальма, милый мой — это третий или четвертый ярус нар, под самым потолком, где ни вздохнуть, ни разогнуться. А угодил он туда за то, что вывез с собственной дачки на курьих ножках продавленный диван, два стула и кастрюлю.

— Не может быть!

— Представь себе. Развелся, ушел из дому гол как сокол, снял где-то конуру, но без всякой обстановки. Что прикажешь — спать на полу, кушать из консервной банки? А мужик, повторяю, простой, очень небогатый, даже наоборот. Ну и решил обставиться за счет бывшего совместного имущества. Женушка в позу, заявление накатала, в тот же день за мужичком пришли крепкие ребята... Эта дура потом и заявление свое отозвала, и по всем начальникам прошлась — только все зря. Что вы, говорят, гражданочка, беспокоитесь, максимальный срок по своей статье супружник ваш бывший давно уже отмотал, в зале суда его всяко освободят, так что идите отсюда и не мешайте блюсти социалистическую законность. А мужичонка тем временем проявил несозна-

тельность и, суда не дождавшись, ласты склеил. И трех годочков не высидел, доходяга.

— Так долго сидел?!. Но, кстати, эта история подтверждает, что закон надо соблюдать и в мелочах.

— Тогда позволь рассказать тебе еще про одного страдальца. В транспортную милицию заявление поступило от одного гражданина — дескать, в пустой электричке дали по башке, портфель отобрали, приметный, крокодиловой кожи, с большими ценностями. Транспортники заявление в угрозыск передали, те постарались, нашли свидетелей, видевших на такой-то станции подозрительного мужчину с тем самым портфельчиком крокодиловой кожи. По показаниям фоторобот составили, а по этому фотороботу вскорости мужичка, пьяного в сосиску, без документов прихватили, на скорую руку чистосердечное состряпали — и в трюм. Он сидит неделю, сидит другую, все ждет, когда вызовут, объяснят наконец, что он там такое по пьяни натворил. А его все не вызывают, есть, видишь ли, дела поважнее. Короче, до сих пор бы в каталажке парился, если бы жена шум не подняла. Кинулась искать пропавшего мужа и так на ментов

насела, что им ничего не оставалось, как розысками заняться. Нашли — у себя же, на Каляева. Вызвали жену, говорят, так и так, ночей, мол, не спали, не допивали, не доедали, но законный ваш Иванов Сергей Петрович нами изыскан. Жаль, что вручить его вам не можем, поскольку в данный момент он содержится под стражей. Жена в обморок, а когда очухалась, спрашивает: «В чем его обвиняют?» А в ответ слышит: «В том, что такого-то числа такого-то месяца в пригородном поезде такого-то маршрута он совершил разбойное нападение на гражданина Иванова Сергея Петровича и похитил портфель крокодиловой кожи с большими ценностями». Та в крик: «Так потерпевший Иванов Сергей Петрович и муж мой Иванов Сергей Петрович — это одно и то же лицо. По-вашему он сам себя ограбил и сам же на себя заявил?» И что ты думаешь, перед ним хотя бы извинились?

Линда не делала попыток подкрепить свою противоправную агитацию действием. И все у них было хорошо, пока не кончились деньги.

Остроту этой проблемы они ощутили не сразу. До лета кое-как дотянули, а потом Нил вновь записался в сводную агит-

бригаду, стал ездить с концертами, тем кормиться и немного зарабатывать. Пристроить же Линду, как в прошлом году, ему не удалось, зато она с неожиданной готовностью выразила желание поехать в самый тяжелый, самый дальний и, в перспективе, самый денежный стройотряд — в Набережные Челны, на строительство Камского автозавода. Возвратилась она, в противоположность бледному, пропитому и грустному Нилу, загорелой, веселой и поздоровевшей, привезла кучу новых песенок типа: «А завтра опять, ровно в пять тридцать пять, на работу вставать, ох едрит твою мать!» Бодростью своей она заразила мужа, но сама быстро ее утратила. Выяснилось, что восстановиться на втором курсе она не сможет, поскольку албанской группы в прошлом году вообще не набирали, и теперь придется ждать целый год, и то без гарантии восстановления. А с летним заработком их всех изрядно накололи, выплатив вместо обещанных полутора тысяч всего по двести — двести пятьдесят рублей.

Нила, сгоряча заявившего, что его музыка прокормит обоих, тоже ждал серьезный облом. Оказывается, вышел особый циркуляр Министерства куль-

туры, запрещающий концертную деятельность молодежным вокально-инструментальным ансамблям (ВИА), не прошедшим регистрацию при идеологическом отделе обкома ВЛКСМ. Для регистрации требовалось, во-первых, поименное утверждение каждого номера репертуара (с приложением официально заверенного подстрочного перевода песен, исполняемых на иностранных языках), а во-вторых, включение в коллектив не менее двух духовых инструментов. Пуш рвал и метал, заявляя, что скорее удавится, но не потерпит в «Ниеншанце» ни одного «хобота», а Нил с тоской думал о том, с какими лицами серьезные комсомольские работники будут читать подстрочники типа «Кончим оба, прямо сейчас, и на меня!»* или «Я есть он, как ты есть он, как ты есть я, и все мы вместе»**. Впрочем, скоро Пуш успокоился и по секрету шепнул Нилу, что самые идиотские постановления на то и существуют, чтобы грамотно их обходить, и что ему уже поступило несколько предложений насчет выгод-

---

* «Come together, right now, over me» («Битлз», альбом «Abbey Road»).

** «I am he, as you are he, as you are me, and we are all together» («Битлз», альбом «Magical Mystery Tour»).

ных «левых» мероприятий, где играть будут они, в ведомости расписываться другие, легальные, а навар делить фифти-фифти.

Нил прикинул и отказался — такая схема едва ли грозила уголовным преследованием ему лично, но создавала прецедент, лишивший бы его морального права на запрет возможных Линдиных «леваков», куда менее безобидных. Вскоре поступило предложение и от самих «легальных» — комсомольско-музыкальной команды с недвусмысленным названием «Наш бронепоезд». Это предложение было приемлемо только с материальной стороны, и его Нил тоже отверг — не хотелось ни участвовать в агрессивных наездах «Бронепоезда» на публику, ни переводиться ради этого сомнительного занятия на заочное отделение.

В общем, сентябрь они прожили на Нилову стипендию и доход с продажи трех пластинок из его коллекции, причем выручили за них вдвое меньше, чем могли бы взять непосредственно на Галере. Но такой вариант даже не обсуждался — они ведь дали друг другу слово никогда больше туда не соваться.

А в начале октября Линда устроилась кассиршей в магазин хозтоваров на Большом, и к сорока рублям его стипендии прибавилась ее зарплата, восемьдесят два рубля семьдесят копеек на руки. Вот и пригодились два курса торгового техникума. Конечно, и этих денег на жизнь катастрофически не хватало, тем более что Линда, мягко говоря, рачительностью не отличалась. Тучные дни — с вином, фруктами, дорогими полуфабрикатами — чередовались с тощими неделями. Желудок Нила познакомился с такими выдающимися изделиями, как красный зельц (девяносто копеек кило), ливерная колбаса третьего сорта (шестьдесят девять копеек кило), плавленый сырок «Городской» (десять копеек за штуку), и знакомство это радости не доставило. Пальцы, привыкшие к струнам и клавишам, привыкали теперь к иголке и наперстку — приходилось самому штопать носки, латать прохудившиеся рубашки, ставить заплаты на штаны. Линда совестилась, вырывала у мужа шитье, но у нее получалось и того хуже.

Нынешние переживания накладывались на переживания прошлого, притупляли их остроту. Плавно и скромненько,

сообразно чину, Линда встроилась в систему перепродажи дефицита, который иногда подбрасывали в магазин для выполнения плана; свой рублик приносили и мелкие погрешности в расчетах с покупателями. С работы она приходила взвинченная, иногда срывая накопившееся раздражение то на Ниле, а то и на Яблонских. Те в долгу не оставались, и начинались те самые коммунальные баталии, над которыми они оба когда-то так потешались.

— У-у, сволочная жизнь, сволочная работа! — плакала Линда потом, прижимаясь к Нилу. — Зигги, Зигги, в кого мы превращаемся?

— Тебе нужно уйти из магазина, — внушал он, лаская ее. — Найдем какую-нибудь тихую контору. Или библиотеку. А может быть, театр? Хочешь работать в театре? Я переговорю с матерью...

— И что я там буду делать? — горько улыбалась она. — Программки продавать?

— Зачем же обязательно программки? Там много всякой работы. Да и чем плохи программки?

— «И патетическим батманом Красная Шапочка выносит подлеца Волка...»

Что ж, все лучше, чем «Девушка, пробейте мне мочалку».

Но все ограничивалось разговорами. Линда по-прежнему пробивала мочалки, а Нил в свободное от учебы время подрабатывал в университетской типографии, где таскал тяжеленные бумажные бобины, и, эпизодически забегая к матери, потихонечку подтибривал книги из заднего ряда бабушкиной библиотеки. На Моховой он никогда подолгу не задерживался — общество доктора музыковедения ни в малейшей степени не привлекало его. Красный зельц и маргарин «Солнечный» ушли из их рациона, но довольства в жизни не прибавилось. Все чаще Нил с тоской вспоминал веселые деньки своего жениховства, все чаще ловил себя на мысли, что напрасно уничтожил карты и очки, и даже на желании вновь встретиться с Ринго.

Но того словно корова языком слизнула.

А Линда все чаще замыкалась в себе, зажигала свечу и подолгу сидела, не шелохнувшись, смотрела на колеблющееся пламя. Или притаскивала в дом неприятных, вульгарных теток — новых своих подружек, — выпивала с ними, горланила популярные в народе пес-

ни. Снимала, так сказать, напряжение... Жалко.

— Зигги?

Линда стояла в раскрытой двери, привалившись к косяку.

— Пойдем, Зигги. Я их выставила.

— Линда, зачем, ну зачем они тебе, скажи на милость?

— Сегодня это было в последний раз. Честно. И не надо об этом. Я устала...

Она первой вошла в комнату и тут же упала на матрас...

Он курил, завернувшись в простыню, и задумчиво смотрел на нее.

— Какая-то ты сегодня странная. Тебя что-то гложет, я чувствую...

— Не выдумывай. Я устала, а завтра трудный день. Конец квартала, нам «Веритасы» немецкие завезли, давка будет фантастическая. Давай спать.

У Нила тоже выдался денек не из легких. Сложнейшая контрольная по языкознанию, политэкономический семинар под руководством самого профессора Либерзона, за почтенный возраст прозванного Либерфатером. Семинары были по-своему интересны, но и утомительны. Оба этих качества обуславливались своеобразием профессор-

ского слога: начав фразу с изложения одной мысли, Фатер завершал ее изложением другой, с первой никак не связанной. Получалось, например, такое: «Выдающиеся успехи социалистической экономики позволили нашим ученым запустить в сторону Луны Тунгусский метеорит». Это шоу приедалось, но пропускать занятия было крайне неразумно — память на лица и фамилии была у старика отменной и злой. Не успел Нил стряхнуть с себя управляемые метеориты и пятилетку стратегического назначения, а его уже чуть не за шиворот повели перетаскивать ящики с противогазами со склада на склад. И куда прикажете пойти после такого трудового дня? Естественно, в пивную. «А там друзья, ведь я же, Зин...»

Долго ли, коротко ли, подсел к ним веселый бородатый дедок полупомоечного вида. Подгадал в самый раз: кружкой раньше они бы его послали подальше, кружкой позже — вообще не врубились бы, чего ему надо. А так пива ему поставили, водочки плеснули, уж больно забавный дедок попался. Домой Нил не торопился, знал, что после аврального дня в магазине Линда будет, мягко говоря, некоммуникабельна, и так уж

вышло, что к закрытию пивной их осталось только трое — Нил, дедуля и Ванька Ларин, факультетский поэт и пьяница. Вышли на улицу, понукаемые сердитой уборщицей, побрели на остановку... И тут выяснилось, что угощали они весь вечер вовсе не компанейского фуцина, а законспирированного халифа Гарун аль-Рашида из «Тысячи и одной ночи». Дед затащил их в ресторан «Мишень» и принялся потчевать шампанским и телячьим филеем со сложным гарниром, а когда подступило время закрытия, и их начали выпирать, пригласил в компанию швейцара с официантом, читал мутные стихи про каких-то верблюдов, они в ответ хором пели строевые песни, а Нил еще и подыгрывал на раздолбанном рояле. В качестве финального аккорда бодрый старичок запихал всю команду в такси, и они до утра колесили по городу, несколько раз останавливаясь, чтобы выпить водки и закусить прямо на капоте...

Проснулся он на чем-то жестком. Пахло застарелой мочой и перегаром. Нил со стоном сел, протер глаза, пытаясь разобраться, где он. Тусклая лампочка высоко над головой не позволяла разглядеть помещение во всех подроб-

ностях, но общий вид был таков, что отбивал всякий интерес к подробностям. Длинная, невероятно узкая комната без окна, с голыми бетонными стенами. И вмазанная прямо в бетон крашеная скамья, тоже очень узкая. Подвал какой-нибудь?..

Нил осторожно ощупал лицо, пошуровал в карманах. Нет, вроде бы ничего не разбито и ничего не пропало, одежда, похоже, тоже цела, хотя, наверное, и не в лучшем виде после того, как он провалялся в ней черт знает сколько, черт знает где. И спросить не у кого... Слушайте, а может, это вытрезвитель? Все, приехали... Хотя нет, не похоже. Сам-то он, слава Богу, в подобные заведения пока не залетал, но более опытные товарищи рассказывали, что там обязательно раздевают до трусов и бросают на матрас, покрытый клеенкой, в гущу аналогичных грешников... Нил поднялся, на нетвердых ногах прошел в противоположный конец комнаты, где увидел железную дверь, подергал безуспешно, потом постучал. Сначала было тихо, потом кто-то грубо прикрикнул: «Чего тебе?!», а кто-то другой сказал:

— Погоди-ка, это, похоже, тот, утрешний, денисенковский.

— Ну так и веди его к Денисенко в таком разе.

Громыхнул засов, и в прямоугольнике резкого света Нил с ужасом увидел фигуру милиционера. Замели! Внутри все оборвалось. Господи, уж лучше бы вытрезвитель!

Потрясение было настолько велико, что похмельные сумерки в голове моментально прояснились. Покорно топая по длинному коридору вслед за широкой милицейской спиной, Нил быстро перебирал в голове возможные причины своего задержания и тут же отбрасывал. Вчерашняя пьянка? Но она закончилась без эксцессов. Веселый старичок довез его до дому, он прекрасно помнит, как поднимался на лифте, как с третьей попытки попал в замочную скважину... Значит, отключился он уже в квартире. Так что же, выходит, он дома выкинул что-то такое, что соседи вызвали «хмелеуборочную» и сдали его? Крайне сомнительно, чтобы он, никогда не отличавшийся буйством во хмелю, мог довести Яблонских до таких мер, и уж совершенно исключено, чтобы на это пошла Линда. В крайнем случае усмирила бы его сковородой по темечку, но сдавать в менты?..

В гудящей голове проносились жуткие истории, рассказанные Линдой. У них тут тоже планы, графики, отчеты, соцсоревнование. И ради цифири им ничего не стоит захомутать любого, кто под руку попадется, подшить к глухому делу в качестве обвиняемого, выколотить нужные им показания. Настоящее-то раскрытие преступлений — дело долгое, муторное, подчас бесперспективное и страшно невыгодное: показатели падают, начальство бодает, премии летят мимо кармана, а звездочки мимо погон. Вот и стараются. И ничего ты супротив них не вякнешь, потому что они — Государство, а ты — никто, ноль без палочки, и когда Государство назначает тебя преступником, обратного хода уже нет. Но возможно, назначение еще не состоялось... Главное — держаться спокойно, уверенно, но не вызывающе, ничем не проявить ни свою ненависть, ни свой страх...

— Заходите, заходите, Нил Романович, присаживайтесь.

В занюханном кабинете на три стола сидели двое: молодой блондинистый усач в клетчатом пиджаке и невыразительный мужчина средних лет, в очках и с аккуратно зачесанными на лысину реденькими волосами. Этот-то к нему и обратился.

— Передохнули маленько? Продолжим?

— Извините, я...— Нил замолчал, ничего не понимая.

— Хорош! — фыркнул усатый.

— Да ладно, Василь Василич, с кем не бывает. Ты лучше своими делами занимайся, а мы своими.

Усатый что-то буркнул и уткнулся в лежащую перед ним папку.

— Итак, Нил Романович, давайте-ка еще раз, во всех подробностях — как вы провели вчерашний день? Где были, когда, что делали?

— Я... А вы кто?

Человек, похожий на заслуженного счетовода, усмехнулся.

— Да, вы явно не в лучшей форме. Но, не обессудьте, отложить нашу беседу никак не могу. Фамилия моя Денисенко, старший следователь отдела борьбы с хищениями социалистической собственности.

«Это еще откуда?.. Спокойно! Ясно, что здесь какое-то недоразумение, однако сразу заявлять об этом не стоит, это заведомо проигрышная позиция... Уж по их-то ведомству за мной ничего реального нет и быть не может. Тем более вчера. Разве только кто-нибудь упер противога-

зы, что мы перегружали, или тот щедрый старикашка оказался переодетым расхитителем... Как хорошо, что вчера я весь день был на людях, и что бы они мне ни предъявили, найдутся свидетели, которые подтвердят мое алиби...»

Медленно, четко, внушая себе, что он находится не в кабинете следователя, а на занятиях по разговорной практике, он начал рассказывать. Про Либерфатера, про противогазы, про пивную и присоседившегося к их компании чудного деда. На этом месте Денисенко прервал его:

— Дальше мне все понятно. Значит, в течение дня домой вы не заходили?

Нил кивнул.

— И с женой не виделись?

Линда! Что-то случилось с Линдой?! Но почему ОБХСС?..

— Только рано утром, перед уходом в университет, — сдавленно сказал он.

— И вы ничего необычного в ее поведении не заметили? Она не показалась вам взволнованной или излишне рассеянной?

— Она спала. Мне надо было к первой паре, а ей на работу только к десяти...

— А накануне?

— Да нет вроде... Сидела с подружками, песни пела. Потом легла спать.

— И ничего не рассказывала, никакими планами не делилась?

— Нет...

Нил смолк. Вопросы сидящего напротив казенного человека били в точку. Ну, была она какая-то не такая, ну, говорила про какие-то «Веритасы», предвидела большой ажиотаж... Ну и что! Они явно под нее роют, и любые его слова...

— Вы бы лучше у нее спросили... — осторожно посоветовал он.

— И спросим, — с неожиданной резкостью сказал Денисенко. — Обязательно спросим. По всей строгости. Когда поймаем.

— Да что такое?! Я ничего не понимаю.

В коридоре шумно хлопнула дверь, и высокий, чуть дрожащий голос произнес:

— Примите наши извинения, Ольга Владимировна...

— Имейте в виду, я этого так не оставлю! — громыхнуло в ответ, и Нил вздрогнул, вновь окунаясь в марево лютого бреда. Откуда здесь взялась его матушка?

— В своих сапожищах врываются прямо в репетиционный зал, хамят так,

будто перед ними не народная артистка, а какая-нибудь шушера со свалки, — патетически вещала примадонна, — на глазах у всего коллектива запихивают в автомобиль с решетками...

— Но, поймите правильно, уважаемая Ольга Владимировна, они всего лишь выполняли полученное предписание, в котором сказано — принять меры к розыску и задержанию гражданки Баренцевой Ольги Владимировны, тысяча девятьсот пятьдесят третьего года рождения...

— Мне, конечно, льстит, что меня принимают за особу пятьдесят третьего года рождения, но это еще не дает вашим подчиненным основания...

Послышался скрип закрываемой двери, и голоса стихли.

— Вот вам и ответ, Нил Романович, — блестя очками, проговорил Денисенко. — Вчера ваша жена, Баренцева Ольга Владимировна, после обеденного перерыва не вернулась на рабочее место. Когда вскрыли кассу, там обнаружили десять рублей семьдесят восемь копеек мелочью. А контрольная лента зафиксировала сумму в шесть тысяч сто девятнадцать рублей. Арифметика несложная. А жену вашу в последний раз видели

в четырнадцать ноль три на троллейбусной остановке. Естественно, мы приняли все меры к задержанию, двух сотрудников отправили на вашу квартиру. Она там не появилась, зато в восемь сорок пять появились вы. К сожалению, наши работники неправильно оценили ваше состояние и доставили сюда для беседы. Вы с порога заявили... — Денисенко перевернул несколько бумажек и, глядя в последнюю, зачитал: — «Все мы вышли из гофмановской шинели». На нашу просьбу пояснить ваше загадочное высказывание, вы ответили: «Я буду говорить только в присутствии моего адвоката». После этих слов ваша, как бы выразиться... ваша неадекватность стала очевидна всем, и пришлось вас отправить немного освежиться. Вот, собственно, и все... Распишитесь вот здесь. Ваши показания мы проверим и, полагаю, побеседуем еще раз. А пока — вы свободны. И, разумеется, держите нас в курсе, если что...

— Да, конечно... А если что — это что?

— Ну, если вы будете располагать какими-либо сведениями о местонахождении вашей, извините за выражение, жены...

Нил поднялся и в упор глянул в оловянные глаза Денисенко.

— На это не надейтесь*.

XV
(Ленинград, 1976)

— О, на ловца и зверь! Рванули в «Петрополь»? Сегодня я обязан надраться в говно... Хотя нет, прикид у тебя явно не для пивнухи. Тогда, может, в «Погребок»? Я проставляюсь — денег как грязи! Стипуху за лето авансом выдали.

---

* Ситуация была создана мною практически из ничего. За неделю до всей этой детективной истории, после многомесячного перерыва я встретила Нила. Его вид вверг меня в состояние шока — передо мной стоял пыльный мужик, типичный совок, затраханный убогим бытом. В его тусклых глазах проступала вся безрадостная жизненная перспектива — подержанный «Запорожец», шесть соток в Бабино, нагрузки по профсоюзной линии, быстрые сто граммов после работы, трешка до зарплаты, гастрит, переходящий в язву, бесконечные склоки с пьющей, некрасиво стареющей женой, уход на пенсию с должности младшего специалиста... Такой судьбы не пожелаешь никому, а уж Нилу — с его-то даром... В тот же вечер, к концу рабочего дня, я заглянула в хозяйственный, где трудилась Линда, изобразила радостное удивление от встречи с ней и тут же, не дав времени зайти домой и переодеться, потащила в ресторан — разумеется, в самый лучший и безумно дорогой. На фоне тамошней лощеной публики она смотрелась сущим огородным пугалом, но после второй рюмки «Мартеля» это перестало ее смущать. Я же все подливала ей и шептала на ухо бередящие душу истории про жизнь красивую и рисковую. Потом довезла ее до дому, но подниматься не стала... *(Прим. Т. Захаржевской.)*

Нил выразительно похлопал по карману. Глаза Ванечки Ларина загорелись, но он пересилил себя и ответил со вздохом:

— Пока не могу. Велено хранить трезвость до восемнадцати ноль-ноль.

— А что такое?

— Домашний банкет по случаю защиты диплома.

— Погоди, чьей защиты?

— Моей, чьей же еще?!

Нил посмотрел на Ларина повнимательней — отутюженный парадный костюм, новая белая рубашка, полосатый галстук, выбритые щечки благоухают польским «Варсом».

— Отстрелялся уже? — Ларин кивнул с важным видом. — Поздравляю! И что дали?

— Пять шаров, естественно... Ну, с минусом, если честно, так ведь минус в диплом не пишется.

— Ну ты просто ундервуд! Такое дело грех не отметить. Давай хотя бы чисто символически.

— И рад бы, но... Ты ж меня знаешь, я на полдороге не останавливаюсь... Лучше вечерком подгребай ко мне, гарантирую расслабон по высшему разряду. Адресок запиши.

— Ох, не дотерплю! — Нил переступил с ноги на ногу.

— А что так? — Ларин смотрел с удивлением.

В проштудированных им научных трактатах про алкоголизм такое состояние называется «интенционный тремор», и ему было крайне странно наблюдать этот клинический симптом у приятеля, которого он, в сопоставлении с самим собой, держал чуть ли не за трезвенника.

— Тоже отмечаю... — Нил опустил глаза. — Четвертый месяц праздную вновь обретенную свободу.

Дни свободы были безрадостными и долгими. Ежеминутно, почти физически, Нил ощущал, как леденеет душа, покрываясь инеем бесчувствия. Ощущение было мучительным, он боролся с ним, боролся, боролся, судорожно хватаясь за все, что могло хоть немного замедлить неумолимое приближение черной, холодной бездны — музыка, скоротечные романы, вино...

— Мальчики, привет!

Мимо них, чуть замедлив грациозный ход, ангельским видением проплывала Таня Захаржевская.

— Привет! — воскликнули они дуэтом.

Она послала им воздушный поцелуй — один на двоих — и через десяток

легких шагов скрылась за кирпичным углом кафедры физкультуры. И только тогда Нил вновь перевел взгляд на Ларина.

— Без шансов, портвайнгеноссе. Это, знаешь ли, создание из иного мира, не нам, смертным, предназначенное, — философски заметил Ларин. — Знаешь, а я, пожалуй, рискну остаканиться с тобой за компанию. Вперед?

Против обыкновения, общество друг друга оказало на каждого сдерживающее влияние и, чинно приняв по сто пятьдесят «бурого медведя» в приличной забегаловке на Первой линии, Нил и Ванечка столь же чинно распрощались, договорившись, что вечером непременно встретятся у Ларина дома.

В многоэтажную семейную общагу на улице Беринга Нил явился, выставив в качестве живого щита Веру Хауке, истерично-припадочную полубогемную дамочку, которую он подцепил по пьянке на каком-то вернисаже и теперь не знал, как отцепить. Войдя, Нил был приятно удивлен тем, насколько уютной оказалась крохотная квартирка, насколько хорош, хоть и непритязателен, был стол. Но более всего его потрясла хозяйка, жена Ивана, поразительной красоты брюнетка с огромными зелеными глазами,

гитарным станом и чарующим низким голосом. Нил не собирался петь в этот день, но... У соседей добыли раздолбанную гитару, которую он настроил только при помощи плоскогубцев, а потом выдал самый звездный репертуар. Почему-то он не сомневался, что Ванькина жена должна великолепно петь, и очень рассчитывал, что своими песнями сумеет завести и ее. Так и вышло. Ее пение превзошло все его ожидания...

Вера Хауке весь вечер демонстративно молчала, а дома закатила истерику по высшему разряду.

— Ты весь вечер только и делал, что пялился на эту шлюху! — самозабвенно визжала она, не желая слышать его объяснений и оправданий.

Войдя в раж, Вера, должно быть, не заметила Нилов предупреждающий оскал или же приняла за улыбку и подпустила его слишком близко. Последовал страшной силы короткий удар в живот. Вера сложилась пополам и рухнула на пол, извергнув из себя весь праздничный ужин.

— Никогда, — медленно выговорил Нил, нависая над ней, — никогда не называй женщину шлюхой только за то, что она красивее, умнее и чище тебя.

Вера моргала в пространство, боясь взглянуть на него.

— А теперь убирайся. Вот тебе червонец на такси. За вещами приедешь завтра. Если через пять минут ты все еще будешь здесь, я убью тебя.

Когда Нил вышел из ванной, Веры и след простыл. Он взял тряпку, подтер блевотину, надел куртку и вышел. До утра мотался по теплому городу, бессвязно шевеля губами: «Татьяна Ларина... Татьяна Ларина... Татьяна Ларина... Впервые в жизни ударил женщину — защищая честь другой женщины... Другой женщины... Женщины другого... Женщины друга... Ни дня не прожить, не видя ее...»

Посреди Литейного моста его осенило — завтра же надо приехать на Беринга с магнитофоном, записать Татьяну Ларину, убедить мать устроить прослушивание. И, может быть, тогда...

В почтовом ящике его ждал белый конверт с одним лишь словом, начертанным незнакомой рукой:

«Баренцеву».

Глава четвертая

КОНЬЯК, БЕССОННИЦА, ТУГИЕ ТОРМОЗА...

I
(Ленинград, 1982)

— А дальше?

— А дальше начинается статья за недоносительство, которой Денисенко тыкал мне в нос при каждой встрече. Интересно, в приличных странах эта статья распространяется на ближайших родственников?

Константин Сергеевич Асуров поморщился, но Нилов невинный взгляд выдержал.

— Смотря, что понимать под приличными странами. У нас, например, стараются избегать. Мы же гуманисты.

— До тех пор, пока не поступило других указаний?

— Да ладно тебе! Авторитетно заявляю — тебе эта статья не грозит. Тетка безносая все списала... Плеснуть еще?

— Давай... А себе?

Асуров сокрушенно вздохнул:

— И рад бы, да утром на службу.

— Сочувствую. А вот у меня бюллетень аж на неделю. Так что имею полное право...

Нил залпом выпил полстакана коньяку, вытер губы и отвернулся. Асуров с сочувствием посмотрел на него.

Их разговор начался еще утром, примерно через полчаса после того, как Нил вошел в свою одинокую комнату и бухнулся на матрас лицом вниз. Появления на балконе человека в плаще он не заметил и только изумленным взглядом отреагировал на вежливое покашливание.

— Тук-тук, позвольте войти.

Человек снял шляпу, и лишь тогда Нил признал в нем молодого следователя, сопровождавшего его на опознании в морге и удивительно похожего на Ленина в молодости.

— Коли угодно...

Следователь попросил извинения за вторжение, напомнил свое имя-отчество и заметил, что если уважаемый Нил Романович по каким-то причинам считает для себя неудобным беседовать здесь, то он, Асуров, готов незамедлительно препроводить его в свой служебный кабинет. На это Нил ответил, что ему и здесь хорошо, и предложил следователю кофе — не столько из вежливости, сколько пото-

му, что самому очень хотелось. Асуров предложение принял, снял плащ, уселся и, выдержав легкую паузу, начал задавать вопросы. К третьей чашке как-то незаметно для Нила на столе появилась бутылка марочного армянского коньяку. Спустя некоторое время они столь же незаметно перешли на «ты». Ближе к вечеру образовалась и вторая бутылка...

— И все-таки? Что же было в письме? — не отставал следователь.

— Строго говоря, это нельзя было назвать письмом, потому что в конверте не было ни листочка, ни словечка, только железнодорожный билет в спальный вагон экспресса Москва—Хабаровск. Она всегда была неравнодушна к двухместным купе... Конверт бросили прямо в ящик, не доверив почте — она понимала, что твои коллеги из ОБХСС могут еще следить за мной, хотя и не так пристально, как в первые месяцы. Мне тоже не хотелось, чтобы через меня вышли на нее, поэтому я принял свои меры конспирации. Тебе, конечно, они покажутся смешными.

— Что за меры?

— Мать купила мне в Германии прелюбопытную куртку. Перевертыш. Обе стороны сделаны лицевыми. Бежевая

плащевка и синий велюр. Я полдня слонялся по Москве в бежевом, вечером купил билет в кино — знаешь высотку на Красной Пресне, рядом с метро? — вошел в зал, а через десять минут вышел уже в синем и клетчатой кепке, доехал до Ярославского, сел в поезд. Со мной в купе ехала какая-то тощая чернявая дура, которая тут же принялась довольно бесцеремонно со мной заигрывать. Еле отшил, притворился спящим, а сам до утра не мог заснуть. Разбудили меня жаркие поцелуи. Я спросонья чуть было кулаки не распустил, но в самый последний миг увидел, что это не вчерашняя моя соседка, а — Линда! А я ведь тщательно готовился к этой встрече, все внушал себе, что подписался на эту опасную авантюру с одной лишь целью — в последний раз посмотреть ей в глаза, четко и ясно сказать, что между нами все кончено, что своим диким, не имеющим никакого оправдания поступком она уничтожила, предала нашу любовь, вычеркнула себя из списка нормальных людей... А вместо этого тут же впился в ее губы, и все слова вылетели у меня из головы.

— Бывает,— философски заметил следователь.

— Теперь ее звали Алина Смелкова, она работала поварихой в бригаде буровиков. Прекрасно зная пределы ее кулинарных способностей, я мог лишь посочувствовать несчастным буровикам. Мне повезло больше — в поезде был отличный вагон-ресторан, услугами которого мы пользовались раз по шесть на дню. В Хабаровске жили у ее подруги, имени не помню, в просторной квартире на улице Петра Комарова, шиковали, икру ели ложками, загорали на амурских пляжах, ездили в Советскую Гавань за свежими кальмарами, а возвращались оттуда, как рыбаки после удачной путины, подрядив целую кавалькаду такси — первое везло нашу обувь, во втором ехала Линдина шляпка, в третьем — мы сами, босые и с ящиком шампанского. Нанимали бичей со стремянками мыть памятник Ерофею Павловичу на вокзальной площади... Потом летали во Владивосток, ныряли с аквалангами в Японском море. Я понимал, что воссоединение наше мимолетно, что у нас нет и не может быть общего будущего, и эта мысль сообщала особое, трепетное очарование каждому мгновению. Мы расставались без слез; я улетел в Ленинград, уже предвкушая новую встречу.

— И когда она состоялась?

— Ровно через год. На сей раз весточка пришла по почте, на официальном бланке молодежного музыкального фестиваля «Янтарный ключ». Меня приглашали в жюри. Письмо было подписано секретарем оргкомитета А. Ледовских. Время было напряженное, до сессии оставалось меньше месяца, и на мое решение ехать на фестиваль повлияло только одно — надежда, что здесь не обошлось без Линды. Ожидания мои оправдались. Она и оказалась той самой А. Ледовских.

— Она же Элла Каценеленбоген, — улыбнулся Асуров.

— Успела сходить замуж за тамошнего морячка. К моему приезду брак уже распался, и наш откровенный роман осуждения ни у кого не вызвал. В конце лета я снова примчался туда, но ее уже не застал. Она исчезла бесследно.

— Опять с приключениями?

— Мне так и не удалось ничего выяснить... Прошло еще три года. Я закончил университет, на зависть многим получил распределение в приличный ленинградский вуз, изредка, по старой памяти, выступал с «Ниеншанцем», женщины по-

прежнему не обходили меня вниманием. Внешне жизнь моя протекала вполне благополучно, но всякий раз, открывая почтовый ящик, я не мог унять в пальцах нервную дрожь, которая с приближением лета становилась особенно сильной. Но я не дождался ничего...

— Неужели вы так больше и не встретились?

— Встретились. В августе позапрошлого года.

— Где? — слишком быстро, слишком *цепко* спросил Асуров.

— Все началось с того, что двое моих приятелей, аспиранты-психологи, подбили меня прокатиться с ними в Коктебель, это в Крыму, между Феодосией и Судаком... — медленно, эпично начал Нил, не принимая заданную следователем смену темпа.

— Плавали, знаем! — неуверенно пошутил Асуров, и ритмический рисунок беседы распался окончательно.

Нил широко, оглушительно зевнул и взглянул на часы. Асуров встал.

— Извини, я засиделся. Тебе надо поспать. Завтра договорим. Часиков в десять звякни мне по этому телефону. — Асуров достал из кармана карточку и положил на стол. Нил заметил, что на кар-

точке не было ничего, кроме четко отпечатанного семизначного номера. — К тому времени я буду знать, готовы ли результаты экспертизы, и тоже смогу тебе кое-что рассказать.

— Коньяк забери, — Нил показал на початую бутылку.

— Еще чего! Тебе нужнее... До завтра!

Следователь подмигнул и, прихватив плащ, шагнул на балкон. Нил проводил его взглядом, наполнил стакан...

II
(Ленинград, 1978—1979)

Лето семьдесят восьмого Нил безвылазно проторчал в городе — сдавал госэкзамены, защищал диплом, получил прекрасное распределение на кафедру в Политех, где был сразу же подключен к проверке абитуриентских сочинений. И все это время ждал. Но белый конверт так и не мелькнул в прорезях его почтового ящика.

Прошла осень, потом зима, весна. В жизни Нила не менялось ничего, кроме баб, да и тех он между собой уже почти не различал. Он добровольно записался в экзаменационную комиссию,

набрал учеников, готовил их к вступительным экзаменам. И всякий раз, проходя мимо ящика, заглядывал туда, и всякий раз выговаривал себе за это проявление слабости.

В самом конце августа, дня за три до начала учебного года — все никак не мог свыкнуться с мыслью, что находится уже по другую сторону баррикад! — Нилу случилось оказаться в шашлычной неподалеку от Никольского собора. Был он не один. Недавно образовалась у него новая подруга с оперным именем Иоланта, незамысловатая и незакомплексованная дева, обучающаяся в Институте физкультуры на тренера по легкой атлетике. Она-то и затащила Нила в этот шалманчик, где и впрямь оказалось мило, вкусно и недорого.

— А я замуж выхожу, — поведала Иоланта после салата и первого бокала «Напареули».

— И кто счастливчик, любопытно?

— Ты его не знаешь. Мы летом на сборах познакомились. Он боксер, мастер спорта.

— Предупреждать надо. — Нил поежился.

— Я и предупреждаю, — рассмеялась Иоланта. — Да ты не бойся, он из Бело-

руссии, живет в Минске. Я тоже после свадьбы туда перееду.

— Понятно. А сегодня у нас, стало быть, этот самый... мальчишник-девишник *au deux*.

Иоланта нахмурила лобик, соображая, что это он такое сказал.

— Не, трахаться я сегодня не поеду,— наконец ответила она.— В общаге у нас все девки знают, что я теперь с Василем хожу, еще настучат ему, если я ночевать не приду. И вообще...

— Ну что ж, давай тогда шампанского — за твое с Василем светлое будущее. Девушка, будьте добры шампанского пузырек!

— Два!

Нил обернулся на новый голос и увидел направляющегося к ним Ваньку Ларина. Но как же изменился за три года его старый знакомец! Растолстел, обрюзг, морда опухшая, пропитая. Но прикинут вполне по моде — замшевый пиджак, джинсы. Рубашка, правда, второй свежести.

— Можно к вам? — спросил Ларин.

— Разумеется... Девушка, еще бокал! Ты что будешь кроме шампани?

— Водочки.

— А еще?

— Еще водочки.

— А кушать-то что будешь?

— Вот ее, родимую, и буду кушать! — Иван расхохотался. — Все как в том анекдоте... Ну ладно, уговорили. Значит, бутылку шампанского, бутылку коньяку, сто водочки лично для меня, три осетрины, три шашлыка...

— Да ты никак забурел, командор?

— Еще как забурел! Я теперь у писателя Золотарева работаю, сценарии по его романам пишу. Правда, шеф сейчас отъехал за границу, так что я свободен и гуляю, как видишь. На личном фронте тоже все схвачено. — Ларин самодовольно хохотнул. — Слушай, у меня вот какая мысль имеется. Давай мы, как допьем-доедим, возьмем еще пару фугасов — и ко мне. Я тут в двух шагах живу. Квартира — во, царская, понимаешь, квартира! С Танечкой моей познакомлю. Она у меня знаешь какая!

— Погоди, я вроде уже знаком. Тогда, на Беринга, когда диплом твой обмывали...

— А, это ты про жену? — Ларин помрачнел на мгновение, потом беспечно махнул рукой. — Дела давно минувших дней... Сделала мне ручкой жена-то. Высоко теперь летает, в кинозвезды,

блин, подалась, роковух всяких играет. Ей в самый раз, стерве. Ну, ничего, оно все и к лучшему... Ты наливай пока, наливай, а то когда еще мой заказ принесут...

Ларин залпом выпил бокал белого вина и тут же налил себе второй.

— Уф-ф, не тот, конечно, градус, ну ничего, сейчас догонимся... Такая вот, братец, диалектика. Если бы моя змеюка меня не выкинула, фиг бы я встретил мою Танечку... А, вот и коньячок подоспел! Давай-ка сейчас по рюмашке за ее здоровье, лапушки моей, солнышка рыжего, благодетельницы...

У Нила нехорошо защемило в груди.

— Ты уверен, что я не знаком с ней? Не ты ли сам нас и познакомил?

— Да когда? — Ларин заморгал удивленно. — Хотя стой, вполне может быть, она ж наша, филфаковская, Таня Захаржевская... Ну да, точно, вы ж еще курили с ней на переменках, пересмеивались... Суперская девчонка, верно? И вот, представь себе, она бортанула своего Чернова, дочку маленькую ему оставила, послала на фиг факультет — и все ради меня... — Ларин горделиво выпятил грудь. — Слушай, точно, пойдем к нам, у нас клево — видак, стерео

хай-фай, хавчик фирменный. — Он доверительно понизил голос: — Кайф имеется, и черненький, и беленький... Четыре комнаты, на ночь вписаться можно, а то и на неделю. Побалдеем, а? И девочку с собой прихватим, если пожелает. — Ларин заговорщицки подмигнул Иоланте. — Таня только рада будет, она у меня знаешь какая добрая, ласковая...

Иоланта накрыла напрягшуюся ладонь Нила своей.

— А что, может, и в самом деле?..

— Вот ты и иди, если хочешь! — дивясь на самого себя, взорвался Нил. — Ты что, совсем дура тупая?! Не въезжаешь, зачем он нас так упорно зазывает? Думаешь, он нам хочет приятно сделать? Он себе хочет приятно сделать! Выпендриться он хочет, вот чего! Показать, какой он крутой — вы, дескать, все меня за говнюка и придурка держали, а я таких офигительных женщин имею, что вам, самцам дипломированным, остается только слюнки пускать да с тоски мокрощелками дешевыми пробавляться...

Нил осекся, почувствовав, что погнал совсем не в ту степь, но было поздно: Иоланта вскочила, красная от

злости, и, смачно плюнув ему в лицо, побежала к выходу, оттолкнув не вовремя подвернувшуюся официантку. Звонко грохнул об пол поднос, по счастью, пустой, официантка завизжала. Нил утер плевок рукавом и бросился вслед за Иолантой. За ним мчался Ларин, крича на ходу:

— Постой, Нил, погоди, ты все не так понял!!!

Будучи человеком малоспортивным и к тому же подточившим организм длительным беспробудным пьянством, Ванечка отстал сразу, не успев еще выскочить из шашлычной. Постоял немного в вестибюле, отдышался и вернулся в зал допивать и доедать заказанное на троих. Нил же, в свою очередь, довольно скоро потерял из виду профессионально быстроногую Иоланту. Он резко остановился посреди многолюдного тротуара и медленно, шаркающей стариковской походкой, побрел к метро, беззвучно браня себя последними словами. За что, спрашивается, обидел хорошую девчонку? А Ларина за что? Безвредное ведь, добродушное существо, наверняка хотел как лучше... Его ли вина, что ему так сказочно, неправдоподобно повезло с женщинами? Сначала одна Татьяна,

прекрасная, как Афродита, которую это ходячее недоразумение не смогло удержать подле себя. Потом вторая Татьяна, которая... Которая...*

III
(Ленинград, 1982)

Накинув пиджак, Нил вышел на балкон. Кончался апрель, и уже недели две стояла теплая погода. И сейчас было тепло, безветренно, но в ночном воздухе вдруг остро пахнуло зимой.

— Шестидесятая параллель, — пробормотал Нил. — Пулковский меридиан, мать его!.. Пришла зима, с ней праздник Первомай пришел.

И с переиначенной строкой из самиздатовского поэта Шинкарева Нил шагнул обратно в комнату, захлопнул за собой дверь и сыпанул в турку щедрую порцию молотого кофе. Недосказанные воспоминания распирали его...

---

* Которая в ту пору была, мягко говоря, не в лучшей форме. Оставленная мужем, лишившаяся дочери, утратившая цель и смысл... Которой было и не до Нила, и вообще не до кого... Вмазаться — забыться — очнуться — и снова вмазаться... И плевать, кто храпит рядом — хоть Ванечка, хоть черт собачий... Что ж, этот этап тоже надо было пережить. *(Прим. Т. Захаржевской.)*

IV
(Ленинград — Коктебель — Феодосия, 1980)

Честно говоря, Нил не имел намерения садиться за диссертацию, но заведующая пообещала скостить учебную нагрузку, если он будет посещать философские семинары, предназначенные для тех, кто собирается сдавать кандидатский минимум, так что... Большинство группы составляли мрачноватые технари с непонятными ему интересами и чуждым поворотом мозгов, и скоро он сблизился с двумя аспирантами кафедры инженерной психологии. Ребятки были неглупые, зубастые, не дураки выпить, и нередко дискуссии, начинавшиеся у них в коридоре возле аудитории, заканчивались в пивной или в разливухе. Меру, однако, знали, и разговоров всегда было намного больше, чем выпивки.

Психологи всюду ходили неразлучной парочкой, да и фамилии их красиво смотрелись рядом — Бергман и Эйзенштейн. Впрочем, к гениям мирового кино ни Игорь, ни Левушка никакого отношения не имели и гордо именовали себя Братьями по разуму.

Если не разум, то братство они блистательно подтвердили на весеннем экзамене. Свой ответ Бергман превратил в бурные дебаты относительно природы познания, а Эйзенштейн — в пламенную апологию Маха и Авенариуса, раскритикованных Ильичом-Первым в бессмертном «Материализме и эмпириокритицизме». Профессор, похожий на николаевского фельдфебеля, и профессорица, похожая на дохлую крысу, слушали их с каменными лицами. Нил же внаглую положил на стол толстую книжку под названием «Хрестоматия по марксистско-ленинской философии для учащихся ПТУ», не таясь, выписал оттуда по несколько звонких цитат на каждый из обозначенных в билете вопросов и бодро зачитал их улыбающейся комиссии. Результат оказался предсказуем — по «неуду» аспирантам Бергману И. С. и Эйзенштейну Л. Я. и «отлично» соискателю Баренцеву Н. Р.

— Ничего! — мужественно говорил Игорь, макая ус в кружку «Жигулевского». — Придут наши — и тогда еще поглядим, кто философ, а кто мудак!

— Пше пра̃шем бардзо, — вторил ему окосевший Левушка. — Е́сче мы на могиле тех лайдаков зашпиндачим полонез Огинского... Марш-марш Домбровский,

земли влошски да польски, под твои-им пшеводом звынчемся з народом...

— Зрончемся, — поправил Нил. — Спокойнée, господа, на полтона ниже, плиз!

— Отречемся от старого мира, — с видом заговорщика прошептал Бергман. — Рванем туда, где оскорбленному есть чувству уголок...

— Кеннст ду дас лянд, во ди цитронен блюн! — с чувством изрек рыжий Левушка. — Геен зи нах Коктебель им Шварцен море баден!

— Баренцев, вы, я надеюсь, кирилловец? — Игорь ткнул Нила пальцем в грудь. — В Крымских горах мы создадим небольшой партизанский отряд...

Но уже в поезде Братья по разуму неожиданно объявили себя чань-буддистами и углубились в медитации на стакане и сочинение хокку на основе непосредственно увиденного. В эти занятия пытались втянуть и Нила, но он наотрез отказался и проводил время в соседнем купе с девушками-геологинями, которых ублажал песенками под гитару. С помощью тех же девушек он в Симферополе выгружал из вагона чаней, домедитировавшихся уже до третьей степени просветления.

В первые же дни крымского отдыха Нил успел убедиться, что проповедуемая ими школа чань-буддизма отличается высоким эклектизмом, вбирая в себя элементы многих культур. Так, в имени гроссбуха, в который заносились все откровения в стихах и прозе, звучало нечто откровенно тюркское — «Йытсич Музар» («Чистый разум» навыворот), «Хинаяной» и «Махаяной» назывались две пищевые канистры на три и пять литров соответственно. Каждое утро обе канистры под завязочку заливались двумя самыми дешевыми разновидностями продаваемого здесь вина — белым, омерзительно кислым «Ркацители» и красным, омерзительно сладким «Радужным». Смесь этих напитков в равных пропорциях оказалась вполне сносной на вкус, быстро давала желаемый эффект и закрепилась в их кругу под названием «Смесь номер один — ординарная», которая превращалась в «Смесь номер два — марочную» путем простого влития в нее пол-литра «Зубровки». Употребление этих смесей внутрь одухотворенно именовалось «практикой слияния инь и ян». Через несколько дней такой практики Нил впал в глубокую тоску, физиономия Бергмана приобрела

устойчиво синий цвет, а Левушка, по его же заверениям, начал видеть в темноте не хуже кошки. Зато наши чань-буддисты обрели стойких прозелитов в лице трех молодых воркутинских шахтеров, которые ходили за ними по пятам, видом своим отпугивали как местное хулиганье, так и скандальных борцов за тишину и общественный порядок, щедро заливали «Хинаяну», а то и «Махаяну», марочным портвейном. Отдуваться за эти услуги приходилось, понятно, Нилу — каждый вечер подвыпившие шахтеры требовали душевных песен. Концерты нередко затягивались заполночь.

— Все, — пробурчал через неделю Нил, разбуженный на рассвете лютым похмельем. — С экспериментом пора завязывать.

Он, кряхтя, перелез через храпящего Бергмана, запихал в рюкзак плавки и зубную щетку, набросил на плечо гитарный ремешок. Во дворе напился воды из колонки, окатил голову. Полегчало, но очень слегка. Захотелось вернуться и поспать еще часок-другой. «Ну уж нет! — приказал он сам себе и двинул по извилистой улочке к морю, на повороте в последний раз посмотрел на

длинный низкий барак, поделенный на тесные клетушки, где в одной из них они и ютились, выкладывая за сутки пятерку на троих. — Гудбай, естествоиспытатели хреновы!»

Он пересек шоссе, доковылял до прибрежного променада, малолюдного в этот час, на границе писательского и общедоступного пляжей присел на лавочку. Силы оставили его. Отравленная кровь изнутри колола вены мириадами иголочек, голова гудела бухенвальдским набатом. Он окончательно и бесповоротно понял, что совершил большую глупость, припершись сюда, да еще с вещичками. Надо было остаться, пошукать у Братьев какой-нибудь заначки со вчерашнего, подлечиться малость. Не спеша навести справки насчет свободной коечки — где, с кем, за сколько, — если получится, прикупить курсовку, чтобы с питанием не маяться. Так ведь нет, как моча в голову стукнула, так сразу...

Блуждающий взгляд уперся в рядок автоматов, торгующих водами, пивом и дешевеньким разбавленным вином. Нил лихорадочно зашуровал по карманам, шепча при этом: «В последний раз...»

После трех стаканов в голове наступило прояснение, зато совсем ослабли

ноги. Он сел прямо на землю возле автоматов, взял гитару...

Друзья, купите папиросы!
Подходи, пехота и матросы,
Подходите, не жалейте,
Сироту меня согрейте,
Посмотрите — ноги мои босы...

Возле его ног, обутых в «адидасовские» кроссовки, шлепнулась монетка, потом другая. Стало смешно и немного стыдно. Нил тряхнул головой и запел активнее, работая уже на публику:

Я мальчишка, я калека, мне пятнадцать лет,
Я прошу у человека — дай же мне совет,
Где здесь можно приютиться
Или Богу помолиться —
До чего не мил мне этот свет!

— Действительно, что ли, приютиться негде? — услышал он девичий голос, сочувственный, но со скрытой смешинкой. — Бе-едный! Макс, иди сюда, тут такой талант пропадает!

Нил поднял голову. В позе с изящным прогибом, широко расставив точеные ножки, на него лукаво поглядывала знойная карменистая брюнеточка. Глянцевое голубое бикини красиво оттеняло шоколадный загар. Позади воз-

вышался крепкий парень, из-за ее нежного плечика убедительно выглядывал бронзовый бицепс с мастерски вытатуированным якорем. Парень шагнул вперед и выставил широкую ладонь.

— Здоров, доходяга! Держи краба.

Нил взялся за мощную ладонь, рывком встал с земли.

— Максим Назаров,— сказал парень, раздвинув уголки рта в улыбке.

Приглядевшись, Нил увидел, что слово «парень» не вполне точно характеризует его визави. Спортивный, гладко выбритый мужчина за тридцать, с необычным, неуловимо нерусским лицом — удлиненным, с широко расставленными большими карими глазами, с аккуратной щеточкой черных усиков под четко очерченными губами. При этом в его облике не было и намека на опереточную слащавость.

— Нил Баренцев,— представился Нил.

Мужчина улыбнулся еще шире.

— И к Нилу ходили, и по Баренцеву шастали... Что, амиго, квартирный вопрос замучил?

— Есть маленько, — улыбнулся Нил в ответ.

— Делаем так, — Максим рубанул воздух ладонью. — Сначала искупнемся,

потом пельмешек порубаем, потом займемся твоей проблемой. Имеется вариант. Принято? Лера?

Он посмотрел на спутницу. Та изобразила пухлыми губами поцелуй и звонко ответила:

— Принято!

Пельмени они ели вдвоем — прямо от раздаточной стойки Лера ускакала со своим подносом на другой конец столовской веранды к столику, за которым сидели потасканный бородатый мужчина в красном жилете на голое тело и невысокая темноволосая девушка.

— Куда это она? — удивился Нил.

— К семье, — спокойно ответил Назаров. — К папе и сестренке.

— Так она здесь с семейством? Я думал — с тобой.

— Курортное знакомство.

Назаров поднял стакан компота, салютуя через зал Лере. Та вновь изобразила поцелуй.

— Симпатичная, — заметил Нил.

— Так, пустышка... Вот сестричка у нее — очень ничего себе. Трогательный человечек. Но я сразу не обратил внимания, а потом уж было поздняк метаться! — Назаров усмехнулся.

— Познакомишь?

— А специально знакомиться и не надо. У той же хозяйки проживать будешь.

— А ты?

— А я там уж месяц жирую. Еще неделька — и отчаливаю в порт приписки. Коечка моя тебе по наследству перейдет. А пока на насесте покантуешься.

— Насест — это что такое? — осторожно спросил Нил.

— А это на чердаке, три жердочки между люком и кладовкой. — Заметив тень, пробежавшую по лицу Нила, Назаров тут же добавил: — Ты сразу-то не отказывайся, осмотрись сперва. Это знаешь какой дом? Особенный, и люди в нем особенные...

— Максик, если что — мы в Тихой бухте, — прощебетала, проходя мимо их столика, Лера. — Придешь?

— Попозже... Доброе утро, экселенц! — Бородатый мужчина степенно кивнул, не замедляя хода. — Доброе утро, Ирочка, — произнес Назаров совсем другим тоном.

— Доброе утро, — опустив взгляд, чуть слышно ответила темноволосая девушка и, тяжело опираясь на палку, заковыляла следом за сестрой и отцом. Внешность ее не произвела на Нила сильного впечатления.

— А почему «экселенц»? — спросил он, проводив взглядом семейное трио.

— Князь Оболенский, — с насмешливой искоркой во взгляде ответил Назаров.

— В самом деле князь?

— В самом деле Оболенский. Насчет князя очень сомневаюсь, хотя сомнения стараюсь держать при себе. Уважаемый Робеспьер Израилевич преподает научный коммунизм в алма-атинской консерватории, а потому причисляет себя и к аристократии, и к богеме. Ты еще услышишь, как он в поддатом виде читаёт стихи великого князя Константина. Лера закончила ту же консерваторию, а Ира перешла на четвертый курс. На рояле играет как богиня... Ну что, двинули?

Максим взвалил на плечо Нилов рюкзак и развалистой морской походочкой двинулся к выходу.

— Постой, я сам... — сказал Нил ему в спину.

— Ты инструмент несешь, — не оборачиваясь, ответил Назаров.

Они спустились по ступенькам и пошли в горку вдоль забора писательской резервации.

— Максим, а почему ты отпуск на море проводишь? — на ходу спросил Нил. — Не надоело?

— Море-то? Да я его только в отпуске и вижу.

— Да? А я решил, что ты моряк.

— В общем, решил вполне правильно... Штурманом ходил на траулерах. Такие, амиго, места повидал — одни названия чего стоят! Сейшелы, Мадагаскар, Нантакет, Брисбен, Кейптаун.

— А теперь-то что, романтика надоела?

— Ну уж куси-куси, Нира-сан. По своей воле я б ни за что на берег не списался. Меня, если хочешь знать, сам Рауль Кастро уволил.

— Это какой Рауль? Брат Фиделя, что ли?

— Он самый, каброн карраховый. Фидель, ведь он так, вроде знамени, а рулит там все больше Рауль... Короче, приходим мы в Гавану, а к нам на борт все портовое начальство является. Кэп принимает их чин чином, пузырь рому выкатывает — очень они там свой ром жалуют, только для местного населения он исключительно по тархетам, бутылка в месяц, и хорош. Так что они обрадовались страшно, сидят киряют. Кэп меня зовет, поддержи, дескать, Максим Назарыч, компанию... Я и выпил-то граммов семьдесят от силы, и меня по жаре не то,

чтобы развезло, а с тормозов скинуло. Схожу я, значит, на берег, а душа-то приключений ищет. Определенного свойства приключений — четыре месяца в море, из женского полу на судне — одна кошка. В общем, понимаешь... А тут навстречу мулаточка гребет. Фигурка — во, маечка красная в обтяжку, роза алая в волосах. Улыбается мне, подмигивает. Я подхожу. Что, говорит, сеньор, сеньориту хочешь? Две пачки «Шипки»... У них ведь с табаком та же история, что с ромом, и они за курево на все готовые. Две пачки «Шипки», говорю, нету, есть одна, только «Мальборо». Смотрю, у нее аж ручки затряслись. Пойдем, говорит, я такое местечко знаю... Вышли мы за ворота, идем, слева пляжик такой красивый открывается, а вокруг кустики. Симпатично. Вблизи, правда, в этих кустиках не так, чтобы очень. Обертки, окурки, стеклотара, резинки использованные. Популярный такой, видно, местный сексодром. Ну, мы мусор разгребли малость, штанишки долой и это самое... культурный обмен осуществляем. Я в раж вошел, ничего не вижу, не слышу, она, голубушка, тоже видать захорошела — глазки прикрыла, стонет, извивается... Короче, кончили оба, отвалились друг от дружки,

а над нами рыл шесть барбудос. Стоят, скалятся, «калашами» поигрывают... Подняли нас, не сказать, чтобы нежно — и на шоссе. А там джип открытый, а в нем — Рауль Кастро собственной персоной, и выражение личности ох неприветливое!.. Страна, понимаешь, тропическая, работать народ не шибко любит, и Рауль придумал свой способ производственную дисциплину укреплять. Разъезжает повсюду со своими головорезами, посматривает, и если кто из граждан на месте своем рабочем не работает, а, скажем, в тенечке прохлаждается и сервезу бухает, он без лишних разговоров достает маузер — и пол-обоймы в брюхо. Меня, надо полагать, только форма иностранная от Раулевой пули спасла... Даже на борт, сука, подняться не позволил, а прямым ходом в аэропорт, на самолет и в Москву. Без вещей, без денег, без документов. Долго я потом по одному штурманскому аусвайсу жил, пока наш «Устойчивый» в Клайпеде не пришвартовался. И больше мне в море ходу не было... Я тебе, амиго, так скажу — если когда случится в загранку попасть, ты там на баб реагировать воздержись. Если уж совсем невмоготу станет — рукоблудием займись. Оно спокойней и безопасней...

Заслушавшись рассказа Назарова, Нил даже не заметил, как они приблизились к высокому забору, над которым кудрявились густые кроны яблонь.

— Пришли, — сказал Максим у самой калитки.

Нил взялся за деревянную ручку, чуть приоткрыл — и тут же захлопнул, привалившись спиной к доскам. Поверх калитки мгновенно показалась громадная волчья морда с оскаленными зубами.

«Гав!» — оглушительно сказала морда.

Назаров бесстрашно вытянул руку и ухватил волчару за холку.

— Здорово, Джим... Эй, амиго, сдай куда-нибудь, а то фарватер перекрыл.

— Собака... — пролепетал Нил.

— Да это ж Джим. Он с тобой поздороваться вышел. Не обижай маленького.

Нил попятился от калитки, пропуская Назарова вперед.

— Ничего себе маленький! — изумленно выдохнул он.

Джим, размерами не уступавший годовалому теленку, моментально закинул передние лапы на плечи Нилу и принялся нализывать ему лицо. Нил закрыл глаза и невольно вспомнил про собаку Баскервилей.

— Джим, фу, это что такое?! — услышал Нил женский голос, чуть надтреснутый, но звучный, великолепно поставленный, с привычными ему оперными модуляциями.

Пес моментально отпустил Нила и потрусил по увитой виноградом дорожке, интенсивно виляя поросячьим хвостиком. Навстречу ему шла невысокая, сухонькая дама в ярком брючном костюме и широкой соломенной шляпе.

— Мария Александровна, я вам постояльца привел. На насест, — сказал Назаров. — Рекомендую, Нил Баренцев.

— Вашей рекомендации, Максим, я доверяю безусловно, — сказала Мария Александровна и протянула Нилу узкую ладошку. — Басаргина.

Нил наклонил голову и приложился к ладошке губами, почувствовав, что здесь этот жест будет уместен и воспринят должным образом.

— Сразу видно воспитанного юношу, — удовлетворенно заметила Мария Александровна. — Пойдемте, господа, пить чай... Скажите, Нил, а не в родстве ли вы с той Баренцевой, которая в Мариинском поет. Я ее зимой слушала — многообещающая барышня.

— Это моя мама, — сказал Нил, пряча улыбку — впервые при нем Ольгу Владимировну назвали «барышней».

— Надо же, такой взрослый сын... Впрочем, для меня все вы — молодежь... Прошу сюда.

Они уселись на старый широкий диван, накрытый бугристым стеганым одеялом. Нил почувствовал под собой что-то жесткое и чуть сдвинулся. Жесткое тут же выскользнуло из-под него, а за краем одеяла образовалась маленькая всклокоченная голова.

— Что вы тут себе позволяете? — осведомилась голова, обводя присутствующих гневным взглядом узких, монгольских глазок.

Мария Александровна всплеснула руками.

— Ой, Володя, вы такой миниатюрный, вас так легко не заметить!

— Что еще не дает право всякому хамью садиться мне на голову! — проворчал Володя и вновь скрылся под одеялом.

— Нил, вы, пожалуйста, не обижайтесь на Володю, он по утрам всегда такой, — сказала Мария Александровна, разливая душистый, приправленный вишневым листом чай. — А вообще

тихий, интеллигентный человек, прекрасный поэт...

— Я гений, а вы все — говны! — донеслось из-под одеяла.

— А я еще его нахваливаю, — сокрушенно вздохнула Мария Александровна. — Володя, в культурном обществе не говорят «говны», а исключительно «говно» или «говнюки»...

Это был удивительный дом. Попадая сюда, каждый словно становился светлее, одухотвореннее, талантливее. Стихи и песни, звучавшие на веранде, были гениальны, даже когда были посредственны, а разговоры, не смолкавшие с раннего утра до поздней ночи, отличались утонченностью, остроумием и глубиной. Этот дом притягивал всех, но не всех принимал, и многие, в том числе и обладатели громких имен, уходили оттуда вежливо, но жестоко осмеянными и изрядно поклеванными. Однако любимчикам тоже доставалось. Случалось краснеть и Нилу, угодив под острый язычок хозяйки.

По вечерам переходили в гостиную, где стоял старенький, но идеально настроенный рояль. Пела преимущественно сама Мария Александровна Басаргина, а аккомпанировала тихая, застен-

чивая Ирочка Оболенская. Впервые в жизни Нил с искренним удовольствием слушал оперные арии и классические романсы, отдавал должное мастерству обеих и без устали вглядывался в черты юной пианистки.

У Ирочки были нежные, чуткие руки, глаза, как два черных бездонных омута, и миленький шрам от неискусно прооперированной заячьей губы. Не повезло бедняжке и с ногой, поврежденной в детстве в результате падения с фуникулера. Нога срослась неправильно, и с тех пор Ирочка могла ходить, только опираясь на палку.

Играла она безукоризненно, но довольно быстро уставала, и тогда за рояль садилась сама Мария Александровна, а то и Нил или кто-нибудь еще из присутствующих, поскольку недостатка в музыкальных личностях здесь не наблюдалось. То играл ансамбль средневековой музыки, участники которого своими руками собрали старинные инструменты, то легендарный Алексей Козлов — «Козел на саксе» — представлял слушателям историю джаза в фортепьянных картинках. И только красавица Лера, несмотря на все уговоры, к инструменту не подходила.

— Ах, у меня заиграны руки! — восклицала она. — Врачи строго-настрого запретили мне даже дотрагиваться до клавиш!

Свои таланты демонстрировали и те, кто музыкальностью не отличался. Максим Назаров блистал в разговорном жанре, якутский самородок Володя Семенов читал свои стихи, Робеспьер Израилевич — поэтов Серебряного века и рассказы Зощенко. Первое, по мнению Нила, получалось у Оболенского ниже среднего, второе — очень неплохо. Особенно ему удавалась фраза: «Человек — животное довольно странное».

Нил примерял эту формулировку на себя и находил совершенно справедливой, ибо собственное его поведение давало немало поводов для удивления. Он завел нешуточный роман с Ирочкой Оболенской.

Из-за шрама, из-за своей хромоты она считала себя дурнушкой, особенно на фоне старшей сестры, и выросла нелюдимой, погруженной в себя. Первые знаки внимания она восприняла настороженно, недоверчиво, чуть не сорвавшись в не свойственную ей грубость. Но Нил был нежен, деликатен и в то же время настойчив, и вскоре она распахнула ему свою душу.

В ее обществе он вытворял все то, что сам же искренне считал смехотворным в отношениях между мужчиной и женщиной — смущался, дарил цветы, декламировал лирические стихи, какие только мог вспомнить, опускался на колено. Деликатно уводил ее, издалека заприметив компанию чань-буддистов, приросшую десятком адептов и сделавшуюся неотличимой от своры пьяных оборванцев. Из-за своей хромоты она не могла отправиться со всеми в Сердоликовую бухту — он нанял катер и прокатил ее туда и обратно. Не могла дойти до Старого Крыма — он брал такси, подвозил ее до самого дома-музея Александра Грина, бродил с ней из комнатки в комнатку, разговаривая про Ассоль, про алые паруса, про вольный город Зурбаган.

Гуляя с ним, Ирочка завороженно молчала, улыбалась, доверчиво заглядывала в глаза. А Нил бережно поддерживал ее под руку и каждую секунду ощущал, что принимает на себя обязательства неизмеримо большие, чем когда забирался в постель к очередной из питерских наложниц, чьими номерами телефонов была испещрена его записная книжка.

Он был готов принять на себя самые жесткие обязательства, ему не терпелось

их частоколом отгородить себя от самой возможности думать о Линде. Он отдавал себе отчет, что вряд ли будет счастлив с Ирочкой, — но не счастья искал тогда, а избавления, и понимал, что надо спешить. Неизвестно, надолго ли еще достанет нынешней решимости.

На восьмой день его пребывания в доме Марии Александровны после бурной отвальной отъехал в Ленинград Максим Назаров, и Нил перебрался наконец с узкого и жесткого насеста в «скворечник» — чердачную комнатушку, где помимо него обитали два Володи — маленький якут и здоровенный украинец из Запорожья, тоже поэт. Оба гения оказались к тому же истинными виртуозами храпа — с присвистом, с подстанываниями, со скрежетом зубовным, с головокружительными синкопами, кодами, додекафоническими и атональными эффектами. Определенно, старик Шёнберг от зависти ворочался в гробу; возможно, не спалось и маэстро Шнитке — но уж Нилу точно! Помаявшись с часок, он не выдержал, плюнул и, подсвечивая себе фонариком, тихо спустился в сад.

Трещали цикады, им вторили дебелые южные лягухи, наверху, на черном бар-

хатном небесном ложе, бриллиантиками искрились звезды. Нил сидел в шезлонге, медленно и глубоко дыша, грудь наливалась меланхолическим, но приятным томлением. Надо непременно, завтра же, объясниться с Ирочкой, поговорить с Робеспьером Израилевичем...

— Участь моя решена... — прошептал он начало известной пушкинской фразы, и глаза его закрылись сами собой...

По бокам, насколько хватало взгляда, тянулись красно-голубые гобелены, внизу выписывал сложные вензеля узор блистающего наборного паркета, над головой белели нежнейшие облака расписного плафона. Мимо него, извиваясь, словно ленточки на ветру, пролетали разреженные, плоские человеческие подобия в париках, камзолах с золотым галуном, красных туфлях с квадратными носами. Из высоченного тусклого зеркала в золоченой раме выпорхнула черная фигурка и, материализуясь, застыла перед ним тоненькой девушкой в черной бархатной амазонке, отороченной зеленоватым мехом. Лицо ее было одновременно лицом беглой жены, Тани Захаржевской и старшей доченьки князя Робеспьера.

— Тс-с, — прошептала девушка, прикладывая к губам тонкий пальчик. — Здесь повсюду глаза и уши... Жди меня здесь!

И втолкнула его в неизвестно откуда появившуюся дверь.

Нил огляделся. Он был в пустом помещении без окон, все грани которого были покрыты ровными, чуть зеркальными металлическими пластинами, совершенно одинаковыми, только по одной из них наискосок шла кривая надпись, сделанная губной помадой: «Я ЛЮБЛЮ ЛУЯ!».

Идеальную кубичность помещения нарушало возвышение, вроде помоста, вдоль дальней стены. Нил сделал шаг, другой, остановился озадаченно и прошептал:

— Куда это я попал?

— Угадай с трех раз, — ответил кто-то знакомый, но очень в этой обстановке нежеланный.

— Не стану я угадывать! — Нил топнул ногой.

— Ну ладно, скажу. Ты, сладкий мой, оказался в приватном королевском нужнике города-героя Версаля. Вот послушай, какое чудное хокку я сложил в честь этого заведения. Называется «Ут-

ренние размышления наставника о слиянии Инь и Ян».

Опять сижу, как ян последний.
В очке соседнем — инь.
В параше мы сольемся...

Нил прищурился и на самом краешке возвышения разглядел глумливую и синюю рожу Игоря Бергмана. Бергман подмигнул и явился в полный рост — в тельняшке, широченных галифе, похожий на Попандопуло из фильма «Свадьба в Малиновке».

— Что ты делаешь в моем сне? — спросил Нил, потирая глаза.

— А что ты делаешь в моей белой горячке?! — надрывно прохрипел Бергман, рванул тельняшку на груди, но тут же притих и, тупо качая налысо обритой головой, монотонно залепетал: — У тебя не сон, а глюк. У тебя не сон, а глюк... Если видишь в стенке люк... У тебя не сон, а глюк...

— Заткнись и чеши отсюда! — приказал Нил. — Шляешься тут с перепоя!

— У меня перепой, а у тебя недотрах! — отпечатал Бергман и с эротическим стоном растворился.

Что-то мягкое, сладко пахнущее коснулось щеки.

— Моя королева, наконец-то! — блаженно выдохнул Нил и дотронулся до нежной, прохладной руки, лежащей на его плече.

— Тс-с, — прошептала Лера, прикладывая к губам тонкий пальчик. — Тихонечко выходи за калитку и жди меня там.

Ждать пришлось недолго. Она выскользнула из сада, кутаясь в кружевную шаль, взяла его за руку и повлекла за собой к раскинувшемуся за дорогой широкому лугу. Посередине луга, она плавно, словно простыню, спустила шаль и притянула к себе остолбеневшего Нила.

— Лерочка, что?..

— Тс-с, — вновь прошептала она. — Ничего не говори. Не надо слов, глупенький.

Вместе с ней он опустился на расстеленную шаль...

— Тебе хорошо было?

Он не ответил. Лежал, заложив руки за голову, созерцая звездный купол.

— Так хорошо?

— Мне сейчас хорошо... Посткоитальная релаксация...

— Чи-иво? — плебейским привизгом выразила свое непонимание Лера.

— Простонародно интонируете, княжна,— нарочито тихо пробормотал он.

— Что-что? — переспросила она, уже сравнительно комильфо.

— Расслабуха, родная. Как-никак пару вагончиков мы разгрузили... Слушай, у тебя сигаретки нет?

Лера принялась сердито шарить вокруг себя, метнула ему на грудь мятую пачку «Золотого пляжа».

— Ох, это не Рио-де-Жанейро! — вздохнул он, затягиваясь сырым, припахивающим плесенью дымком.

— Нил?.. — спустя минуту-другую спросила она.

— Да, любимая?

— Нил, пообещай мне одну вещь...

— Для вас, сударыня, все, что угодно — в пределах разумного, конечно.

— Ты не мог бы завтра увезти ее куда-нибудь на весь день?

— Кого?

— Ну Ирку... Понимаешь, завтра мой Ашотик приезжает. Нельзя, чтобы она нас вместе видела. С папашей-то я как-нибудь разберусь, а вот Ирка... Она такая правильная, такая зануда. И стукачка. Маме наябедничает, Вадику...

— М-да, нескучно живете, гражданка Оболенская, — задумчиво проговорил

он. — Вчера Назаров, сегодня я, завтра Ашотик.

— С Максом у меня ничего не было! — заявила Лера. — А Ашотик — это серьезно.

— А Вадик? — ехидно осведомился Нил.

Насчет самого себя он решил не спрашивать. И так все более-менее ясно.

— Вадик — мой алма-атинский жених. Его это все совершенно не касается... Ну сделай, ну что тебе стоит...

— Ладно... Прокатимся, пожалуй, в Феодосию.

Он замолчал, вслушиваясь в южную ночь.

— Нил?..

— А? — Он встрепенулся: как-то умудрился начисто забыть, что он здесь не один.

— Нил, а ты меня потом с мамой своей познакомишь?

— Да? — Ее наивная нахрапистость была даже забавна. — Думаешь, надо?

— Надо.

— Зачем?

— Ну... словом, я в аспирантуру хочу поступать. А в нашей консерватории с такой специальностью сложно...

— Какой специальностью? — безжалостно осведомился он. — Играть ты не можешь, петь вроде не поешь. Не иначе, дирижировать собралась? Тогда тебе в Москву надо, к профессору Веронике Дударовой.

— Да не дирижировать! Я теорией заниматься хочу.

— В таком случае на что тебе моя матушка сдалась? Она, видишь ли, отнюдь не теоретик.

— Но знакомства, связи...

— Послушай меня, лапушка. Ты об одной вещи просила, а получается две.

— Я отработаю. Честное слово...

Нил ухмыльнулся, прикинул свои желания и возможности на данный момент и, потянувшись, сказал:

— Вот прямо сейчас и отработаешь...

«Прогулка морем, — думал Нил, стоя на палубе, — это очень сильно в ощущениях, но банально в описании. Синее море, белый пароход, высветленные солнцем горы, две разбегающиеся пенные дорожки за кормой... Какой восторг — и какое убожество в мыслях и словах. Вот рядом со мной некое создание, априорно милое, трогательное и целомудренное, хотя об этом создании я знаю лишь то,

что вот сейчас должен буду привлечь ее к себе, поцеловать ее шрам, ее облупившийся красный носик, ее сухие губы, соленые от морских брызг, — и тут же с тоской подумать, что все мосты сожжены...»

Он повернулся к Ирочке, притянул к себе, губами приник к шраму под облупившимся красным носиком, к сухим губам, соленым от морских брызг. Она крепко зажмурила глаза...

На многочисленных кораблях пестрели флаги, на набережной играли военные оркестры и фланировали матросики, щеголяя белоснежными гимнастерками. Феодосия отмечала День Военно-Морского флота.

В праздничной толчее они были инородны. Ежесекундно их обгоняли, поджимали, подталкивали, громкими голосами глушили адресованные друг другу бессвязные лирические реплики. Ее личико под нелепой желтой панамой становилось все бледнее, шаг — медленнее, все заметнее проявлялась хромота, все тяжелее опиралась она на палку, на руку Нила. Наконец она подняла на него страдальческие глаза и тихо простонала:

— Не могу больше...

Он подхватил ее на руки и, распихивая толпу, вынес с набережной в тихий

переулок, опустил на лавочку под густым кипарисом.

— Я сейчас! — отрывисто сказал он и устремился обратно на набережную. — Только куплю тебе мороженого. Жди меня...

Тележек с мороженым было много, но желающих полакомиться им было несравненно больше. Нил метался от одной очереди к другой, выбирая, какая будет поменьше, наконец выбрал и действительно не простоял в ней и минуты — товар кончился. «На фиг этот график!» — пробормотал Нил, нагло протиснулся в самую головку соседней очереди и пристроился к пацану лет двенадцати, сжимавшему в потной ручонке единственную монетку.

— Здорово! — громко, на публику, сказал он и шепотом добавил, всовывая в ладошку рубль: — Слышь, старик, возьми мне два стаканчика.

Мальчонка открыл рот, и за долю секунды до того, как оттуда выплеснулась порция колоритной южной брани, Нил внес существенное дополнение:

— Сдача твоя!

Малец поспешно сглотнул ругательство и важно кивнул стриженой головой. Этот диалог произошел до того стре-

мительно, что в очереди никто не успел возмутиться.

От тележки Нил отошел с двумя кривоватыми вафельными стаканчиками и острым желанием хоть несколько секунд передохнуть в тенечке. Вынырнув из самой толчеи, он плюхнулся на какую-то ступеньку, козырьком защищенную от солнечного света, и слизнул выступившую каплю сладкой жижицы с дырявого донца одного из стаканчиков. И тут же в глазах потемнело — и не только потому, что их прикрыли чьи-то ладони, потому что еще до слов: «Сударь, не угостите ли даму мороженым?» — он понял все. Медленно повернул голову и, словно кролик перед удавом, застыл перед Линдой.

V
(Ленинград, 1982)

Эхо потрясения, испытанного в тот момент, мгновенно выкинуло Нила из реальности воспоминания и перебросило на двадцать один месяц вперед, в реальность непосредственных ощущений.

— Костя, не мнись на балконе! — крикнул он. — Заходи давай, я не сплю, так валяюсь.

В комнату с извиняющейся улыбкой вошел Асуров.

— Ты не позвонил, — сказал он. — Я начал беспокоиться. И вот... Ты позволишь?

Следователь показал глазами на стул. Нил кивнул. Асуров уселся, раскрыл портфель, достал оттуда пеструю цилиндрическую жестянку.

— «Нескафе», — прокомментировал Нил. — Однако!

— В управлении наборы давали, — пояснил Асуров. — Водички поставь.

Когда Нил, водрузив на плитку полный до краев ковшик, снова повернулся к столу, рядом с кофе появилось еще несколько разноцветных банок — красная с камчатским лососем, зеленая с молодым венгерским горошком и розовая с бельгийской ветчиной. Тут же красовалась длинная бесцветная бутыль причудливой формы, заполненная бесцветной же жидкостью. Нил пригляделся к фигурной этикетке.

— «Fassbind. Eau de vie. Kirsch. Made in France», — прочел он. — Знатное у вас управление. Пристроил бы по знакомству, я на машинке неплохо стучу.

Асуров лукаво улыбнулся.

— Подумаем... — Он взял в руки бутылку. — Ну что, сразу по чуть-чуть или сначала перекусим?

— Через полчаса мы стояли на палубе теплохода «Иван Тургенев», взявшего курс на Сухуми.

— И не единой мысли об Ирочке?

— Так, вскользь подумалось, что она вроде собиралась пройтись по магазинам и, стало быть, деньги на обратную дорогу у нее найдутся.

— Ты не мог бы припомнить точную дату, когда это произошло? Я как-то запамятовал, когда у нас День Военно-Морского флота. — Впервые за все время их общения Асуров достал ручку и раскрыл блокнот...

— Выгрузившись на следующее утро в Сухуми, мы первым делом отправились на рынок, прошлись по обильным промтоварным рядам и накупили всякое необходимое мне барахлишко — ведь я оказался здесь, не имея даже зубной щетки и запасных трусов. Попутно набрали белого и черного инжира, винограда, грецких орехов. Тащиться с двумя новенькими, до отказа набитыми сумками пришлось недолго — у самого базара Линда за червонец сторговала местного

частника на «Жигулях», и мы с ветерком помчались, сначала по центральной улице Кирова, потом по щербатому узкому шоссе. Минут через сорок остановились возле высоких, настежь распахнутых чугунных ворот. Это оказался спорткомплекс «Эшера», одна из наших олимпийских баз. Директор принял нас как старых знакомых, угостил сухим вином и распорядился предоставить комнату в главном корпусе. К счастью, паспорт был при мне, и с оформлением проблем не возникло. Мы сразу побежали купаться, а после обеда созерцали уникальное зрелище — футбольный матч двух сборных СССР, мужской по конному спорту и женской по баскетболу.

— И кто победил?

— Не помню. Кажется, тетки... Мы ходили в горы, ездили в обезьяний питомник, в ботанический сад, обедали и ужинали в великолепном горном ресторанчике, директор которого, вконец огрузинившийся поляк, лично жарил для нас неподражаемые шашлыки, а конники пару раз дали нам прокатиться на призовых лошадях.

— Но сладкая жизнь длилась недолго?

— Я потерял счет времени. Дни текли в каком-то розовом, сладком тумане.

Потом я нередко упрекал себя за то, что не вобрал в себя тогда все подробности, все яркие детальки этих неповторимых дней. Но что поделать — в фокусе всех моих чувств была Линда, только она одна... Объективно же все длилось ровно неделю. Седьмой день был для меня отравлен с самого начала — Линда вручила мне билет на завтрашний вечерний поезд до Ленинграда и заявила, что сама должна вылететь завтра утром. Она предложила устроить двойную отвальную в узком кругу. Сначала я подумал, что речь идет только о нас двоих, но оказалось, что она пригласила директора и местного типа с русским именем Дима. Этот Дима частенько отирался возле нас, плотоядно поглядывал на Линду. В первые дни меня так и подмывало заехать ему по физиономии, но Линда вовремя объяснила мне, что этот Дима работает в милиции, и Гиви — так звали директора спорткомплекса — специально попросил его в свободное от работы время приглядывать за нами и отваживать от Линды не в меру темпераментных южных кавалеров. Потом мы с этим Димой выпили немало молодого вина. Как-то раз, улучив момент, когда Линды не было рядом, он наклонился ко мне

и доверительно сказал: «Отличный женщина Линда. Я, Нил, твой паспорт видел, знаю, что ты женат. Хочешь совет — разведись с этой Баренцева О. В. и женись на Линде».

— Выходит, они тоже называли ее Линдой?

— С моей подачи. Все думали, что это такое уменьшительное от «Алина», и нашей конспирации это обстоятельство не вредило.

— На этой отвальной вас было четверо?

— Да.

— Вы поехали в ресторан?

— Нет, все устроили у нас в номере, в складчину. Директор выкатил полящика «Букета Абхазии», Дима принес хачапури и фрукты, а Линда достала из шкафчика бутылочку особенной чачи, которую мы купили в армянской деревне и приберегли как раз на подобный случай.

— В чем заключалась особенность этой чачи?

— В этой деревне гнали два сорта, крепкую и слабую, причем и в той, и в другой по шестьдесят градусов.

— Тогда почему одна крепкая, а другая слабая?

— Разное воздействие. Слабая ударяет в ноги, а крепкая — сразу в голову. Даже после литра слабой чачи можно сидеть и разглагольствовать о прекрасном, а от стакана крепкой падаешь под лавку и дрыхнешь до утра.

— Ровно это с вами и случилось?

— Да. Мы очухались, когда уже рассвело. Первой пришла в себя Линда, растолкала всех, и мы поехали в аэропорт. Чуть не опоздали.

— Ночь с третьего на четвертое августа... — пробормотал Асуров. — Сходится...

— Что сходится? — моментально насторожившись, спросил Нил.

— Это я так, не обращай внимания... Значит, ты посадил ее в самолет, и больше вы не встречались?

— Не совсем так.

— А как? Ну же, говори, не тушуйся.

— Перед отъездом она попросила меня взять с собой в Ленинград небольшую сумку, сказала, что потом заберет ее.

— Что было в этой сумке? Неужели не полюбопытствовал?

— Честно говоря, полюбопытствовал. Но ничего не узнал.

— Как так?

— Внутри был маленький чемоданчик, зашитый в плотную мешковину. Вспары-

вать ее я не решился. А если совсем честно — подумал, что лучше будет дотерпеть до дому.

— Но дома ты так и не открыл его?

— Потому что до дому чемоданчик не доехал. Линда встретила меня на перроне в Харькове, крепко поцеловала меня, забрала свою сумку, а мне вручила коробку конфет.

— Конфет?

— Да, «Золотая нива». Она попросила меня не открывать ее в поезде. Но в этом случае моего терпения не хватило. Как только поезд тронулся, я уединился в туалете и открыл коробку.

— И что там было?

— Четыре пачки четвертных, завернутых в яркие подарочные бумажки. Внутри все оборвалось. Я понял, что это — прощальный подарок, что теперь я окончательно остался один... Десять тысяч. На такие деньги я мог бы купить машину, дачу или кооперативную квартиру, пить без просыпа или напропалую гулять с девками.

— Но ты этого не сделал. А что сделал?

— Ничего. Они так и лежат в той коробке. Если нужно сдать, я готов.

— Не спеши. — Следователь встал и принялся мерить шагами комнату. —

К тому делу, которое веду я, эти деньги никакого касательства не имеют. Так что распоряжайся ими, как считаешь нужным. Как минимум, закати красивые похороны. Она бы оценила...

— Уже можно?

— Да. Эксперты закончили. Завтра утром родственники Васютинского забирают тело.

— Но... Я тоже хотел бы завтра, только успею ли все организовать...

— Давай на послезавтра, без лишней спешки. С организацией мы поможем... Кстати, к вечеру жди гостей. Я дал телеграмму ее родителям.

Нил поморщился, но тут же понимающе кивнул. Так надо.

— Что показала экспертиза? — жестко спросил он. — Что вообще произошло? Почти неделя прошла, а я ничегошеньки не знаю...

Асуров вздохнул.

— Это долгая, запутанная история. И в ней много такого... Ну, о чем посторонним знать не следует...

— Так я уже посторонний?! Спасибо!

— Не кипятись. Клянусь, что в самом скором времени ты будешь знать все, во всех подробностях. Но сейчас... Пойми меня правильно: прощание с очень доро-

гим человеком, похороны, поминки — тебе и так предстоит выдержать серьезный стресс. Так что для твоего же блага лучше немного повременить, мы не имеем права идти на риск... Пока скажу тебе одно — смерть была легкой, легчайшей из всех возможных, даже приятной, если такое слово здесь уместно. Блаженное беспамятство и неощутимый конец...

Нил прикрыл глаза. В мозгу отчетливо прозвучали давние слова Линды: «Глотнет старичок — и отчалит под ласковым кайфом, тихий и счастливый...»

— Наркотик с ядом, — произнес Нил вслух и по мгновенно ощетинившемуся взгляду следователя понял, что попал в точку.

— Откуда тебе известно?

— Логика. Перебрал в уме все варианты и остановился на единственном, не противоречащим твоим словам.

— Ах вот как... Да, ты прав. Растворенная в виски смесь сильнодействующего опиата с не менее сильнодействующим ядом, причем таким, который в считанные секунды полностью усваивается организмом. Отсюда такая долгая экспертиза... — Асуров смолк, плеснул в оба стакана пахучей вишневой водки. — Земля ей пухом!

Нил взял стакан, выпил, не разбирая вкуса, и что-то пробормотал.

— Ты что-то сказал?

— Жаль, что это не то самое виски.

— Не надо. На тот свет всегда успеем. Ты лучше расскажи, что было дальше, после твоего возвращения...

VI
(Ленинград, 1980)

Хлебом, пролежавшим в хлебнице с самого его отъезда, можно было забивать гвозди. Из еды нашлась только пачка грузинского чая, расфасованного на фабрике города Самтредиа. Засыпая чай в предварительно обданный кипятком заварной чайник, Нил подумал, что, наверное, фабрика заключила, как это нынче модно, договор о трудовом содружестве с ближайшим мебельным комбинатом. В результате мебельщики перешли на безотходное производство, а чайники (в нескольких смыслах этого слова! — тут же присовокупил он) утроили выпуск продукции.

Нил залил кипятку в сахарницу, помешал немного, чтобы растворились сахарные окаменелости на дне, перелил

потемневшую воду в чашку, добавил чая, отдающего веником и свежей стружкой, хлебнул, поставил на место и со вздохом открыл балконную дверь. Придется все-таки пообщаться с Яблонскими, хотя сама мысль об этом вызывала дрожь отвращения: слишком уж взбаламутило душу вчерашнее расставание с Линдой, судя по всему — окончательное. Предстояло начинать жизнь заново, и подготовиться к этому хотелось в спокойном, уединенном размышлении.

Нил вышел на балкон и распахнул дверь на соседскую кухню. Там было темно и нехарактерно тихо. Из коридора не доносилось ни звука. Спать легли, что ли? Так ведь еще рано. В гости пошли? Ну не всем же скопом. Наверное, кто-то пошел в гости, кто-то спит, кто-то еще что-то... Такой вариант Нила не устраивал, он ведь пришел одолжить какой-нибудь еды, а без ведома хозяев шарить по кастрюлям и холодильникам он был как-то не приучен...

— Да ладно, что я ей, торговать, что ли, пойду? Надо жрать, пока не испортилась, — донесся вдруг из коридора знакомый Гошин басок.

Нил вздохнул с облегчением и смело шагнул на кухню. Ноги его, обутые в войлочные тапочки, заскользили по мок-

рому кафельному полу. Он дико взмахнул руками в поисках равновесия, на мгновение обрел его, но нога не удержалась, отъехала в бок, и Нил рухнул, приложившись обо что-то лбом...

Очнулся он, спиной почувствовав, что лежит на знакомом продавленном диване в большой комнате Яблонских — одновременно гостиной, столовой и спальне Оскара и Оксаны. Только после этого открыл глаза, и первое, что увидел, — молодое женское лицо, озабоченно склоненное над ним. Лицо совершенно незнакомое, но вполне симпатичное — прямой носик, пухлые щеки, большие серые глаза, темная челка. Нил ободряюще улыбнулся и подмигнул.

— Ну вот, — хрипловато произнесла женщина, — нормальная кобелиная реакция. А ты говоришь — сотрясение, сотрясение... А ну-ка, — обратилась она к Нилу, — следи глазами за моим пальцем. Куда он — туда и ты.

Она принялась водить пальцем в разные стороны, и Нил послушно вел за ним взгляд.

— Зрение не нарушено, зрачки... Ой!

— Это не от сотрясения, это от рождения, — быстрым шепотом сказал Нил и поднес палец к губам.

Она ответила быстрым кивком и спросила прежним деловым тоном:

— Голова болит?

— Вот тут. — Нил виновато дотронулся до полотенца, прикрывавшего лоб.

— Только тут? — Он кивнул. — Легко отделался. Фингал, конечно, будет, но рассосется быстро.

— Сколько я вот так лежу?

— Минуты две. Можешь уже подниматься.

— Хопа, может, все-таки врача?.. — услышал он Гошин голос.

— Да все с ним нормально, это я как бывшая медсестра говорю.

Нил поднял голову, огляделся и тут же усомнился в том, что он действительно у Яблонских. Комната была вроде и та, но намного больше и пустее. Исчезла громадная румынская стенка с откидными кроватями, которой так гордился Оскар, приплативший за нее всего двести рублей сверх госцены. Исчез пузатый комод с мраморной крышкой. Исчезли два кресла с львиными мордами на подлокотниках. От медной люстры остался крюк и торчащие провода. В простенке между окнами вместо весеннего пейзажа в золоченой рамке — светлый прямоугольник обоев. Из всей обстановки со-

хранились диван, на котором он лежал, треснутое бра, большой холодильник у дверей, стол, прикрытый газетой, и два венских стула, на одном из которых сидит Гоша в красном махровом халате, распахнутом на волосатом пузе, а на другом — незнакомый парень в точно таком же халате.

— Гоша! — позвал он.

— О-о, кого я слышу! — радостно пробасил Гоша. — Ну, брат, задал ты шороху!

— Что со мной было-то?

— Пол не просох, вот ты и опнулся. Мы, видишь ли, пол помыли.

— Мы пахали! — фыркнула бывшая медсестра, отошедшая к окошку покурить.

— Ну, в общем, я Хопу попросил полы помыть.

— Зачем?

— Примета такая. Считается, что когда кто-нибудь из семьи уезжает, нельзя трогать пол, пока он в дороге. Иначе домой не вернется. А я наоборот — именно, чтобы, не дай Бог, не вернулись. Никогда.

— Кто?

— Да все. Все святое семейство.

— А почему чтобы не вернулись?

— А ты знаешь, что с возвращенцами делают? С «дважды евреями Советского Союза»?

— С кем? — переспросил Нил.

— Ну, которые иногда в телеке мелькают с покаянными речами и леденящими душу рассказами о нечеловеческих ужасах в земле обетованной. От таких отрекается международная еврейская общественность, Конгрессу США на них тоже накласть, и поэтому КГБ, не боясь международных осложнений, отправляет их в секретные лагеря, где над ними ставят бесчеловечные эксперименты...

— Погоди, погоди... — Нил тряхнул головой, от резкого движения в голове загудело и противно запульсировало ушибленное место на лбу. — Ничего не понимаю. Где все твои?

— Где-где — в Караганде!

— Зачем в Караганде? — Нил окончательно запутался.

— В Израиль они улетели, по вызову, — резко сменил тон Гоша. — Вчера проводили. Через Вену не вышло, пришлось через Рим...

У Нила слегка защемило в груди. К Яблонским он особой приязни не испытывал. Так, чужие и, в общем-то, чуждые люди, эпизодические персонажи ха-

рактерно-комического плана в спектакле его жизни... Если бы они просто сменили место жительства, перебрались, к примеру, в ту же Караганду или в дом напротив, он бы на другой же день про них и думать забыл... Но отъезд всей семьей *туда* — это... это окончательно, это навсегда, для него это равносильно тому, как если бы, пока он был на юге, соседи покушали ботулиновых грибочков или рыбы и дружно отправились на тот свет. В сущности, *там* — это ведь и есть тот свет, и никто оттуда не возвращается... Хотя нет, есть же такие, как их Гоша назвал?.. Нил в россказни о нечеловеческих репрессиях верил слабо, тем не менее лично ни одного возвращенца не встречал и вполне мог допустить, что, в любом случае, в нормальную нашу обыденность они не возвращаются...

— И бабушка? — с дрожью в голосе спросил Нил.

— И бабушка. Все. Меня только оставили, хвосты зачищать, через месяц ждут... Ладно, ты лучше про себя расскажи. Из отпуска на побывку или с концами?

— С концами, наверное... Пока не знаю.

— Неплохо подгадал, — заявил Гоша. — У нас тут как раз небольшое суаре

с икрой и шампанским. Вставай и присоединяйся.

Нил без больших усилий поднялся с дивана, подошел к столу, поглядел, присвистнул.

— Однако вы того... жируете, братья семиты.

Весь стол был заставлен зелеными баночками с красной икрой — закрытыми, открытыми, полными, початыми и пустыми. Нил насчитало их не менее полутора десятков. И пять бутылок шампанского.

— Жируем, — согласился Гоша. — Только из братьев-семитов здесь один я. Остальные гои. Хопочка у нас уральских кровей, а наш новый сосед Кир Бельмесов — вообще не разбери-пойми. Наполовину финн, наполовину калмык. Адская смесь.

В подтверждение Гошиных слов новый сосед приветственно оскалил острые зубы.

— Он теперь в башне живет, — продолжил Гоша.

— А как же Маруся?

— Съехала Маруся. На какой-то военный завод перешла в той же должности. Зарплата, говорит, вдвое больше, общежитие новое, со всеми удобствами.

— Ясно.

Нилу стало жалко, что Маруся съехала. Идеальная была соседка, смирная, незаметная, присутствием своим не докучала. Каков еще этот будет?..

— Нил Баренцев, — представился он и протянул руку.

Кир Бельмесов оскалился еще шире, взял протянутую руку, долго рассматривал ее, качая головой и не выпуская.

— Ты не удивляйся, — сказал Гоша. — Бельмесов человек особенный, потомок шаманов и колдунов.

Бельмесов с важным видом кивнул.

— Он что, немой? — недоуменно спросил Нил.

— Нет, не немой, просто молчальник. Он убежден, что слово обладает магической силой, и посвященный в тайны не имеет права тратить ее впустую.

Бельмесов вновь кивнул. Нил вгляделся в его лицо. Необычное лицо, сильно напоминает кого-то. Если убрать со лба мелкие белые кудряшки, то получится... Получится древнегреческий философ Сократ, вот кто получится! Лицо мудреца, сатира и дегенерата одновременно...

— Ладно, ты давай ешь, пей, — распорядился Гоша. — Бельмесов, уступи человеку место.

Нил попробовал было возразить, но Бельмесов жестом показал, что все нормально, и, прихватив икру, проворно пересел на диван. Гоша пододвинул к Нилу нетронутую банку икры и чайную ложку, до краев налил шампанского в пол-литровую чайную кружку с отбитой ручкой.

— С хлебом напряг, — предупредил он. — Мацу будешь?

Нил кивнул, и Гоша с оглушительным хрустом отломил изрядный кусок от большого пласта.

— А вы как же? — спросил Нил, показывая на шампанское. — Мне в одиночку пить?

— У нас уж часа четыре как вольный стол, — сказал Гоша. — Кто когда хочет, тот и наливает. Хопа, Бельмесов, вам как? — Оба дружно покачали головами. — А я, пожалуй, за компанию... — Он налил себе в пустую майонезную банку. — Ну, будем...

Они чокнулись. Нил пригубил шампанского и неожиданно для самого себя сказал:

— Ох, Гоша, Гоша... Знаешь, а мне ведь будет не хватать твоей нахальной жидовской морды.

Гоша рассмеялся.

— Меня оплакать не спеши, ты погоди немного...

— И что сие должно обозначать?

— Да так, есть мыслишка... Знаешь, я не сильно рвусь снова сажать себе на шею весь кагал, снова спать на раскладушке за ширмочкой, разговаривать шепотом, ходить на цирлах, вечно выслушивать упреки и наставления. Мне через год тридцатник стукнет, башка и руки откуда надо растут, зарабатываю — дай Бог в праздник, а что имею?.. А ты знаешь, что я свой кожаный пиджак год держал на работе в шкафчике, чтобы семейство не начало на плешь капать, зачем, мол, на себя бабки тратишь, в семью не несешь? Мне это надо?

— Не сильно. Так ты, что же, остаешься?

— Я этого не говорил, заметь.

— Почему?

— Потому что как только я открыто заявляю, что желаю и далее строить коммунизм, а родину предков глубоко имел в виду, ко мне на следующий же день явится пьяный гегемон со смотровым ордером и оттяпает три комнатушки из четырех. Следом припрется мрачная тетка с телефонного узла, заявит, что для индивидуального телефона моих личных

заслуг перед отечеством маловато будет, и обрежет провода. Ну и так далее... Пока что от всех этих бяк я на полгода застрахован бумажкой из ОВИРа, выданной взамен паспорта. Вроде волчьего билета. С таким никто не работу не примет, прописки не даст. Ну и что? Я халтурками в три раза больше зашибу, а жилье за мной сохраняется до даты фактического отъезда, причем вместо двадцати рублей я теперь плачу за него один рубль семнадцать коп. Зато никто не прихватит за тунеядство, не нарисует статью за нетрудовые доходы, даже в вытрезвитель могу залетать без последствий, потому что штраф теперь с меня хрен получишь. Так что если не зарываться, не лезть в откровенную уголовщину, можно жить, как у вашего Христа за пазухой. Давай-ка жахнем по этому поводу. Чтоб все так жили!

— Уж я бы точно не отказалась от такой справочки, — вставила Хопа. — Мне бы она вот как пригодилась!

— Так выходи за меня — и будет тебе справочка.

— А возьмешь?

Гоша чмокнул губами.

— Такого помпончика да не взять? Советский народ мне этого не простит!

— Нет, я в смысле — в Нью-Йорк возьмешь?

— В Нью-Йорк не гарантирую. Вот в Тель-Авив — пожалуйста.

— И что я не видала в твоем Тель-Авиве? Болтов обрезанных? Нет уж, мне в Америку надо. На крайняк — в Европу...

Гоша осушил свою банку и, подцепив куском мацы изрядную порцию икры, отправил в рот и смачно захрустел. Нил последовал его примеру. Подошла Хопа, молча взяла бутылку и приложилась к горлышку.

— Теплое, — заметила она.

— Так возьми холодненького, — предложил Гоша.

Хопа, изящно покачивая бедрами, подошла к холодильнику, открыла. Нил посмотрел в ту сторону и буквально офигел: все полки холодильника были плотно забиты шампанским и баночками с икрой. На беглый взгляд таких баночек было не меньше полусотни.

— Откуда у тебя такое богатство?

— Что? Ах, это, — Гоша досадливо махнул рукой. — Да Оська, комик на букву «хер», на все башли, что за мебель подняли, накупил шампанского два ящика, икры просроченной у спекулей оптом взял и шкатулками палехскими отова-

рился. Естественно, на таможне тормознули. Шкатулки конфисковали как культурное достояние, а икру мне разрешили забрать.

— Добрые...

— Да нет, все проще. Весь несъедобный конфискат они потом через комиссионные реализуют, а продукты списывают по акту и уничтожают — сжигают или прессом давят.

— Я бы на их месте по-другому уничтожал, — заметил Нил. — Ням-ням.

— Они бы на своем месте тоже ням-ням с великим удовольствием. Но не положено.

— На всякое «не положено» с прибором положено, — заявила Хопа, вернувшаяся с новой бутылкой.

— Так то среди людей, — сказал Гоша, — а совки функционируют по системе взаимного стука. Один такой ням-ням — и вылетишь с хлебного местечка ко всем чертям.

— Ням-ням — к чертям! — продекламировала Хопа, вскарабкалась Гоше на коленки и обхватила его могучую шею. — Музыки хочу, песен!

— Песни — это по его части. — Гоша кивнул в сторону Нила. — Сгонял бы за гитарой, а?

— Ну, если публика не против...

Нил допил шампанское, встал и отравился через кухню и балкон к себе. В его комнате было тихо, темно и грустно. На ощупь добравшись до выключателя, он зажег свет, взял возле шкафа футляр с гитарой. Уже на балконе он услышал сзади тихую трель телефона, махнул рукой — отстаньте, я сегодня выходной! — и двинулся дальше.

В комнате, пока он ходил, появился допотопный катушечный «Юпитер», из него, перекрывая шипение нежно голосил греческий араб Демис Руссос:

Goodbye, my love, goodbye...*

Хопа кружилась, прижимая к себе Бельмесова, на них благосклонно взирал Гоша, держа в руке банку, наполненную шампанским. Нил присел рядом, расчехлил гитару.

— Тихо, граждане, вырубайте ваше сиртаки, — скомандовал Гоша. — Маэстро за инструментом.

— Да брось ты, пусть танцуют... — начал Нил, но Хопа уже выключила магнитофон, вновь запрыгнула Гоше на колени и с ожиданием уставилась на Нила.

---

* Прощай, моя любовь... *(англ.)*

— Что бы такое, под настроение? — спросил Нил у Гоши.

— Давай Высоцкого, ковбойскую.

— Не уверен, что это Высоцкого. Может быть, народная.

— Все равно давай!

— Я не все слова помню.

— Напомним.

Нил издал на средних струнах несколько стонущих блюзовых ноток, а потом затренькал, подражая банджо.

Кобыле попала вожжа за вожжу,
Я еду на ранчо, овечек везу...
А эту строку забыл начисто я,
Не помню, не помню, совсем ничего...

Все рассмеялись, Гоша вставил недостающие слова, Нил подхватил, вновь сбился в конце следующего куплета, коечто вспомнила Хопа, и так, общими усилиями, допели про ковбойские страдания и мечты о «большой Раше», где жизнь удивительна и хороша, до самого оптимистического финала:

Летс синг эврибоди за новую жизнь!
Не надо, ребята, о песне тужить...

Потом еще что-то пели, опять пили шампанское, а когда оно надоело, Хопа с Бельмесовым отправились на кухню

ставить чайник, а Гоша закурил свой вонючий «Партагас», с наслаждением потянулся и сказал:

— Теперь я начинаю понимать, как ощущает себя вольный человек. Знал бы ты, Нил Романович, как я тебе завидовал все эти годы!

— Мне? Ты всерьез считаешь меня вольным человеком?

— Ха, не смешите меня жить, как говорила жена Моти Добкиса! Если уж ты не вольный, то тогда кто?

— Я, Гоша, раб патологической зависимости.

Гоша пустил дым в потолок, внимательно посмотрел на Нила и произнес задумчиво:

— А ты переменился. Что-то с тобой произошло на югах.

— С чего ты взял?

— Раньше ты после третьего стакана просил «Битлз» поставить, а теперь начинаешь грузить на тему собственного алкоголизма. Смена алгоритма — это серьезно.

— Я не про алкоголь... У моей зависимости другое имя.

— Угу, и даже научное, я намедни в одной умной книжке вычитал. Промискуитет называется. Только разве ж это рабство? Это как раз свобода. Сошлись,

потрахались, разошлись. Без претензий, без иллюзий, без обид. Красиво это у тебя получается.

— Иди ты!.. — Нил очень конкретно указал рекомендуемый пункт назначения. — Мне что, все это очень нужно?! Все эти сучки похотливые?! — Он сгреб со стола початую бутылку шампанского, глотнул из горлышка, фыркнул и заметил обреченно: — Выдохлось...

Гоша вздохнул и очень тихо спросил:

— Все ждешь? Все надеешься?

— На что надеюсь? Я ведь встретил ее там, был с ней, она простилась со мной навсегда. Это было вчера — а сегодня я уже снова жду...

— Бедняжка! — Гоша явно собирался покрутить пальцем у виска, но передумал и почесал ухо.

— На избавление я надеюсь, вот на что! — Нил вскочил, размахивая руками. — Надеюсь на то, что если она снова попадется на моем пути, у меня хватит сил... Хватит сил убить! Ее или себя — все равно!.. Но только, знаешь, на самом деле никого я, конечно, не убью. Все будет еще хуже.

— Еще хуже? — Гоша оставался спокоен, но было видно, что это дается ему с огромным трудом.

— Представь себе. Я опущусь перед ней на колени и поцелую край платья, а она улыбнется и тихо скажет: «Вставай, ты запачкаешь костюм». И снова все по тем же кругам. И снова, и снова, пока...

— Пока что?

— Пока кто-то из нас двоих не сдохнет! А я пока еще помирать не хочу! Так что пускай...

— Стой! — визгливо выкрикнули за спиной, и чужая рука грубо заткнула Нилу рот.

Нил стремительно развернулся и выкинул вперед кулак. И тут же сзади на него навалился Гоша. Нил еле устоял на ногах и беспомощно барахтался в железных лапах соседа.

— Пусти, гад!

— Не дергайся, а то «скорую психиатрическую» вызовем. В моем доме на людей с кулаками не бросаются.

— А он? Он что себе позволяет? Грязной лапой в рот!

Кир Бельмесов стоял, привалившись к стене, и пальцами вытирал кровь с разбитой губы.

— Бельмесов, в чем дело? — спросил Гоша.

— Вот именно, в чем дело?! — Нил сорвался на крик.

— Ты смертное слово сказать хотел. Нельзя, нельзя. Подумал так — уже плохо, надо сразу обратно подумать. Сказал так — совсем плохо, обратно не скажешь. Силу выпустил, обратно не загонишь. А в тебе сила...

Нилу стало жутко. Он высвободился из Гошиных объятий, повернулся к нему и нарочито нагло спросил:

— Слушай, что за ахинею он несет, этот потомок шаманов?

— Не знаю, не знаю,— задумчиво протянул Гоша.— Может, и не ахинею вовсе...

— Да ну вас на фиг обоих! — обозлился Нил. — Вы как хотите, а я устал, спать пойду.

— Икры прихвати, — предложил Гоша. — И шампани. А то позавтракать нечем будет.

Нил, надувшись, смахнул со стола банку икры, сунул под мышку зеленую, тяжелую бутылку и двинул восвояси. После такого надрыва и неприятных, больно задевших что-то внутри слов молчальника Бельмесова, продолжать общение, тем более увеселение, было невмоготу.

У себя он, не включая свет, разделся, бухнулся на диван и повернулся лицом к стене. Сон не шел, вместо этого наплывала всякая муть, и голова болела —

причем не только набухшая шишка на лбу, а вся, особенно виски...

Он долго ворочался и заснул только под утро.

Своего телефона у Нила не имелось, но несколько лет назад Гоша сделал в его комнату отвод от аппарата Яблонских и прикрепил на стенке монументальную допотопную хреновину с тяжеленной эбонитовой трубкой и громадным металлическим звонком с молоточками. Эти оглушительные молоточки и разбудили Нила.

— Фак! — сказал Нил и перевернулся на другой бок.

Телефон послушно замолчал, но секунд через пять раздался мощный стук в стену, общую с кухней, и тут же телефон зазвонил вновь. Стало быть, звонили ему. Нил с кряхтением вылез из кровати и сорвал трубку, при этом ощутимо заехав себе по уху.

— Слушаю! — нелюбезно рявкнул он.

Пожилой голос на другом конце провода был, напротив, сама любезность:

— Нил Романович Баренцев? Очень рад, что застал вас дома. Моя фамилия Шипченко, мне дала ваш номер заведующая вашей кафедрой Клара Тихоновна Сучкова. Извините великодушно

за столь ранний звонок. Скажите, Нил Романович, вы не отказались бы принять участие в нашем выездном семинаре? Вы пансионат «Заря» в Репине знаете?..

VII
(Ленинград, 1982)

— Шипченко, Шипченко...— задумчиво проговорил Асуров.— Уж не тот ли это Шипченко, который все пропагандировал обучение во сне?

— Он самый.

— И что, это серьезно? Мне кажется — такая чушь!

— Это как посмотреть. На семинаре показывали довольно интересные результаты, хотя, немного углубившись в тему, я понял, что они достигнуты вовсе не благодаря методикам Шипченко и его последователей.

— А именно?

— Усвоение информации происходило в состоянии не собственно сна, а глубокого гипноза. Внешне эти состояния почти неотличимы, но нейрофизиологические процессы совершенно разные...

— Глубоко копаешь.

— Копал. Мне тогда нужно было сильное отвлечение, да и успешно сданный кандидатский минимум пробудил некоторые амбиции... После недели в пансионате я продолжил посещать их семинары в городе, а месяца через два оформил у Шипченко соискательство, стал собирать материал, работать в группах.

— Успешно?

— В некотором смысле. Гипнотизировать у меня получалось блестяще, по-русски мои вьетнамцы начинали балакать чуть не с первого сеанса, и очень бойко. Но...

— Но только в загипнотизированном состоянии?

— И к тому же только в моем присутствии. Видимо, я, сам того не сознавая, посылал им какие-то импульсы...

«Должно быть, что-то генетическое, по линии деда», — хотел добавить Нил, но не добавил — как раз про Грушина-Бирнбаума он ничего Асурову не рассказывал. И вообще никому. Хранил семейную тайну.

— В общем, к обучению это никакого отношения не имело. Я решил подойти к проблеме с другого конца, засел за теорию, изучал записи, сообщения кол-

лег. Корпел больше года. И, по-моему, начал кое-что нащупывать...

— Что же? — с интересом спросил Асуров.

— Да так, смутные догадки, которые мне не суждено было ни подтвердить, ни опровергнуть. Когда я изложил их Шипченко, он закатил форменную истерику, орал, обзывал недобитым фрейдистом. Я, признаться, тоже не сдержался, много чего наговорил, хлопнул дверью. А пару месяцев спустя основные тезисы моей прощальной речи оказались почти дословно воспроизведены в «Правде» и в «Литературке». Шипченко обвинили в шарлатанстве, выставили на пенсию, а лабораторию прикрыли. Но меня самого это уже не интересовало.

— Но почему?

— Потому что самым неожиданным образом напомнило о себе прошлое...

VIII
(Ленинград, 1981)

После той исторической поездки на юг Нил зажил по строгому, почти монашескому уставу — вставал рано, исправно ходил на работу, оставшееся вре-

мя проводил в библиотеках, в центре Шипченко, за своим рабочим столом. Из развлечений позволял себе разве что посидеть часок за чайком или портвейном с соседями, число и состав которых пребывали в вечном изменении. Помимо Гоши, Хопы и молчальника Бельмесова в коридорах и на кухне квартиры тридцать четыре Нил сталкивался то с еврейским семейством из Белоруссии, то с тройкой молчаливых дев из Прибалтики, то с говорливыми казахами. Пожив недельку-другую, иногда месяц, они так же внезапно исчезали. Монументальный телефон в его комнате по временам буквально раскалялся от бесконечных междугородних и международных звонков, адресованных постояльцам. Поначалу эти звонки забавляли его, частенько, заслышав характерную трель междугородки, он нарочито казенным голосом вещал в трубку: «Общежитие ОВИР!»

Потом все это его заколебало вконец, и он попросту вырубил аппарат и включал его лишь после условного стука в стенку — сними, мол, трубочку, это тебя. Но после одного разговора он забыл отключить телефон...

Звонок разбудил его среди ночи — на часах было десять минут третьего.

Чертыхаясь, он схватил трубку и заорал:

— Да провалитесь вы со своим Брайтон-Бичем! У нас тут ночь, между прочим!

На том конце линии сдавленно всхлипнули и задышали.

— Ну что у вас там? Опять старый Хаим помер?!

— Нил... — с трагическим надрывом проговорил женский голос. — Нил, это ты?..

— Я, — озадаченно ответил Нил, соображая, кто бы это.

— Это я, Лера...

— Какая еще Лера?

— Лера Оболенская из Алма-Аты... Ну, Коктебель, ты помнишь?

— Положим, помню, — зло отчеканил он. — А вот что оставлял тебе свой номер — извини, не припомню.

— Я в книжке нашла, — загадочно ответила Лера и разрыдалась.

— Да что такое, наконец! — рявкнул Нил, и рыдания чуть стихли.

— Нил... Нил... умоляю, приезжай... Скорее, немедленно приезжай... Я попала в ужасную историю... Нил, я умираю...

— Ничего не понимаю... — проговорил он, по тону ее голоса поняв, что

дело и впрямь нешуточное. — Куда приезжать? В Алма-Ату?

— Не надо в Алма-Ату... Я здесь, в Ленинграде, в Купчине... Если ты не приедешь, я погибла...

Со второй попытки выбив из нее точный адрес, он бросил трубку со словами:

— Еду. Жди.

Накинув пальто, он выскочил на улицу, тормознул встречную машину и за двадцать пять минут (и столько же рубликов) перенесся в пространстве до четвертого этажа стандартной панельной многоэтажки. Перед ним была приоткрытая голубовато-серая дверь из прессованного картона. Он осторожно вошел — и тут же попал в дрожащие объятия, а щека его оросилась чужими слезами.

— Ну-ка, ну-ка, — пробормотал он, отстраняя от себя Леру.

Не знай он, что это она, сразу и не признал бы — волосы растрепаны, руки и губы трясутся, в покрасневших глазах слезы и ужас нечеловеческий. Мятый халатик наброшен прямо на голое тело.

— Что стряслось, рассказывай.

— Там...

Она наклонила голову, показывая на темную комнату.

Нил вошел, щелкнул выключателем. На широкой тахте, поверх сбитых простыней лежал голый, маленький, лысый человек. Голова его была склонена набок, один глаз, широко раскрытый, остеклено глядел куда-то за спину Нила, из полураскрытого рта высовывался край съемной челюсти, с которой свисала на простыню сосулька слюны. Над впалой грудью, густо поросшей седыми волосами, вздымался толстый живот, из-за которого едва просматривался крошечный, сморщенный пенис. Вдоль бедра тянулся длинный шрам. Человек был однозначно мертв. «Тоже мне половой гангстер!» — неприязненно подумал Нил и, повернувшись к Лере, спросил коротко:

— Кто это?

— Это... это... это же мой научный руководитель, профессор Мельхиор Карлович Донгаузер! — начав с лепета, Лера закончила чуть не визгом.

— Оп-па! — выдавил в момент обалдевший Нил.

В эту минуту его респектабельный отчим нисколько не походил на парадный портрет реформатора Сперанского, а походил только на то, чем, собственно, и являлся — на голого, лысого, мертвого старика.

— Oh, mummy, — безотчетно прогудел он начало известной песенки, — oh mummy, mummy blue, oh Mummy blue... В эрогенной зоне идут бои с человеческими жертвами...

Лера вцепилась ему в рукав и залопотала:

— Нил, пойми, я все объясню, я все потом объясню, надо что-то скорее предпринять, его семья, моя аспирантура, подругина квартира, милиция, скандал, крах всего, умоляю, сделай что-нибудь, ну сделай же что-нибудь...

Нил очнулся, замолчал, огляделся. Одежда была разбросана по всему полу, на прикроватном столике стояли наполовину опорожненная бутылка шампанского, ваза с апельсинами, открытая коробка шоколадных конфет. «Покайфовали, засранцы!» — со злостью подумал Нил и рявкнул на Леру:

— Помоги одеть его!

Нил стащил горе-любовника на ковер, вдвоем они натянули на него трусы, носки, вдернули ноги в брюки. Обернув руку полотенцем, Нил вставил челюсть обратно в открытый рот. Вскоре доктор музыковедения был полностью экипирован. Нил вывернул карманы его пиджака и пальто, изучил содержимое. Бу-

мажку с адресом и телефоном Лериной подруги он изъял и разорвал. Удостоверение заслуженного деятеля искусств РСФСР, деньги, ключи и другие предметы положил обратно.

— Есть что еще из его вещей? — отрывисто спросил он. — Портфель, одежда какая-нибудь?

Лера беспомощно развела руки. Нил еще раз внимательно осмотрел комнату, кухоньку, заглянул в ванную. На телефонном столике в прихожей он заметил записную книжку, раскрытую на букве «Б». Из четырех номеров один принадлежал ему самому. Нил перелистал книжку. На титульном листе было выведено бисерным почерком «Профессор М. К. Донгаузер». Нил закрыл книжку и положил ее в карман профессорского пальто.

Теперь осталось решить, что делать дальше. Немного подумав, Нил собрался с духом.

— Выйди потихоньку на лестницу, посмотри, нет ли там кого, и просигналь мне, — приказал он. — И прекрати реветь. Действовать надо!

Лера осторожно выглянула за дверь, вышла на площадку, послушала, посмотрела вверх-вниз, выждала немного и махнула Нилу рукой. Просунув руки

под голову и ноги Мельхиора Карловича, он без особого труда поднял отчима и понес по ступенькам вниз. На площадке между первым и вторым этажом Нил аккуратно опустил его, посадил на ступеньку, прислонил голову к перилам, поправил шляпу, шарф. Окинул прощальным взглядом.

— Все-таки молодец ты, Карлович, — прошептал он. — Умер как настоящий мужчина.

Он вышел на улицу. Дойдя до ближайшего автомата, вызвал «неотложку».

— На лестнице у приличного пожилого человека сердечный приступ, — сказал он и назвал точный адрес. Потом позвонил Лере.

— Дело сделано. Запрись, потуши свет и не высовывайся до утра, — резким, неприятным тоном сказал он.

— Ах, Нил... Нил, мне так страшно!.. Может быть, поднимешься?

— Не поднимусь.

— Нил, погоди, не бросай трубку... Скажи, как ты думаешь, отчего все-таки он умер?

Это уже было свыше его сил.

— От неразрешимого морального конфликта, фройляйн, — ледяным тоном отчеканил он. — Сердце аристократа и ис-

тинного арийца не смогло пережить противоестественной связи с дочерью Робеспьера и внучкой Израиля...

Дома под утро ему вновь снилось забранное нержавейкой кубическое пространство. Он стоял, макая палец в собственную кровь, и рядом с надписью «Я люблю Луя!» старательно выводил: «Я люблю Антуанетту!». Позади него, в нечетком металлическом отражении, мелькнул зеленоватый манжет, черный рукав амазонки.

Нил проснулся в поту, с бешено колотящимся сердцем. Зато теперь он точно знал, что надо делать.

Самое сложное в поисках Тани Захаржевской заключалось в том, чтобы никто не догадывался, что такие поиски ведутся, чем ближе цель, тем больше необходимость в конспирации. Очень уж не хотелось, чтобы до Тани дошли слухи, будто ее усиленно разыскивает некий Баренцев, про которого она определенно и думать забыла.

Деканатской секретарше Наташе, которая вряд ли запомнила одну из тысяч студенток, прошедших через факультет за последние годы, еще можно было наплести, будто он, разочаровавшись в пре-

подавательской карьере, намерен создать собственную рок-группу, подыскивает яркую солистку, и неплохо было бы... За коробку фиников в шоколаде Нил получил информацию о том, что на четвертом курсе Захаржевская Татьяна вышла замуж и сменила фамилию на Чернова, на пятом ушла в декретный отпуск, а два года назад была заочно отчислена как не приступившая к занятиям. В придачу Наташа выдала ему адрес и домашний телефон Черновой-Захаржевской.

Нил так и не придумал, под каким предлогом он появится перед Таней. Едва ли она благосклонно отнесется к появлению старого своего знакомца, если тот заявит, что к ней его привел глюк, вызванный длительным половым воздержанием. Нет, встреча должна быть только случайной. Якобы.

Ради этой случайной встречи Нил отправился по указанному адресу к Никольскому собору. Полностью отдавая себе отчет, что шанс ничтожен, он убеждал себя, что поход его носит характер сугубо рекогносцировочный — вот только взглянет на дом, неровен час, и посетит какая-нибудь дельная мысль.

На дом он глядел часа три, издалека и вблизи, с площади и со двора. Пред-

последними словами ругая себя за кретинизм, он тем не менее никак не мог отойти от этого заколдованного места. Возвращался на трамвайную остановку, но так и не сумел заставить себя сесть и уехать. Стоял, внимательно разглядывая девушек, поджидающих транспорт. Некоторые оборачивались, иные из ответных взглядов можно было бы при других обстоятельствах посчитать вполне обнадеживающими. Он вздыхал и возвращался к заветному желтому дому на углу...

Она стояла всего в нескольких шагах, спиной к нему, и на ней было то самое пальто, которое она накидывала на себя в Паланге, когда с моря задувал холодный ветер, — из плотной и блестящей серой ткани, с капюшоном на белой подкладке. Судя по положению локтей, фотографировала собор. Совсем помутившись рассудком, он подбежал к ней, схватил за плечи, развернул...

— Линда!

Она заморгала чужими, маленькими глазками.

— Извините... — мгновенно придя в себя, упавшим голосом прошептал он.

— Ви ошибся. Я есть не она, — с непривычным акцентом промолвила не-

знакомка и отвернулась, тряхнув короткой светлой челочкой.

Нил сделал глубокий вдох, зажмурился, медленно сосчитал до десяти... Когда он открыл глаза, рядом никого не было.

«Вам пора в дурдом», — подумал он о себе и быстрыми шагами направился к нужному подъезду. Это же так просто... Здравствуйте, я из районного котлонадзора, жалобы на отопление имеются?.. Таня, ты?! А что ты тут делаешь? Живешь?.. Нет, конечно, я не коммунальщик, приятеля хотел разыграть, вот, и адрес у меня записан. Проспект Римского-Корсакова... Что, это не Римского-Корсакова, а площадь Коммунаров? Лопухнулся, извини. Но надо же, какое совпадение!.. Да, честно говоря, я немного замерз и от чашки чая не откажусь...

Он оторопело смотрел на бронзовую табличку на дверях квартиры номер семь: «Александр Самуилович Сатановский». Этого еще не хватало! Переехала? Или Наташа из деканата напутала что-нибудь? Нил распрямил плечи и нажал кнопку звонка. За дверью послышалась соловьиная трель, шаркающие шаги, надтреснутый старушечий голос спросил:

— Кто это?

— Черновы здесь проживают? — громко и официально осведомился Нил.

— Ась? — переспросили за дверью. — Дора Дориановна, тут Черновых каких-то спрашивают.

Дверь приотворилась, и поверх цепочки на него подозрительно уставилась толстая усатая женщина в папильотках.

— Вы кто?

— Октябрьский райвоенкомат. Замена мобилизационных предписаний. Гражданка Чернова Татьяна Всеволодовна по данному адресу проживает?

— Чернова?.. Погодите-ка, вроде бы у прежних жильцов фамилия Черновы. Только они два года, как здесь не живут.

— А где живут?

— Представления не имею. У нас был непрямой обмен.

На пути к метро он заполнил запрос в киоске «Ленгорсправки» и, переждав минут двадцать в ближайшем кафе, получил ответ. Гражданка Чернова, проживавшая по указанному в запросе адресу, убыла в апреле сего года и в настоящее время в городе Ленинграде не прописана.

Он вытянул две пустышки подряд. Что ж, остается искать другие пути. Перебирая в уме все ниточки, которые могли бы привести к ней, Нил решил преж-

де всего разыскать Ваньку Ларина. Не то, чтобы этот источник был самым многообещающим, просто с ним было легче завести разговор о Татьяне, чем, скажем, с Николаем Николаевичем, ее отчимом.

На Ванечку он вышел достаточно легко, и доверительная беседа обошлась в тридцать три рубля — стоимость двух порций мяса и трех бутылок сухого вина в «Погребке» плюс червонец на такси, куда пришлось сгрузить вконец ослабевшего Ларина. Денежки вылетели в трубу: Ванька, с которого впору было рисовать плакаты на тему «Все ты, водка, виновата!», при первом же упоминании о Тане расплакался, начал бить себя в грудь и честить себя скотиной и мерзавцем. Вразумительного от него удалось добиться немного. Оказывается, месяца через три-четыре после их встречи в шашлычной он люто загулял, к Тане не вернулся, потому что загремел в больницу, а там узнал, что Таня с друзьями перекололись героином, и друзья ее погибли, а сама она попала в реанимацию, откуда ее увезли в неизвестном направлении.

К Николаю Николаевичу Нил долго не решался обратиться, понимая, что импозантный адвокат, скорее всего, пошлет

его куда подальше. Наконец не выдержал, и выждав момент, когда тот выходил из дверей коллегии, двинулся навстречу ему.

— Здравствуйте, Николай Николаевич!

— Здравствуйте... Извините, молодой человек, не припоминаю. Вы по какому делу?

— Совсем не по делу. Я сын Ольги Владимировны Баренцевой, певицы. — Холеные черты адвоката чуть разгладились. — Вы в свое время здорово помогли нам с женой, и мы до сих пор с великой благодарностью вспоминаем вас... и Таню, которая порекомендовала обратиться к вам.

— Да, да, теперь я вспомнил — роковые страсти, нож... Ну и как теперь ваша супруга? Больше не бузит?

— Нет, что вы, у нее все прекрасно, работает в Москве на радио, обличает албанских экстремистов и преступный режим Энвера Ходжи. Видимся, правда, только по выходным, зато не успеваем надоесть друг другу, — вдохновенно врал Нил. — А как вы, как Таня? Что поделывает? Снова замуж не выскочила?

— Таня тоже в Москве, работает в министерстве и о замужестве, насколько мне

известно, пока не помышляет, нахлебалась, знаете ли... А матушка ваша как?

— О, только что вернулась из турне по странам Азии, готовится к премьере «Тоски»...

— А когда премьера?

Нил оживленно рассказывал о матери и несказанно гордился собой. Как мастерски провел разговор — в полном соответствии с заветами Штирлица важный для себя вопрос затронул в начале и вскользь, получил информацию, а закончил чем-то посторонним, что, собственно, и запомнится собеседнику. Теперь адвокат едва ли вспомнит, что он интересовался Таней. А сразу после Нового года, в тихонький промежуток между зачетными авралами и сессией, надо съездить в Москву...

IX
(Москва, 1981)

— Извините, что отнял у вас время. Телефона у вас нет, так что пришлось нанести визит. Всего доброго!

— Всего... Не та я Татьяна Чернова оказалась, что ж поделаешь... — Полная девушка в стеганом халате грустно вздох-

нула. — А то чайку? Или, может, пива хотите? У меня хорошее, «Останкинское»...

— Спасибо вам, Танечка, в другой раз.

— Жить-то вам есть где? У меня остановились бы. Комната хорошая, просторная. А я бы с вас и денег не взяла...

— Вы очень любезны...

Нил сбежал по лестнице и распахнул дверь в собачий московский холод. Кусачая поземка закружила по широченному безымянному для Нила проспекту три ненужные больше бумажки, выпавшие из кармана, когда он спешно доставал перчатки. Адреса трех Татьян Всеволодовн Черновых 1956 года рождения, проживающих в городе Москве. Он поднял воротник и двинулся вдоль безотрадных новостроек Отрадного к автобусной остановке. Взгляд его упал на телефоны-автоматы, выстроившиеся рядком у заиндевелого фасада универсама...

— Прямо чудо какое-то, что ты застал меня дома. Я ведь последние денечки в Москве, через три дня улетаю.

Ляля Александрова придвинула полную кружку горяченного ароматного чаю потихоньку отогревающемуся Нилу. На ее большой и светлой кухне, выходящей окнами на бескрайнее заснежен-

ное поле, было уютно и тепло, и уже клонило в сон.

— Рассказывай, как ты, — повелела она, усаживаясь напротив Нила.

— А что рассказывать? — Он откусил от бутерброда с какой-то белоснежной, неведомой ему рыбой, прихлебнул чая. — Живу помаленьку.

— По-прежнему с Линдой?

Лялю он помнил неплохо, а потому бестактность вопроса нисколько его не покоробила.

— Тю-тю Линда, — сказал он и замолчал.

К большому его облегчению, Ляля не стала выспрашивать подробности.

— Ты извини, но этого следовало ожидать. Мягко говоря, вы не были созданы друг для друга.

— Ты-то как? — сменил тему Нил. — Небось все по заграницам?

— Да пропади они пропадом, такие заграницы! — в сердцах сказала Ляля. — Мы с моим Михеевым пять лет в долбаной Анголе проторчали, пока папуля ему назначение в Мексику не пробил. Михеев с Ленчиком уже там, в Мехико, а я сюда отпросилась на месячишко, больно по снегу соскучилась... Пивка рванешь? У меня хорошее, «Хольстен» из «Берез-

ки». — Нил отрицательно покачал головой. — Ну, как хочешь, а я выпью. Очень я в этой Африке к пиву пристрастилась — тамошнюю воду даже кипяченую пить нельзя, чай и тот на привозной минералке заваривать приходилось.

— Ленчик — это твой сын?

— Ага. Уже в Луанде родился. Ему уже четыре сейчас, а родины так и не видел...

— Наших кого-нибудь встречаешь?

— А кого я там могла встретить? С Михеевым в отделе такой Славка Шилин работал, наше португальское кончал. А больше — все.

— А в Москве? Сюда много наших перебралось, особенно девчонок. Ленка Медведева, ныне графиня Бобринская, Любаша Серебровская на Горького живет, я к ней в прошлом году заходил. Сэнди с испанского помнишь? Тоже теперь москвичка, писательница, повести в журналах публикует. Опять же Марина Задонская...

— Задонская с Александровым в Париже ошивается, — сказала Ляля так, будто речь шла о совершенно посторонних людях. — А из московских я ни с кем не вижусь, на улицу и носа не высовываю — холодина такая!

— Особенно после Африки, — поддакнул Нил и, не откладывая, перешел

к главному для себя. — А Таню Захаржевскую помнишь? Тоже в Москве обосновалась.

— Это рыжая такая, с английского? — моментально сообразила Ляля. — Которая все на «Жигулях» разъезжала?

— Она самая. В прошлом году както резко слиняла из Питера, а у меня ее книжки остались, ценные...

— Ну так и зажал бы по-тихому, раз она не чешётся.

Нил улыбнулся.

— Но у нее тоже остались мои. И я-то как раз чешусь — только никто ее координат не знает.

— А справочное на что существует? — удивилась Ляля. — Подойди к любой будке, тридцать копеек заплати — и будет тебе адресок. Если только она действительно в Москве, твоя Захаржевская.

— Должна быть... Я ведь прямо с поезда кинулся наводить справки.

— И что же?

— Мимо. Есть три Черновых со сходными данными, но все три — не те.

— Почему Черновых? — удивилась Ляля.

— Фамилия бывшего мужа, — пояснил Нил. — Могла сохранить.

— Значит, плакали твои книжечки, — сказала Ляля, откупоривая вторую бутылку пива. Внезапно она нахмурила лобик. — Постой, постой, тебе на запросе что написали? «Такая не значится» или...

— «Сведениями не располагаем», — прочитал Нил на чудом сохранившейся четвертой бумажке.

— А-га... — задумчиво протянула Ляля. — Закрытый список.

— Что-что? — удивленно переспросил Нил.

— Закрытый список. — Нил ответил ей непонимающим взглядом. — Информация для ограниченного круга. Не станешь же ты выяснять через справочное домашний адрес, скажем, Брежнева — все равно не дадут. Моего, кстати, тоже... Высоко, видать, летает твоя Захаржевская. Дай-ка сюда эту бумажку.

Она вышла из кухни, и Нил услышал, как она говорит с кем-то по телефону. Минуты через две Ляля возвратилась.

— Ну что? — стараясь скрыть волнение, проговорил он.

— Черновых с такими данными у них нет, — сказала Ляля. Нил опустил голову. — Зато Захаржевская Татьяна Всеволодовна имеется. Место работы — постоянное представительство Украинской ССР,

домашний адрес — Кутузовский проспект...

Она положила перед ним листочек с адресом и телефоном Тани и усмехнулась:

— Что сидишь? Беги, названивай зазнобушке.

— Да какой еще зазнобушке?!. Мне бы только книжки...— пролепетал застигнутый врасплох Нил.

— Что ж так покраснел?.. Ладно, двигай. Когда пролетишь мимо кассы со своей номенклатурной пассией — приходи, ужином накормлю. Но на ночь, имей в виду, не оставлю.

Подъезд не был оборудован никаким замком, но сразу за дверью, наполовину перекрывая вход в просторный, выложенный веселенькой мозаикой вестибюль, тянулся невысокий барьер с массивным перильцем, обтянутым красным бархатом. Сразу за барьером располагалась стеклянная будка, из которой на Нила глянули оловянные очи дюжего консьержа.

— Вы к кому? — без любопытства осведомился он.

— Квартира тридцать три, Захаржевская.

— Понятно... Вас ожидают?

— Нет, но... — замялся Нил. — Видите ли, я из Ленинграда приехал, мы учились вместе, у меня для нее... В общем, просили кое-что передать...

— Минуточку. — Одной рукой консьерж начал нажимать кнопки на узком телефонном аппарате, висящем на стене будки, другую же требовательно протянул к Нилу. — Документик ваш, пожалуйста.

Нил извлек паспорт из внутреннего кармана дубленки и покорно отдал консьержу. Тот, не отрывая ухо от трубки, раскрыл документ и принялся изучать его. Прошло с полминуты.

— Татьяна Всеволодовна не отвечает, — сказал наконец консьерж и возвратил Нилу паспорт. — Заходите позднее, товарищ Баренцев. Посылочку могу передать.

— Нет, спасибо, я... Это личное, — пятясь, пробормотал Нил, развернулся и поспешно вышел.

Стемнело, но массивный «сталинский» дом, с тылу не менее внушительный, чем с обращенного на широкий проспект фасада, сиял сотнями разноцветных окон, мощные ртутные фонари заливали светом хоккейную коробку в центре просторного двора. Оттуда доносились оживленные крики, стук клюшек и веселый хруст коньков. Нил подошел

к площадке и, сделав вид, будто увлечен разворачивающейся на льду баталией дворовых команд, принялся следить за Таниным подъездом.

«А если ее нет в городе? — думал он, пританцовывая от постепенно пробирающего холода. — Хотя вряд ли, иначе этот мент в парадной сказал бы... А если она придет не одна? Если появится с мужиком? Все равно, пройду мимо, поздороваюсь, изображу радостное удивление. Может быть, даже лучше, если рядом будет кто-то третий...»

Вдруг он чихнул, да так оглушительно, что на него оглянулись и запасные игроки, и болельщики. Он уткнул нос в толстый шарф.

«Однако этак можно и дуба дать... Пойду-ка я, отогреюсь в какой-нибудь кафешке, подойду снова через часик. Будет дома — прорвусь, не будет — подожду еще...»

Он направился к дому. До расчищенной дорожки, тянущейся вдоль дома оставалось шагов десять, когда из-за поворота, светя фарами, выкатил темный автомобиль и остановился возле Таниного подъезда. Сердце екнуло, и Нил замер. Салон автомобиля осветился уютным желтым светом, за рулем, без шапки, в

чем-то белом и пушистом на плечах, вполоборота к нему сидела Таня и что-то говорила сидящему рядом пассажиру в мохнатом башлыке. Распахнулась дверца, и он услышал обрывок Таниной фразы:

— ...отгонять не буду — не угонят.

Из-за дверцы выглянула голова пассажира — и оказалась головой пассажирки. Нил с облегчением выдохнул, но тут же застыл с раскрытым ртом. Рядом с темными, глянцевито поблескивающими «Жигулями» стояла Линда.

Он вжал голову в поднятый воротник и зашагал прочь*.

---

* Я и понятия не имела, что он разыскивает меня. Вообще, с тех пор, как в мою жизнь вошел Павел, я почти не вспоминала о Ниле. Думаю, если бы мне удалось удержать Павла — то и совсем забыла бы... Не дали... А мне так хотелось нормального бабьего счастья — хороший муж, хороший дом, хорошие дети. Только я не сумела вовремя понять, что такое счастье — не для меня... Они такие разные — Павел и Нил. Один — цельный, ясный, гармоничный, обретший себя с самого рождения. А другой — многослойный, весь из оттенков, переходов, противоречий, всю жизнь собирающий самого себя, как большую головоломку. Аполлон и Дионис — в ницшеанском смысле... А о Ниле мне напомнила Линда. Всего за день до того, как он увидел нас вместе в моем дворе. Встретились мы случайно — если вообще допускать существование случайностей в этом мире. Я возвращалась в город, ночью у шефа был большой прием на даче, а с утра мне предстояли дела в Москве. Доехала до Кольцевой — и вдруг прямо передо мной на дорогу выскакивает и лезет чуть не под колеса какая-то ненормальная. Босая, без шапки, в шубе нараспашку. Я едва успела затормозить, а она стоит в свете фар и не шелохнется. И тут я узнаю в ней Линду... ***(Прим. Т. Захаржевской.)***

X
(Ленинград, 1981)

Домой он возвратился в седьмом часу утра, проведя бессонную ночь в созерцании черной пустоты, проносящейся за окном сидячего вагона. В квартире было темно, тихо, где-то за дверью кто-то похрапывал. Нил на ощупь, не врубая электричества, прошел коридор и щелкнул выключателем лишь на кухне. У окна неподвижно стояла Хопа.

— Привет! — сказал Нил.— Что в темноте сидишь?

— Да так, — тихо отозвалась она и провела рукавом по глазам.

Нил был потрясен: плачущая Хопа — это вам не плачущий большевик, такого ни в каком музее не покажут.

— Ты что? — растерянно спросил он. — Что-нибудь случилось?

— Ничего.— Она отняла от груди помятый листок бумаги, протянула Нилу. — Будь другом, прочти вслух.

— Надо ли? Это, наверное, что-нибудь личное.

— Надо. Чтобы я поверила, что мне не примерещилось.

Он развернул сложенный втрое желтый линованный листок, посмотрел на

аккуратные округлые буквы с непривычным левым наклоном:

«Вашингтон, 11.11.1981

Дорожайшая Леночка!

На случай, если ты забыла, это Эд, Эдвард Т. Мараховски, теперь ассоциативный профессор Джорджтаунского университета. Надеюсь, что это посылание дойдет до тебя, не как все предыдущие. Я совсем потерял веру в вашу почтовую службу и теперь отправляю с оказием через надежный друг. Если твоя память все еще требует освежения, я тот сумасшедший американский студент, которой был покушен русской собакой и от rabies (прости, не имею русского словаря под моими руками) вылечен твоими волшебными уколами, а от целибата вылечен твой равно волшебной любовью. Я поминаю каждый момент нашей интимности как самое высокое счастье в моей жизни. Если бы не ваша ужасная бюрократия, мы уже семь года были бы муж и жена. Но все это время я не переставал хотеть этого еще больше. А как насчет тебя? Я совершенно понимаю, что это длинный период для молодой женщины, но, может быть, твое сердце еще свободно для твоего старого

заграничного любовника? Не оставляй меня без надежды.

Я давно хотел снова посетить твой замечательный город, но только сейчас получил возможность. Я выиграл исследовательский grant на три месяцев работы в Пушкинском доме и уже уладил все формальности. Если все пойдет так, как оно должно, я прилетаю 13 февраля, 1982, из Хельсинки, и теперь ваши бюрократы уже не скажут, что мы знакомы слишком короткое время, и не откажут снова в регистрации нашей свадьбы.

Сердечно твой Эд».

Хопа сосредоточенно слушала Нила, а когда он замолчал, обреченно проговорила:

— Значит, не брежу.

— Зачем так грустно? К тебе на крыльях любви летит американский жених, да не замухрышка какой-нибудь, а ассоциативный профессор, выражаясь почеловечески — доцент. Интеллигентный, обеспеченный человек, по-русски понимает, тебя за семь лет не забыл. Чего еще тебе надо? Сама же сколько раз говорила, что слинять отсюда хочешь, и именно в Штаты. Радоваться надо.

— Я и радуюсь.

Хопа присела на табуретку рядом с Нилом, потянулась за сигаретой.

— Что-то не похоже.

— Перегорело... Я ведь тогда совсем девчонкой была, после медучилища второй год в травме работала, иностранцев только в кино и видела, они для меня вроде инопланетян были. Когда он к нам прибежал, я его сначала за психбольного приняла — одет в какую-то пеструю рванину, волосы длиннющие в хвостик забраны, как у девочки, глаза такие... знаешь, как у трехлетнего ребенка, которого бякой-закалякой напугали. Лопочет что-то, ничего не понять, еле разобрали, что его возле метро собака укусила, и он требует, чтобы ему сделали укол от бешенства. Раны-то толком не было, так, синячок, даже штанов псина не прокусила, но он ничего не желал слушать, и наша врачиха велела мне поставить ему укольчик... Знаешь, от чего я прибилась?

— От чего?

Хопа поднялась, подошла к холодильнику достала что-то из нижней секции.

— Специальные резиночки, чтобы носки держать, полосатые, я такие в первый раз увидела, и трусы белые, в обтяжку, с красным пояском, — ответила она, разогнувшись. — Потом он еще несколь-

ко раз приходил, штучки заграничные приносил — «кока-колу» в баночках, жвачку... Он был такой нелепый, немного жалкий. Повсюду таскал с собой складной стульчак, чтобы в русском сортире заразу не подцепить, а когда мы с ним в первый раз... Ну, ты понимаешь... два презерватива натянул. Нервничал ужасно, пришлось помогать. А утром... В общем, мы у меня в комнатушке этим занимались, а соседи, суки, милицию вызвали. То да се, связь с иностранцем, штраф, объяснительная... Примешь?

Нил вопросительно посмотрел на нее и увидел у нее в руках бутылку водки с винтовой крышкой.

— А надо ли?

— Ну, как хочешь. Я лично хочу.— Она плеснула водки в кружку, немытую после чьего-то вчерашнего чаепития, быстро выпила и со стуком поставила кружку.— Эд, лапушка, молодцом оказался, я не ожидала — заявил, что я его невеста, и он настаивает на немедленной регистрации брака. Но у нас даже заявление не приняли, сказали, что для этого нужно доказать, что мы знакомы не менее года. Через месяц его стажировка кончилась, он уехал, но обещал вернуться. А я осталась, и вся жизнь наперекосяк пошла. На

работу бумага из ментовки пришла, собрание трудового коллектива организовали, разбирали основательно, врагу не пожелаешь, будто прилюдно догола раздели и оплевали с ног до головы. Строгач с занесением, исключение из комсомола... Ну, я психанула, высказала все, что о них думаю, заявление написала. Потом опомнилась, да поздно было, мне эти твари на прощание такую характеристику выписали, что ее не то, что по новому месту работы предъявлять, а и к уголовному делу подшить стыдно. Я уже подумывала к бабке в деревню удрать, да подружку старую встретила, Анджелку, та меня на путь истинный и наставила... Вот и стала я из Леночки Кольцовой Хопой-Чистоделкой, двадцать баксов за палку, сорок за ночь... Бодрюсь, хорохорюсь, а в душе-то все выгорело, иной раз той же Анджелке позавидуешь, что вовремя от передозировки гигнулась, не стала конца поганого спектакля дожидаться...

Нил подошел к ней сзади, положил руки на плечи. Хопа тихонько всхлипнула.

— А я вот дождалась. Приедет мой прекрасный принц и увезет в сказочное свое королевство... Ладно, все. Я рассиропилась, извини. Жрать сейчас будешь, или Гошу подождем?..

XI
(Ленинград, 1982, февраль)

Хопа с утра умчалась в аэропорт встречать своего Эдварда Т. Мараховски, но в седьмом часу, когда Нил явился домой, их еще и не было. Зато его ждала другая встреча, совсем уж неожиданная: у Гоши сидел, распивая с хозяином портвейн, Максим Назаров. Нил не сразу узнал бравого штурмана — Назаров сильно осунулся, отпустил бородку и сделался похож на лихого, не слишком преуспевающего пирата.

— Здорово, командир! Каким ветром?

— Здорово, амиго! Удивлен? Так уж вышло, добрые люди адресок указали, я тут немного с хозяином пообщался и вроде договорился.

Гоша медленно, со значением, кивнул.

— Договорился? О чем?

— Да ты садись, прими стаканчик. Выпьем за добрососедство.

— Выпить-то выпьем, только я не понял...

— Гоша предложил мне свободную комнатку занять.

— Девочек водить будешь?

— Жить буду.

От удивления Нил поперхнулся портвейном и закашлялся. Пришлось Гоше похлопать его по спине.

— Тебе что, жить больше негде?

— Представь себе.

— Пожар?

— Равносильно, амиго.

— Что же может быть равносильно пожару? А, так ты жил в том флигеле на Маяковского, который рухнул посреди ночи? По радио передавали.

— Нет, я жил на Ушинского в ведомственной однокомнатной квартирке.

— И что с ней стряслось?

— С ней ничего. Стряслось со мной, камрад Баренцев. Я ведь, хоть и занимал до недавнего времени должность старшего преподавателя в Корабелке, — по существу, тот же лимитчик, а когда лимитчика увольняют, он автоматически лишается и жилья, и прописки.

— Тебя уволили?

— Пинком под зад. И из института, и из партии родимой.

— За что? За аморалку, как тогда на Кубе?

— За стратегическую ошибку в планировании собственной жизни... Наверное, после того кубинского прокола мне надо было плюнуть на амбиции, в таль-

маны податься или в речники. Жил бы — горюшка не ведал. Так ведь нет — а престиж, а общественное положение? Вот и сунулся в вуз, хоть и понимал, что придется прогибаться во всех измерениях сразу. Зачем же еще брать на профильную кафедру человека без ученой степени, без педагогического стажа, без ленинградской прописки и с биографическим изъяном международного уровня, как не для затычки всех дыр? Кому лекции читать взамен заболевшего коллеге? Назарову. Кому писать доклад для международного симпозиума, на который в любом случае поедет зав кафедрой, ни ухом ни рылом в проблеме не секущий? Проводить школьные олимпиады? На овощебазе гнилой лук перебирать два раза в месяц? Донорскую кампанию проводить? Подарки к Восьмому марта покупать? Портреты товарища Суслова на демонстрациях носить? По домам с урной для голосования бегать? Рисовать графики выполнения социалистических обязательств? Каждое лето и каждый сентябрь возглавлять так называемый «трудовой-фронт», будто то, чем мы занимаемся в учебном году, за труд не катит? И при этом тянуть на себе половину плановой научной работы

всей кафедры? Тому же Назарову, что естественно.

— Что неестественно,— возразил Нил, разливая остатки портвейна.— Как говорили мальчишки у нас во дворе, за одним не гонка, человек не пятитонка. Совесть у них есть?

— Ты, амиго, существо беспартийное, несознательное, иначе понимал бы, что совести у них нет по определению, поскольку они сами — совесть. Равно как ум и честь.

— Кажется, я начинаю догадываться, за что тебя турнули,— задумчиво проговорил Нил.

— За слова? Э нет, слова потом мне говорили. Разные слова, в том числе и нецензурные.

— Что же ты такого сделал?

— Я-то как раз ничего не сделал. Мирно спал, вместо того, чтобы в третьем часу ночи стоять под окном и ловить падающего с девятого этажа пьяного придурка по фамилии Решетило.

— Студент разбился?! Но при чем здесь ты?

— При том, что после блистательных выступлений в аграрном жанре меня удостоили высокой должности замдекана по общежитиям. А у нас за каждым ЧП, будь

то хоть землетрясение, обязательно должны следовать оргвыводы: виновные наказаны, такой-то отдан под суд, такой-то уволен, такой-то понижен в должности, такому-то поставлено на вид. И кто в данной ситуации крайний? Комендант? Комендантов не бьют, они считанные, как тузы в колоде. Проректор? Тоже фигура, хоть и пожиже коменданта. Остается Назаров, оптимальный мальчик для битья.

— Ну, и как же ты теперь?

— Я? Был такой фильм «Гражданин Никто». Это про меня. Никто и звать никак. На работу не берут — нет прописки, прописку не получить — нет работы. С голоду, конечно, не пухну: три тупых дипломника, аспирант из города Ташкента, половина чужой ставки по НИРу. С жильем, правда, туговато.

— Было туговато, — поправил Гоша. — Внедряйся смело, Макс, у нас тут все такие, системой покусанные.

Вселившись в теремок, Назаров мгновенно утвердился в роли мышки-норушки. Засел в своей клети, что-то писал, считал на калькуляторе, стрекотал на машинке и пообщаться с народом выходил крайне редко. С определением амплуа других обитателей теремка, включая самого себя, Нил затруднялся. Впрочем,

дня через два затруднений поубавилось — на сцену явилась очевидная лягушка-квакушка. Точнее, лягух-квакух.

Это Нил понял сразу, как только увидел его. Этому впечатлению сильно способствовали толстая стеганая куртка из зеленоватой переливчатой ткани, тонкогубый рот до ушей и пупырчатый лысый череп ядовито-розового цвета. Существо в крайней ажитации ворвалось на кухню, где Гоша, Хопа и Нил мирно пили чай с вареньем и болтали о всякой всячине.

— Я! — визгливым тенорком выкрикнуло существо. — Я наконец сделал это! — На столе возник грязный самовар из белого металла. — По-русски это устройство называют самовар! Сверху находится крышка, куда наливают воду! Но сначала крышку надо снять! Вот так... Но не в трубу, расположенную в центре, а вокруг нее! Потому что в трубу закладывают маленький лес, а потом зажигают спичком через это окошко внизу! И вода нагревается! А потом самовар вот за эти ручки ставят на стол и открывают этот кран! Только сначала надо поставить туда стакан, иначе вода обжигающей температуры польется прямо на стол, и кожа получит ожоги! Но забудьте страх, товарищи, ибо прямо сейчас вода

внутри отсутствует, и огонь внутри отсутствует так же! Поэтому я смело поворачиваю кран вот в этом направлении...

Но кран, должно быть, насквозь проржавевший от векового неупотребления, поворачиваться упорно не желал, и чудак, набычившись, вцепился в него обеими руками. Нил увидел, что розовый череп не окончательно лыс — сохранившиеся на затылке волосы были собраны в хвостик, доходивший до лопаток. В данный момент хвостик, перехваченный зеленой аптечной резинкой, дрожал от напряжения.

— Знакомьтесь, пиплы, это и есть мой американский Эдик,— устало сказала Хопа.— А ты, чудо, бросай свой грязный самоварище, мой руки и садись чай пить.

— Иван Иванович очень любит чай,— неожиданно спокойно произнес Эдвард Т. Мараховски, выпрямился и широко улыбнулся.— Моя первая фраза по-русски... Не беспокойся, Ленни, когда мы прилетим домой, я закажу этот самовар почищенным, и тогда мы поставим его в нашей гостиной, и он будет напоминать тебе о далекой родине.

Хопа вздохнула.

— Ну хорошо, хорошо, а пока, будь добр, убери эту пакость со стола. Мы пока еще не в Вашингтоне.

Эд бережно поднял свое сокровище и понес вон из кухни. Хопа мгновенно схватила тряпку и принялась стирать со стола оставленные самоваром черные пятна.

— А твой жених большой оригинал, — заметил Нил.

— И чистюля, — добавил Гоша.

— Черт его разберет, — ворчала Хопа, остервенело орудуя тряпкой. — В гостинице перед каждым минетом мне в рот антисептиком прыскал, а тут на поди...

— Как говорит жена Моти Добкиса, иностранный муж — не роскошь, а средство передвижения, — печально сказал Гоша.

Все замолчали.

— Давайте праздновать общую встречу и мою покупку, товарищи!

На сей раз докрасна отмытые руки Эда держали не старый самовар, а бутылку экспортной «Столичной» и гроздь ярких баночек, сцепленных какой-то пластмассовой фиговиной.

— Это что? — опасливо спросил Гоша, тыкая пальцем в баночку. — У нас в таких чешский растворитель продавали.

— Это пиво баночное, — со знанием дела поправила Хопа.

— У нас тоже есть баночное пиво, — сказал уязвленный Гоша, обращаясь к

Эду. — В любом ларьке. Только надо со своей банкой прийти.

— Красиво, — заметил Нил, разглядывая банку. — Но, по-моему, это не пиво.

— Конечно не пиво! — радостно подхватил Эд.

— У них водку с пивом не мешают, — согласился Гоша. — Кишка тонка.

— У нас с пивом смешивают виски. Но еще надо добавить горький лимон и жженый сахар. Этот напиток подается в лучших барах Нью-Йорка, он называется «Старомодный». — Присутствующие невольно поморщились, а Эд продолжил объяснения: — Однако здесь отсутствует утварь для жжения сахара, а поэтому мы будем делать себе напитки из водки и воды «Зельцер». Ленни, стаканы, пожалуйста...

Из вежливости, из любопытства, и чтобы добру зря не пропадать, приготовленные Эдом напитки допили до дна, после чего перешли на чистый продукт. Вскоре все заметно разрумянились, а Нил, понятное дело, был отправлен за гитарой. На звуки песен выбрался из своей конуры Назаров. Вписался удачно, и минут через десять уже сидел с Эдом в обнимку и объяснял американцу, что такое брудершафт.

— Русские — удивительный народ! — с чувством говорил Эд. — Сегодня я ехал на железнодорожном поезде, и через проход от меня несколько очень пьяных человек в рабочих куртках по очереди декламировали японскую поэзию, а девушка напротив читала Фолкнера в оригинале.

— Духовность! — с важным видом произнес Гоша. — У нас высокая духовность!

— Но духовность — это синоним религиозности. А у вас в церкви стоят одни старушки в платках, а в религию коммунизма никто давно не верит, а только делает вид, чтобы не попасть в тюрьму или психиатрический дом...

— Духовность — это не синоним религиозности, а антоним материальности, и в этом отношении Советский Союз является безусловным духовным лидером всего мира,— неожиданно вставил Назаров.

Эд тут же встрепенулся.

— О, интересно! Чем ты можешь доказать эти слова?

— Тем, что именно Советский Союз выбьет человечество из мира материального в мир нематериальный, то есть духовный. Проще говоря, если бомбой не расфигачим, то экологией придушим. Усек?

— О, парадоксальность русского менталитета! Ты не мог бы повторить эту мысль завтра? Я хотел бы записать ее.

— Для тебя, амиго, — все, что пожелаешь.

— Тогда не мог бы я привести с собой одну мою соотечественницу? Думаю, ей захочется подробно поговорить с тобой, узнать твое мнение по актуальным вопросам.

Незаметно для остальных Нил ощутимо пнул Назарова под столом, но тот будто и не заметил.

— Разумеется, Эд, приводи соотечественницу. С удовольствием поделюсь своим видением судеб России. А если еще и гонорар дадите...

— Ты имеешь правильный подход к делу. Я обсужу с ней этот вопрос. Некоторая сумма вполне реальна...

— Опомнись! — прошептал Нил на ухо Назарову, улучив момент, когда Эд полностью переключился на Хопу. — Мало тебе неприятностей?

— Суайе транкиль, мон фрер!* — с жутким акцентом успокоил Назаров. — Просто я начинаю делать карьеру с другого конца. А твои затруднения я пони-

---

* Будь спокоен, братец! *(фр.)*

маю и потому на твоем присутствии во время интервью не настаиваю.

— Я не понял. Ты считаешь, что я могу тебя заложить?!

— Не надо писать кипятком. Дело не в тебе лично, а в том, что ты единственный из всех присутствующих остаешься человеком системы. И я не хочу тебя ставить в двусмысленное положение.

— Статья о недоносительстве? Спасибо за чуткость, Макс...

— О, тебе знакомы такие материи? Я и не предполагал.

— А ты не находишь, что мы поразительно мало знаем друг о друге.

— Мы с тобой, или вообще все?

«Побег из одиночки собственной души иллюзорен, — рассуждал на следующее утро Нил, давясь вместе с прочими человеками системы в душном вагоне метро. — Но короткий выход из одиночки собственного тела вполне реализуем в момент слияния с другим телом...» Толпа притиснула его к девушке в кожаном пальто. Лица ее он не видел, но кудрявый темно-русый затылок был вполне ничего себе. Удивительно, но в такой толчее она еще умудрялась читать, пристроив сложенный журнал над головой сидящего с

краю пассажира. Чтобы не заглядывать ей через плечо, пришлось бы неудобно поворачивать голову или закрывать глаза, поэтому Нил не стал сопротивляться естественному ходу вещей и уставился в мелкие строчки: «— Это наш новый первый, — слышал я шепот за моей спиной. — Какой молодой, какой красивый...» Нил взглянул на колонтитул и едва удержался, чтобы не плюнуть на страницу.

Действительно, почему нашему дорогому и любимому Бормотухе — Пять Звездочек, величайшему классику современности, до сих пор не вручена Большая золотая медаль за красоту? За что только его челядь оклады и пайки получает? Ведь с ног до головы увешали деда орденами и медалями, будто елку новогоднюю, каких только новых наград не напридумывали — а до такой очевидной вещи не дотумкали, самому намекать приходится. Почему какой-то полусумасшедшей старухе можно с такой медалью разгуливать, отобрав ее у собственной собаки колли, а величайшему гению всех времен и народов нельзя? Отлить бы из чистого золота, пудика этак два — и на шею. А сзади, для равновесия — особо учрежденный орден «Отец-Героин», и чтобы бриллиантиков в этом ордене было по числу благодарных

детушек, обитателей мирового социалистического лагеря...

«Ох, хочу бабу!» — подумал вдруг Нил.

Его желание было услышано наверху, однако поскольку земными делами там ведает не самый толковый И. О., обратная связь, как всегда, сработала со сбоем. В тот день его общества страстно возжелали сразу три женщины. Но — это были заведующая кафедрой, парторг и профорг. Малый треугольник макбетовских ведьм.

— Неправильно заполнен индивидуальный план,— стучала зубными протезами заведующая.— Вертикаль не сходится с горизонталью. Пересчитать и сдать в недельный срок. А в десятидневный срок жду от вас восемнадцать страниц методических указаний согласно плану учебно-методической работы.

— Общественная работа совсем запущена, — завывала парторг. — Вы у нас военно-патриотический сектор. А где стенгазета ко Дню Советской Армии? Где встречи с ветеранами? Почему никто не охвачен военно-техническими секциями?

— С вас три рубля на юбилей кафедры, рубль пятьдесят в Фонд мира, пять рублей на Восьмое марта и тридцать копеек на орграсходы, — хрюкала профорг. — И еще, от кафедры требуется

номер на институтский праздничный вечер.

«История моей жизни, — подумал Нил.— Нет таких подмостков, куда бы не вытащила меня энергия активисток. Хочешь жить спокойно — ничего не умей».

— Ничем не могу помочь,— сказал он профоргу. — У меня, видите ли, методические указания. Не говоря уж о военно-технических ветеранах. К тому же по весне левая кисть отнимается — спасу нет.

В доказательство он слабо пошевелил пальцами.

— А вокал? — спросила профорг. — Голосовые связки не отнимаются? Петь сможете?

— Хором?

— Зачем хором? Хором не надо. Дуэтом.

— Если только с вами. Со сцены мы будем классно смотреться вдвоем.

— Скажете тоже! — Профсоюзная кикимора смущенно поправила тугой синтетический парик.— У нас есть другая кандидатура.

— Кто же?

— Стажер-исследователь, — подхватила эстафету партийная баба-яга. — Занимается биомедицинской электроникой, но закреплена за нашей кафедрой.

— Почему?

— Потому что иностранка. Француженка, между прочим. Как узнала, что в нашей стране отмечается Международный женский день, сама вызвалась выступить. Не то, что некоторые, которых тридцать раз упрашивать надо.

Баба-яга выразительно посмотрела на Нила. Он пожал плечами.

— Так а я разве возражаю? Пусть выступает. Заодно и кафедру прикроет.

— Ты не понял, Баренцев! Повторяю, человек из капстраны. При нынешней сложной международной обстановке каждое подобное выступление есть событие политическое, мощный удар по силам мировой реакции, развязавшей против нашей страны гнусную клеветническую кампанию, достойная отповедь всяким там рейганам и тэтчерам. Не исключено, что выступление мадам Дерьян будет транслироваться по телевидению... Баренцев, я не сказала ничего смешного! Да, возможно, у нашей гостьи армянские корни, но это еще не повод ржать, как курица!

— Извините... — просипел Нил, вновь давясь от смеха.

Армянских, говорите, кровей? Мадам Дерьян. Сеньора Де Нада. Барышня Не-

За-Что. Или Из-Ничего. Фрау фон Ниманд... Ах, мерси вас — что вы, что вы, де рьян!..

— Но я так и не понял, с какой стати я должен петь с ней дуэтом.

— Потому, Нил Романович, что в противном случае вся идея может оказаться дискредитированной, — вмешалась главная ведьма-заведующая, и стеклышки ее очков зловеще блеснули.

Да уж, могу себе представить!

— Дело в том, что наша французская гостья совершенно не умеет петь! — закончила заведующая.

— Ни голоса, ни слуха, — подхватила парторг.

— Но указывать на это недипломатично, — вставила профорг.

— Она желает петь!

— Но репертуар! Наслушалась в эмигрантских кабаках!

— А до концерта всего неделя!

— Надо что-то делать! Баренцев, ты обязан!

— А если мы разучим хорошую песню военных лет, это зачтется как военно-патриотическая работа?

Нил в упор посмотрел на парторга. Та сморщилась, но кивнула.

— Подготовка потребует известного времени, — продолжил он. — Так, когда, вы говорите, надо сдать методичку?

И перевел взгляд на заведующую. Та вздохнула.

— Через месяц... Современный у вас подход, Нил Романович.

— А что остается? Кто меня представит мадам Дерьян?..

Кое-как проведя занятия, он задержался в пустой аудитории — хотелось хоть немного побыть наедине со своими мыслями.

Француженка. Parbleu! Cent mille diables!* Он в жизни не знал ни одной француженки. Разве что Шарлоту Гавриловну, но та была такая старая и уродливая, что и француженкой-то считаться не могла. Интересно, какова эта? Воображение вылепило образ этакой среднестатистической парижской дамочки, вертлявой курносенькой брюнетки, личиком и ужимками похожей немного на Мирей Матье, немного — на обезьянку из мультфильма «Тридцать восемь попугаев». Бонжур, мадам, аншантэ де фэр вотр конессанс...** Или как там еще по-ихнему полагается? Надо бы повспоминать...

---

* Черт побери! Сто тысяч чертей! *(фр.)*

** Счастлив с вами познакомиться *(фр.)*.

— Виниль?

— Что? — Он поднял голову, недовольный тем, что кто-то нарушил его уединение.

— Ви Ниль Баренсеф? — повторила девушка. — Мне сказаль, что ви будет мне помогайть. Мой имя Сесиль Дерьян.

Он вгляделся в нее — и почувствовал себя обманутым. Она была такая... такая никакая. Истинная Дерьян. Бесцветная, словно вырезанная из бумаги. Маленькие глазки неопределенного цвета, маленький носик неопределенной формы, аккуратно постриженные волосики, серый костюмчик неопределенного фасона. Не за что зацепиться взгляду, нечего оставить в памяти, нечего потом описать. Француженка? Могла бы с тем же успехом быть шведкой, эстонкой, белорусской, удмурткой...

Она смотрела ему в переносицу. Пристально, не улыбаясь.

— Счастлив познакомиться с вами, мадам Дерьян, — опомнился он.

— Мадемуазель. Зовите меня Сесиль.

— Зовите меня Нил.

— Ви свободен, Ниль? Нам следует заниматься.

— Да, идемте. Поищем свободную аудиторию.

— Ми идем в ваш пхофбюхо. Там есть комната с хояль. Мне говохиль, ви будет мне игхать.

— Не знаю, кто вам это говохиль, мадемуазель, но игхать я смогу только одной рукой, — беззастенчиво врал он. — Вторую я недавно сломал и только третий день хожу без повязки.

Сесиль свела брови к переносице.

— О, сломаль! Но как?

— Под машину попал.

— Horreur!* — воскликнула Сесиль. — Тоже мамин собак потехяль хуку под машин! Ми все так плакаль!

Нил хотел сказать что-нибудь язвительное, но, увидев в ее глазах слезы, смолчал. Так молча и дошли по комнаты с «хоялем», и Нил покорно сел за инструмент. Сесиль разложила на крышке листочки, расправила плечи, несколько раз глубоко вдохнула и начала петь.

С первых же нот, взятых Сесиль, Нил понял: беда! И дело было отнюдь не в отсутствии голоса и слуха, как о том твердили кафедральные мегеры. И то и другое у Сесиль безусловно имелось. Средненькое

* Ужас! *(фр.)*

и даже миленькое, как у сотен тысяч девчонок — любительниц попеть под гитару у костра или за дружеским столом. И не было бы ничего катастрофического в том, если бы не одна роковая подробность: с упорством, достойным, как говорится, лучшего применения, она подражала оперной манере пения, не обладая для этого ни данными, ни школой, ни развитым вкусом. Ее высокий голосок — слабенькое лирическое сопрано с намеком на колоратуру — дрожал и срывался. Утопая в старательных и неискусных руладах и трелях, она безнадежно сбивалась с ритма, и даже при правильном попадании в ноты создавалось полное ощущение глубокой лажи, многократно усиленное специфическим репертуаром.

То ли кто-то зло подшутил над бедняжкой Сесиль, то ли в ближайшем русском кабаре, куда она приходила изучать культуру далекой загадочной страны, подвизались на редкость странные личности, только вместо традиционной «Калинки-малинки» или «Две гитары, зазвенев...» сквозь толщу вокальных заморочек и густейший акцент отчетливо прорывались «А мать свою зарезал, отца я погубил» и «Кокаина серебряной пылью все дорожки мои замело». Даже невинная «Мы на ло-

дочке катались» в версии Сесиль, определенно копирующей неведомых фольклористов, приобрела своеобразный припев: «Ти сука-билять, впаху ковихять, вписту ковихять, сосенка!» Более современный репертуар был представлен шедеврами типа «А я сидю, глядю на плинтуаре» и «Муженек мой — бабеночка видная». В сочетании с манерой исполнения это создавало эффект потрясающий...

Глядя на ее сосредоточенное, покрасневшее от усердия лицо, Нил понял, что приколом здесь и не пахнет. Похоже, мадемуазель всерьез убеждена, что народ наш других песен не поет. Нилу предстояла не только музыкальная, но и большая дипломатическая работа. Его охватила лютая злоба на кафедральных стерв, столь коварно его подставивших. Сами-то небось постеснялись сказать в лицо иностранке, чего стоит ее программа. Или побоялись?

— Ну попляшете вы у меня! — страстно прошептал он.

— Ви что сказаль? — встрепенулась Сесиль.

— Я предлагаю выпить по чашечке кофе, а потом — revenons á nos moutons*.

---

* Вернемся к нашим баранам *(фр.)*.

— Oh, tu parle Français?* — обрадовалась она, моментально перескочив на «ты».

— C'est ma langue oubliée, — ответил он, встал из-за нераскрытого рояля и галантно протянул ей руку. — Allons donc**.

Когда она надевала в гардеробе свое пальто — из плотной и блестящей серой ткани, с капюшоном на белой подкладке, — он едва чувств не лишился. Именно в этом пальто она стояла, фотографируя Никольский собор, и именно ее он принял тогда за Линду. Ирония судьбы, или «с бонсуаром»!

Придя домой, он завалился спать и продрых до позднего вечера. Встал с тяжелой головой, поплелся на кухню ставить чайник. У Гоши играл магнитофон, слышались веселые голоса. «Заглянуть, что ли? — лениво подумал Нил. — Расскажу про сегодняшнее интересное знакомство».

Но не рассказал, потому что в Гошиной гостиной его ждало еще одно знакомство, и тоже небезынтересное. За столом вокруг начищенного и отремонтированного самовара собрались все нынешние обитатели квартиры плюс мистер Мараховски

---

* О, ты говоришь по-французски? *(фр.)*

** Этот язык мной забыт. Пойдем *(фр.)*.

и незнакомая Нилу девица чрезвычайно своеобразной наружности: рост не меньше двух метров, перебитый нос, фигура культуриста, черная кожаная безрукавка, на мощной руке выше локтя — трехцветная татуировка китайского дракона, дикая рыжая копна на голове. Первой появление Нила заметила именно она:

— Ты Нил?!

Он остолбенел от такого вступления, но лишь на долю секунды.

— Я-то Нил, а вот ты у нас кто будешь, такая прыткая?

— Джейн Доу.

— Классная кликуха, в самый раз для протоколов.

Девица оглушительно расхохоталась, вслед за ней — Эд. Остальные растерянно переглядывались.

— Джейн Доу — это на жаргоне американских полицейских неустановленное лицо женского пола, — пояснил Нил. — Детективы буржуйские читать надо!

— Я не кликуха! — громко заявила атлетка. — Я Джейн Доу из «Вашингтон пост». Нил, кто по-твоему сменит Брежнева на посту верховного правителя России?

— Такого поста нет, — моментально насторожившись, ответил он. — И вообще, я согласия на интервью не давал.

— Это не интервью. Это социологический опрос. Пока получается Андропов — тридцать один процент, Кириленко — семнадцать, Устинов — тринадцать, Гришин — восемь, Романов — три.

— У них бы и спросила. А я не знаю.

— А как ты относишься к советской военной агрессии в Афганистане? К высылке академика Сахарова в Горький?

— А как ты относишься к тому, что тебя сейчас с лестницы спустят? Тоже мне Джейн Доу! Ребята, кто привел эту швабру кагэбэшную? Вам что, приключений на свою задницу надо?

— Баренцев, успокойся, — сказал Назаров. — Джейн привел Эд. Она действительно московская корреспондентка «Вашингтон пост». И моя невеста.

Нил вытаращил глаза.

— Когда успели?

— Пока ты спал.

— После того интервью, которое мне дал Макс, другого выхода у нас не оставалось, — заметила Джейн Доу и с рычанием потянулась.

— Завтра подаем документы, — добавил Назаров.

— У меня есть незамужняя подруга из «Франкфуртер Альгемайне». Свое интервью ты можешь дать ей. Не упускай

момент, Нил, — почесываясь, сказала Джейн.

— Мерси... Сама-то где так по-нашему наблатыкалась?

Растерянность во взгляде Джейн была для него лучшей наградой. Впрочем, соображала она на удивление недолго.

— Дед с бабушкой обучили.

— Доу?

— Доу. Дед был корабельным мастером на Адмиралтейских верфях. В восемнадцатом году ушел от большевиков в Финляндию... Правда ли, что ваши руководители заставляют народ жить бедно, тогда как сами живут в византийской роскоши? Правда ли, что каждый десятый житель России является штатным осведомителем КГБ?

— Неправда! — окончательно вспылил Нил. — У нас осведомителем является каждый первый. Вот сейчас пойду и осведомлю про твои провокационные вопросы, получу за это большую бутылку водки и выпью ее из этого самовара!

— Водку из самовара не пьют, — заметил Эд. — Из самовара пьют чай.

— Как интересно, — сказал Нил и вышел, хлопнув дверью.

Настроение испортилось окончательно. Нил вернулся в свою комнату, вру-

бил телевизор и с ногами улегся на матрас.

«Знаю, милый, знаю, что с тобой...» — завыла с серого экрана эстрадная дива.

Нил хмыкнул.

— Можно?

На балконе стоял Назаров, и на лице его блуждала растерянная улыбка.

— Заходи и дверь за собой прикрой. Сквозит.

Назаров подошел к столу и поставил на него большую пузатую бутылку. «Fleischmann's Vodka» — прочел Нил на глянцевой этикетке.

— Стаканы на полке, — сказал он. — Джейн прислала?

— Сам пришел.

— Нет, я про водку.

Назаров кивнул.

— Перебивает ставку, — заметил Нил. — Иди и скажи ей, что за сведения о деятельности, несовместимой со статусом иностранного корреспондента, компетентные органы дадут мне не одну пол-литру, а две, так что если хочет отмазаться, пусть тоже гонит не литр, а два.

— Не пори фигню, омбре, — устало сказал Назаров. — Не такая она идиотка. Джейн тебя проверяла и по твоей реакции прекрасно поняла, что ты не стукач.

— А это, значит, мой приз за то, что выдержал испытание?

— Вроде того.

— Ладно, тогда забирай сосуд, диссидент, и пошли к народу.

XII
(Ленинград, 1982, март)

Седьмого марта Нил с гитарой поднялся на сцену институтского актового зала и своими лихими проигрышами, вкупе с уверенным вокалом, несколько отретушировал и приглушил сомнительные фиоритуры Сесиль. Упирая на то, что ему за столь короткое время не осилить такой сложный и экзотический материал, какой предложила она, он убедил Сесиль в спешном порядке разучить «Бьется в тесной печурке огонь» и, для настроения, простенькую песню, сложенную в свое время в веселой компании на основе особо удачного буриме:

Я иду по листопаду,
Листопад идет по мне.
Мне любви твоей не надо,
Я знаю — истина в вине.
В вине.

Загляну в кабак унылый,
Сяду в теплый уголок,
И задумаюсь о милой,
И выпью за нее глоток.
Глоток.

Я шагаю всем довольный,
Три бутылки осушив,
И ни капли мне не больно —
Сердце я в кабаке забыл.
Забыл*.

Эту песенку Нил избрал потому, что в ней у Сесиль практически не было возможности украсить номер своими вокальными изысками. К тому же он справедливо рассудил, что в новом для себя репертуаре упрямая француженка не будет чувствовать себя слишком уверенно и поневоле уступит главенство ему, чем даст возможность избежать позорного провала. Так и вышло. Выступление международного дуэта Сесиль Дерьян—Нил Баренцев прошло с успехом. Особый восторг публики вызвала никому прежде не известная песенка про листопад.

Им долго хлопали, вручили от месткома букет цветов и коробку конфет, и Нил впервые увидел улыбку Сесиль. На

* Текст А. Царовцева.

мгновение ее личико перестало быть невзрачным.

— Слушай, мадемуазель, — сказал Нил, когда они вышли на улицу. — Не знаю, как ты, а я не прочь бы выпить приличного кофейку. Но во всем городе осталось только одно такое место. Рванули в «Сайгон».

— О, хестохан! — оживилась Сесиль. — Вьетнамская кухня!

— Там увидишь, — загадочно сказал он, увлекая ее к метро.

Но в «Сайгоне» их ожидало лютое разочарование. Все шесть новеньких, поблескивающих хромом кофеварок, оказались прикрыты белыми тряпочками, а на каждой раздаче появились мятые алюминиевые бачки с черными кранами. Случайный характер немногочисленных посетителей был виден невооруженным глазом.

— А как же кофе? — растерянно спросил Нил у ближайшей буфетчицы. — Неужели у вас тоже нет?

— Почему нет? — неприязненно ответила буфетчица, показывая на бачок. — Это, по-вашему, не кофе? Бочковой, из сгущенки высшего сорта. Берите, берите, а то и такого на базе не осталось.

Нил оттащил от прилавка Сесиль, проявившую интерес как к экзотическо-

му напитку, так и к ноздреватым лежалым ватрушкам, кривой пирамидкой выложенным на подносе рядом с бачком.

— Это совсем не полезно для здоровья, — сказал он. — Не судьба, видать... Могу предложить мороженого, если не против.

— Пхотив, — сказала Сесиль. — Холёдно.

— Ну тогда... Тогда давай провожу тебя до дому. Ты где живешь?

— Академически отель у Эрмитаж... И у меня есть чехная кахта...

— Что за карта? — удивился Нил.

— Carte noire. Фханцузски кофе.

В опрятном гостиничном номере окнами на Неву Сесиль с гордостью продемонстрировала ему кипятильник, недавно приобретенный в «Пассаже». С его помощью мгновенно вскипятили воду прямо в стаканах, и Сесиль засыпала в кипяток растворимого кофе из высокой банки с черно-зеленой этикеткой. Вид у кофе был странный — не порошок, а гранулы, напомнившие Нилу неоднократно виденные в колхозах неорганические удобрения. Впрочем, гранулы растворились без осадка, а запах их и вкус оказались выше всяких похвал, что он не преминул заметить. Сесиль скромно

улыбнулась, покрылась неровным румянцем и неожиданно вскочила.

— Куда ты?

— О, я забыля апехитив...

И из шкафчика была извлечена пузатая бутыль, при виде которой у Нила легонько стукнуло в виске.

— Голубой «кюрасо», — как можно небрежнее сказал он.

В глазах Сесиль промелькнуло удивление.

— О, ти знаешь кюхасо? Но здесь я не видель его ни в один магазин...

— Места знать надо.

От кофе с ликером стало тепло, покойно — и страшно захотелось курить. Нил вытащил «Феникс» и вопросительно взглянул на Сесиль.

— Лючше не надо, от фюм... от этот дим у меня кружить голёва, — с сожалением произнесла она. — Но если очень хочешь — возьми эти.

Из раскрытого ящика стола она вытащила пачку — и голова у Нила пошла кругом без всякого «фюма».

На глянцевом белом картоне не стояло ни слова, зато рельефно проступал красно-желтый силуэт рогатого кабана...

Глава пятая

ЧТОБ КАФКУ СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ...

I
(Ленинград, 1982, апрель)

«Is there life on Mars?»* — звучали в голове недостающие к музыке слова.

Нил приоткрыл зажмуренные глаза и в последний раз посмотрел на худенькое тело, прикрытое ниже пояса клетчатым пледом, на нечеловечески прекрасное бескровное лицо. Не мертвое, нет, просто *неживое*. Обтянутое даже не выбеленным пергаментом — тот все же хранит в себе воспоминания о живом существе, из кожи которого сделан, — а атласом, чуть пошедшим морщинами белым атласом. Волосы, отросшие, подкрашенные хной, аккуратно завитые, казались синтетическими. И вся она была как большая тряпичная кукла, изготовленная гением-извращенцем, выкравшим живую Линду и подменившим

* «Есть ли жизнь на Марсе?» Песня Дэвида Боуи.

ее своим творением. Или сама она улизнула в последнее мгновение, оставив вместо себя двойника, кадаврицу, наряженную невестой.

На кремации настоял он сам. Не то чтобы кто-нибудь активно возражал — Ольга Владимировна держалась строго и величественно, словно королева в трауре, но Нил чувствовал, что для нее все это не более, чем очередной спектакль; достойный Линдин папаша пил без просыпа и не всегда соображал, зачем, собственно, приехал в Ленинград; а мать, знать не желавшая дочки, пока та была жива, пребывала в постоянной прострации и лишь повторяла, что заберет ее с собой и похоронит на участке, который уже давно закрепила за всей семьей.

— Ну и повезете не гроб, а урну, — втолковывал ей Нил. — Не так хлопотно, и разрешения специального не надо.

— Не надо... — повторяла она, но Нил чувствовал, что смысл сказанного до нее не доходит.

Некоторая заминка возникла, когда Нил отозвал в сторонку вышедшего к ним распорядителя и попросил его вместо традиционного Шопена поставить, сообразно последней воле покойной, ту пленку, которую он принес с собой. Пе-

реполошенный ритуальщик долго ломался, потом заявил, что должен посоветоваться с руководством. Совещание заняло минут пятнадцать, наконец добро было получено, и Линда — снегурочка в кружевном белоснежном платье, ни разу не надевавшемся при жизни, — опустилась в огненное чистилище под лирическое попурри на темы Поля Маккартни и Дэвида Боуи. Эту композицию Нил придумал, исполнил и записал накануне ночью.

«And the light of the night fell on me...»*

И только в автобусе, увозящем их из крематория на поминки, Нил развернул бумажку, которую на выходе из траурного зала вложил в его ладонь мелькнувший на мгновение Костя Асуров. Следователь назначал ему встречу через два дня, на платформе станции Лосево.

А днем раньше предстояло получить урну с прахом...

Четыре тысячи триста восемьдесят две. Четыре тысячи триста восемьдесят три... Четыре тысячи триста восемьдесят четыре...

---

* «И свет ночи упал на меня...» Из песни Поля Маккартни.

Это число надо запомнить. Во что бы то ни стало запомнить. Пометить шпалу сочащейся из носа кровью, отползти под тень кактуса, сделать два-три глотка из теплой фляги и забыться, насколько дано будет забыться. Потому что нет больше сил ползти вдоль сверкающих рельсов, уходящих за горизонт...

— Эй, Нил! Ты в норме?

То ли забвение оказалось слишком глубоким, то ли остановившаяся на рельсах белоснежная дрезина, убранная розами и разноцветными ленточками, появилась бесшумно, аки призрак. Нил протер воспаленные глаза, сел. С дрезины улыбался и махал ему рукой счастливый Ринго. В шикарном ковбойском костюме он был больше похож не на Ринго Старра, а на Ринго Кида из довоенного вестерна «Дилижанс». Из-за его плеча выглядывала Линда в мелких золотистых кудряшках, которые очень ей шли. Одета она была в открытое розовое платье с кринолином. Он помахал им в ответ и крикнул:

— На праздник едете?

— В Мексико-сити всегда праздник!

— А можно с вами?

— Нельзя. У каждого свой путь в Мексико-сити. Досчитай до конца свои шпалы — вот ты и пришел.

— Линда, а почему молчишь ты?

Дрезина медленно и беззвучно стронулась с места.

— Линда! — в отчаянии крикнул Нил.

— Бай, док Кэссиди! Встретимся на карнавале!

Она подняла руки, и на ярком солнце блеснули изящные золотые кандалы.

Белоснежный корабль прерий истаял в жарком, колышущемся мареве...

Четыре тысячи триста восемьдесят пять...

Нил проснулся весь в поту, стремительно встал, резкостью собственных движений сбивая остатки наваждения.

— Почему ты не разбудил меня?! — сердито выкрикнул он.

— Рано еще, — не оборачиваясь, сказал Кир Бельмесов.

— Скорее... Надо успеть.

— Не мешай. Чай пей.

Нил отвернулся от стола, за которым Бельмесов колдовал над какими-то кореньями, плеснул из заварного чайника немного зеленого чая, отхлебнул. Остывший чай был горек и отдавал аптечной микстурой. Нил вернулся в кресло. Ожидание было нестерпимым. Если они опоздают, и Линда въедет в небесный Мехико, не освобожденная от оков,

так похожих на изысканные украшения, она не избавится от них всю оставшуюся вечность. Вечность! От этого слова разило таким холодом, что у Нила застучали зубы, бесконтрольно и громко, так что даже Бельмесов услышал и с удивлением посмотрел на Нила: хоть в доме уже с месяц не топили, жара в башне стояла, как в финской бане, — и по полу, и над головой тянулись распределительные трубы с горячей водой.

— Пора, — сказал наконец Бельмесов.

Они спустились на площадку перед Ниловой дверью. Нил поднял заранее заготовленный мешок, вслед за Бельмесовым протиснулся в узкое чердачное окно и очутился на крыше.

Ночь была ясная, безветренная и поразительно холодная для конца апреля. В свете полной луны все предметы обретали причудливую фактуру сновидения — слишком отчетливы были все линии и формы, слишком приглушены все цвета и оттенки. Прутики антенн подернулись тончайшими кристаллами изморози. Нил подошел к тому месту, где остановился Бельмесов, открыл мешок и принялся доставать оттуда щепки, ветки, скрученные листья.

— Сюда клади, — распорядился Бельмесов. — Зажигай!

Сухая кучка занялась мгновенно. Взвился длинный, веселый язычок пламени. Нил даже не заметил, в какой момент на Бельмесове появилась странная четырехугольная шапка.

— На огонь смотри, — велел потомок шаманов. — Как белый будет — отпускай ее.

Он двинулся вокруг костерка, пританцовывая на полусогнутых ногах, что-то бормоча нараспев и периодически подбрасывая в огонь щепотки травы. Пламя взрывалось искрами, становилось то багровым, то зеленым, то фиолетовым. Нил отошел на несколько шагов, держа наготове раскрытый сосуд. Он провел пальцем по розовой пластмассовой поверхности, вдоль оставленной гравером бороздки, читая кожей: «Ольга Владимировна Баренцева, 1953—1982». Шаги Бельмесова убыстрялись, монотонный речитатив делался все быстрее и ритмичнее. Перед Нилом мелькало взмокшее лицо шамана, блистающие бельма закаченных глаз.

— И-и-и! — неожиданно тоненько взвыл Бельмесов, и пламя вдруг взвилось почти прямоугольным белым столбом.

Нил наклонил урну, размашисто провел ею перед собой и выкрикнул, как учили:

— Ом мани дэва хри!

Взметнувшийся серый пепел — последняя земная материальность Линды — на мгновение обрел очертания женского силуэта, потом — летящей птицы, и замер в морозном воздухе неровной, мелко мерцающей спиралью.

— Ты свободна,— прошептал Нил. — До свидания, любимая...

II
(Лосево, 1982, апрель)

— Ну еще хоть полчасика, а? Клев-то какой!

— Завелся? А ведь всю дорогу отбрыкивался... Нет, брат, хорошенького помаленьку. И этого-то до дому не дотащишь.

Асуров показал на три толстенных гирлянды крупных окуней, насаженных под жабры на длинные проволочные шомпола. Несколько рыб еще трепетало, било серебристыми хвостами, остальные смирно уставили круги белых с красным ободом глаз в черное небо.

Нил вздохнул и принялся наматывать леску на катушку.

— Я и предположить не мог, — говорил он следователю, методично складывающему снасти. — Я всегда считал, что рыбалка — занятие созерцательное, когда часами сидят с удочкой, кормят комаров или мерзнут над лункой, думают о чем-то великом и изредка подсекают случайную глупую рыбеху. А тут такая динамика, такой азарт! У меня рука устала таскать. Они прямо взбесились, и если бы насадить еще тройник на грузило...

— Главное — правильно выбрать место и время... Кстати, сейчас как раз время ужина. Ты ведь проголодался?

— Не то слово! Пока ловили, я не ощущал, а сейчас как навалилось — быка бы съел!

— Быка не гарантирую, но ушица отменная будет. Давай, грузи улов на тачку и пошли...

— Ох, а тут цивильно! — сказал Нил, войдя в просторные сени, обшитые крупными лакированными досками. — Не ожидал от здешней глухомани.

— А ты думал! В сапогах не ходи, здесь снимай, на коврике...

Стол был сервирован в изысканном деревенском стиле. Огурчики, сало, со-

леные грузди, квашеная капуста и моченая брусника, рассыпчатая отварная картошка и восхитительная наваристая уха. Единственной нехарактерной черточкой было малое количество спиртного: перед первой закуской расплескали на два полторастика «маленькую», а всю дальнейшую трапезу запивали домашним квасом — клюквенным и медовым.

— А вот я намедни в журнале читал, как в Исландии на озерах рыбачат. Выходит, значит, крестьянин на лед, один лом в руках, гуляет и смотрит, где внизу рыбина побольше отдыхает. А лед там чистейший, сам понимаешь, страна повышенной экологии... — разглагольствовал Асуров. — Находит он, значит, такое место, встанет над ним и давай ногами топать изо всех сил. Рыбка испугается, отплывет, — а он за нею, она остановится — и он остановится, и снова топает. Рыба на третье место — он туда же. И так до тех пор, пока ее окончательно не утомит, то есть сколько бы ни топал, она уже не реагирует. Тогда пробивает ломом лунку и вытаскивает добычу голыми руками...

— Без шума и пыли, — согласился Нил, при этом подумав: «Он и меня берет измором, как ту рыбу. Выжидает,

когда я сам начну выспрашивать его о деле...»

Следователь словно услышал его мысли и поднялся.

— Ну, вроде насытились, слава Богу. Может, сюда перейдем?

Они пересели в кресла возле журнального столика. Нил закурил, а Асуров вытащил из кармана конверт, извлек из него пачку фотографий, отобрал две и положил на гладкую крышку столика.

— Взгляни. Тебе эти личности не знакомы?

Нил вгляделся в глянцевые прямоугольники фотографий. Конкретно этих людей он не знал, но характерность типажей вызвала в пальцах трепет узнавания. Первый из изображенных был лысый, тощий, с тяжелыми веками рептилии, большим носом и ушами, похожими на локаторы. Нил готов был поручиться, что при разговоре глазки у этого человека постоянно шныряют туда-сюда и никогда не смотрят на собеседника. Второй же, раскормленный красавчик южного типа, этакий хозяин жизни, наоборот, из тех, кто разглядывает тебя во всех подробностях, нагло и высокомерно, прикидывая, на сколько червонцев ты тянешь.

— Я похож на человека, у которого могут быть такие знакомые?

— Знакомых не всегда выбираем мы сами... Значит, не знаешь ни того, ни другого?

— Нет. А кто это?

— Лысый — это Змей, он же гражданин Евсеев, очень, надо сказать, скользкий гражданин.

— Заметно.

— Крупный валютчик и спекулянт. Хитер, осторожен, мы его полтора года разрабатывали, а взять смогли только на подставе... Ладно, речь не о том. На его процессе свидетелем проходил некто Бриллиант Яков Даниилович...

— Не этот ли? — Нил ткнул во вторую фотографию.

— Ты на редкость догадлив... Того же полета пташка, если не сказать хуже. Ни к одному евсеевскому эпизоду его пристегнуть не удалось, хотя повязаны были крепко. Когда Евсеев получил высшую меру, Бриллиант перетрухал, занялся ликвидацией предприятия. Мы взяли его под плотное наблюдение, но до поры решили не трогать, рассчитывая, что он выведет нас на свои связи. Тактика себя оправдала — мы вычислили всю цепочку, по которой он все свои немалые цен-

ности перекачивал в инвалюту, и установили, что Бриллиант планирует перекинуть капиталы за рубеж. Но по какому каналу? И тут всплывает одна персона совсем иного калибра. Ничего определенного — два невнятных телефонных разговора, встреча при множестве свидетелей. В первую очередь настораживал сам факт контакта: не такой человек этот столичный деятель, чтобы общаться с типами вроде Яши Бриллианта из удовольствия. Связывать их могло только дело, и дело немаленькое. Мы усилили наблюдение за Бриллиантом и вскоре установили точное время и место встречи Якова Данииловича с москвичом. Чтобы взять их обоих с поличным, мы дали Бриллианту упаковать большую партию долларов в серый «дипломат» и сесть с ним в «Красную стрелу».

— И тут внезапно появляются Линда с Ринго и путают все карты?

— Если бы внезапно! На появление любого нового лица мы бы тут же отреагировали, но здесь ситуация была иная. Мы долго и тщательно отслеживали все окружение Бриллианта и, естественно, не обошли вниманием и его, извини, интимную жизнь. Мы знали, что у Яши была однокомнатная квартирка на Юго-

Западе, оформленная на престарелого родственника, в которой в разное время проживали несколько его любовниц. Последней, месяца за полтора до той поездки, туда вселилась временно не работающая гражданка Макаренко Анна Григорьевна, двадцати шести лет, беспартийная, незамужняя, не была, не участвовала, не привлекалась, студентка заочного юридического института, по месту учебы и последней работы — городской суд города Таганрога Ростовской области, секретарь — характеризуется положительно... Нил, твоя жена была потрясающей женщиной!

— Спасибо, я знаю...

— Она так убедительно сыграла хорошенькую недалекую вертихвостку, которой никакого дела нет до того, каким образом богатенький любовник обеспечивает ей сладкую жизнь, что нам и в голову не пришло поглубже покопаться в ее прошлом. Только экстраординарные обстоятельства ее гибели заставили нас вплотную заняться личностью потерпевшей и установить в ней гражданку Баренцеву, объявленную во всесоюзный розыск по давнему делу о хищении в хозяйственном магазине. Лично я полагаю, что на Яшу она вышла не случайно,

а вывести мог тот же Васютинский. Операцию они продумали основательно. Линде удалось убедить Бриллианта взять ее с собой в Москву, в поезде она подсыпала ему в коньяк снотворного, преспокойно вышла в Бологом, спрятав чемоданчик в сумку, через полчаса пересела на поезд, идущий в обратном направлении, где ее ждал Васютинский. Наш сотрудник, посланный приглядывать за Яшей в поезде, все это элементарно проспал. По-человечески парня понять можно — такой поворот никто не мог предвидеть.

— По-человечески? А по службе?

— Переведен районным уполномоченным в Дудинку... Увы, любопытство возобладало над осторожностью, они прямо в купе взломали чемоданчик и, найдя в нем не только баснословные деньги, но и дорогое виски, решили отметить событие... Финал тебе известен. К сожалению, Яшенька оказался им не по зубам.

— Но деньги-то они умыкнули.

— Не так все просто. Все обнаруженные при них доллары оказались фальшивыми, как, впрочем, и большинство валюты, конфискованной ранее у Евсеева. У змея плешивого был и такой про-

мысел, хотя о причастности к этому бизнесу Бриллианта мы прежде не догадывались.

— Выходит, Яша намеревался втюхать москвичу фальшивые доллары?

— Не думаю. Яхонт наш бриллиантовый, конечно, не Эйнштейн, но и не идиот, профессия не та, к тому же хитрость, трусость и инстинкт самосохранения у таких субъектов развиты, как правило, чрезвычайно и с лихвой покрывают недостаток ума. Он прекрасно понимал, что после такого, как выражаются в их кругах, кидалова он на этом свете не заживется. Нет сомнений, что действовал он по заранее составленному плану, причем составленному не им.

— Но в чем смысл? Возить с собой фальшивые доллары, рисковать?

— Как оказалось, смысл большой. Я уже говорил, что москвич, с которым должен был встретиться Бриллиант, — человек куда как не простой, и связи у него астрономические. Людей такого уровня можно брать только с поличным, при свидетелях, со всеми процессуальными тонкостями. Более того, скажу тебе по секрету, Москва никогда не санкционировала бы наше оперативное мероприятие, поставь мы их в известность,

по кому собираемся работать. Но они знали лишь то, что мы ведем Бриллианта с большой суммой в валюте и в финале намереваемся выйти на неизвестного получателя. Наше руководство пошло на этот риск, рассудив, что дело верное, а победителей не судят... И прокололись мы по-страшному.

— Да уж. Такая операция сорвалась.

— Если бы только сорвалась, это было бы полбеды... Когда Яша не вышел из вагона вместе с остальными, наши подумали было, что умудрились его упустить, и так обрадовались, когда он все-таки появился, что не обратили внимания на отсутствие его спутницы. Тем более что и серый чемоданчик был при нем.

— Как это — при нем? Линда же этот чемоданчик увела.

— Значит, был второй, точная копия первого. В купе он мог оказаться только двумя путями: либо Линда принесла его с собой в красной сумке и подменила, пока Яша пребывал в отключке, либо кто-то положил его туда заранее, еще до того, как Бриллиант с Линдой сели в поезд. Лично я склоняюсь ко второму варианту — судя по тому, как события

развивались дальше, Яша был сознательным участником этой комбинации, и если бы Линда не клюнула на удочку, он нашел бы другой способ избавиться от «дипломата» с долларами. Выкинул бы из окошка где-нибудь под Калининином — и взятки гладки!

— А отравленное виски...

— Для подстраховки. Расчет был точен — заполучив чемоданчик, Линда превращалась в смертельно опасного свидетеля, и ее нужно было убрать.

— Но я так и не понял, зачем все это было надо?

— А затем, что когда орлы из группы захвата устроили в холле гостиницы «Украина» эффектную сцену задержания при передаче чемоданчика, финал у этой сцены получился нелепым и позорным. Вместо тугих пачек долларов в чемоданчике обнаружили юбилейный трехтомник Чехова и шоколадный набор «Невский». Понятно, что извинениями не обошлось. В течение недели под тем или иным предлогом от работы были отстранены все начальники, бывшие хоть немного в курсе операции, следственная группа расформирована, все материалы по делу Бриллианта изъяли и увезли в Москву. С самого

Яши взяли подписку о невыезде, а через несколько дней он, прямо как в известной песне, пьяный на своей машине навернулся с моста, только не с Крымского, а с Аларчина. Вместе с ним в воду ушли все концы. А куда девалась бóльшая часть его нетрудовых накоплений, можно только догадываться.

— М-да, масштабный деятель этот москвич, — в задумчивости проговорил Нил. — Кстати, ты ни разу не упомянул его имя. Это кто-нибудь очень известный? Очень высокопоставленный?

— Ну, известность его достаточно ограничена, к всенародной славе он не стремится, а что касается должности, то этот гражданин скромно трудится в постоянном представительстве одной из союзных республик.

— Но почему тогда он пользуется таким колоссальным влиянием?

— Видишь ли, во все времена существовали люди, наделенные особым талантом — умением быть нужными.

— А разве это плохо? Ненужные люди — они никому не нужны.

— Нужность таких людей специфична. Когда предлагают запретный плод плюс гарантии безнаказанности, устоять не всегда легко. Тем более, когда есть

чем оплатить услугу, а плод уж больно сладок.

— Поставляет девочек Папе Римскому и вино персидскому шаху?

— Если твои слова понимать в метафорическом смысле, то ты попал в точку. Подумай, что в нашем обществе можно считать эквивалентом вина или свинины для мусульманина или половых связей для католического священника?

— Ну, не знаю... Романы Солженицына?

— Смешной ты... Одна половина клиентов нашего московского друга такой фамилии вообще не знают, а другая имеет неограниченный доступ к любой антисоветской макулатуре, причем многим даже вменяется в обязанность ознакомиться с ней, чтобы знать противника в лицо. Кстати, и тебе полезно было бы взглянуть.

— На Солженицына?

— Нет, на более непосредственного противника.

Асуров выложил на стол третью фотографию. Запечатленный на ней мужчина был лыс и худ, но этим сходство с валютчиком Евсеевым исчерпывалось. Тонкие, иронично изогнутые губы, умный взгляд круглых совиных глаз, круп-

ный прямой нос, глубокая вертикальная морщина посреди широкого лба...

— Так ты знаешь его? — хлестко спросил Асуров, не сводя глаз с Нила. — Откуда?

— Показалось, — хрипло ответил Нил. — Этого просто не может быть...

— Чего не может быть?

— Понимаешь... когда я совсем мальчишкой проболтался незнакомому человеку насчет... ну, насчет одной семейной драгоценности... А потом ее украли прямо из квартиры. Больше ничего не взяли.

— И этот человек был он? — Асуров ткнул в фотографию.

— Похож. Тот был, конечно, моложе и не такой... ну, не такой властный. А этому бы Юлия Цезаря играть.

— Тоже заметил? В наших оперативных разработках он и проходил как Цезарь.

— Ты так и не сказал, чем именно совращает наших непорочных граждан московский Цезарь, — чуть успокоившись, заметил Нил.

— Возможностью делать деньги.

— Извини, но мне казалось, что его интересуют как раз те круги, которые не страдают от недостатка денег.

— Вот именно. Они страдают от их избытка. Когда у человека появляется лишняя пятерка, он покупает бутылку водки или билет в театр, двести рублей — и он приобретает новый костюм или путевку в Крым, несколько тысяч — автомобиль или дачу. Но когда все это уже есть, а в кубышке еще позвякивают денежки, то как-то обидно их тратить на восьмой по счету гарнитур из карельской березы или на десятую брошь белого золота. Начинает хотеться заводиков, пароходиков, счетов в швейцарском банке, недвижимости во Франции и акций в нефтяных компаниях... Аппетит приходит во время еды. Но вся загвоздка в том, что при нашей системе гражданин имеет право на личную собственность, но на собственность частную, то есть приносящую доход, права не имеет.

— Иными словами, наличие у жены хитрого завмага восемнадцати норковых шуб законом не возбраняется, а наличие у старушки на рынке нескольких кульков с семечками законом преследуется? Я правильно понял?

— Примерно так. Помяни мое слово, эта нестыковочка для социализма окажется поопасней всех Солженицыных вместе взятых, только одни этого не ви-

дят, а другие видеть не хотят. Зато вот эти господа, — Асуров ткнул пальцем в фотографию Цезаря, — все видят и действуют соответственно... А теперь представь себе, что ты судья...

— Я не судья, — прервал его Нил.

— Ну тогда следователь, частный детектив, вроде Шерлока Холмса. Разве тебе никогда не хотелось хоть немного побыть Шерлоком Холмсом? У тебя есть факты, есть характеристики основных фигурантов. Тебе предстоит ответить на несколько вопросов. Вопрос первый: была ли смерть твоей жены результатом несчастного случая, самоубийства или убийства?

— Убийства, — побелевшими губами выговорил Нил.

— А смерть Штольца-Васютинского?

— Тоже.

— Смерть Бриллианта?

— Не уверен, но скорее всего.

— Были ли эти убийства преднамеренными?

— Были.

— Имелся ли во всех случаях корыстный мотив?

— Да.

— Кто виновен в совершении этих убийств?

— Он. — Нил показал на фотографию Цезаря*.

— Должен ли виновный предстать перед судом и понести заслуженное наказание? — прокурорским тоном осведомился Асуров.

— Должен... Но ведь нет никаких улик, никаких свидетелей, а при его связях...

— Согласен. Вероятнее всего, конкретно по этому делу привлечь его безнадежно. Но ты уверен, что его бурная деятельность свободна от других аналогичных эпизодов? Разве смерть Линды хотя бы частично отомщенной, даже если он пойдет под расстрел не за ее убийство, а, скажем, за крупные экономические преступления?

— Конечно. Но при его всемогуществе что вы сумеете ему инкриминировать?

— Ну, он пока еще не Генеральный Секретарь и даже не Господь Бог. И на

---

* Разумеется, про фальшивые доллары Нилу наврали. Иначе им было бы трудно убедить его в том, что в смерти Линды повинен шеф, и склонить к агентурной работе в его ближайшем окружении. А именно такая задача была поставлена перед Ковалевым, а тот, в свою очередь, довел ее до Асурова, тогда еще честного служаки... По той же причине утаили еще один примечательный факт — при вскрытии в желудке Линды (только Линды!) обнаружили лошадиную дозу мышьяка. В отличие от Линдиных, мотивы Ринго были, полагаю, сугубо деловые — убирал подельницу, не хотел делиться... *(Прим. Т. Захаржевской.)*

него можно найти управу. Если с пуленепробиваемыми фактами выйти на самого Андропова, на Политбюро...

— А как вы добудете такие факты? Неужели вы думаете, что он допустит до своего хозяйства энтузиастов-правдолюбцев из чухонской провинции?

— Факты добудешь нам ты! — грохнул совсем рядом новый голос.

Нил вздрогнул, поглядел туда, откуда доносился этот голос, — и вздрогнул еще раз.

Доктор Евгений Николаевич был чрезвычайно внушителен и почти неузнаваем. И дело было не только в безупречно отутюженной генеральской форме. Изменилась осанка, четче обозначились квадратные челюсти, вместо профессорской бородки рельефно вырисовывался бритый крутой подбородок, во взгляде проступил металл. Завидев генерала, Асуров поспешно встал, автоматически вскочил и Нил.

— Прошу садиться, — позволил Евгений Николаевич и, подавая пример, опустился в третье кресло, стоящее в торце стола.

Асуров сел. Нил остался стоять.

— А тебе особое приглашение надо?! — совсем уже по-хамски рявкнул генерал. — Садись, а то упадешь.

От потрясения Нил и в самом деле держался на ногах очень нетвердо.

— Я не понимаю... — жалко пролепетал он, рухнув в кресло. — Это вы... И вы сказали, что я...

— Да, именно ты! Мы долго к тебе присматривались. Ты, конечно, не сказать, чтобы без придури. Буги-вуги всякие, тирлим-бом-бом, по бабам опять же ходок первостатейный, а уж супругу выбрал — оторви да брось, царство ей небесное. Ну да ладно, дело молодое, с кем не бывает. А в целом парень ты правильный, башковитый, комсомолец. И есть мнение оказать тебе высокое доверие... А вам, товарищ майор, поручается курировать товарища Баренцева.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — бодро отрапортовал Асуров.

— Майор?

У Нила голова шла кругом.

— Майор Комитета государственной безопасности Константин Сергеевич Асуров, — представился Костя.

— Но ты же говорил... из следственного комитета...

— У нас свой следственный комитет. Извини, брат, не предупредил. Не имел на то полномочий.

— А задание предстоит тебе чрезвычайное, секретное, о котором и в нашей конторе знать должны только ты да я, да мы с тобой, — продолжил генерал. — Не считая, конечно, Константин Сергеича и еще пары надежных ребят для подстраховки.

— К-какое задание?..

— Ответственное, дорогой, и даже опасное. Внедриться в ближайшее окружение Шерова, войти к нему в доверие и ставить нас в известность обо всех его противоправных действиях.

— Шерова? Какого еще Шерова?

— Вадим Ахметовича. Вот этого. — Генерал показал на фотографию Цезаря.

— Но... но как же так?.. Почему вдруг я?..

— А мне показалось, что ты готов на все, чтобы покарать убийцу твоей жены, — грустно заметил Асуров. — Или только показалось?

— Нет, я готов!.. Только... я не готов. В смысле, не подготовлен. Я не знаю, что делать, как... Наверное, лучше будет послать специалиста...

— Со специалистом проблемы. А делать ничего особенного и не надо. Вести себя естественно, смотреть, слушать, запоминать. Кой-чему, конечно, подучим, майор займется... Если даже придется поучаствовать

в каких-то его шашнях — участвуй, имеешь индульгенцию на все, кроме прямой мокрухи, — заявил Евгений Николаевич.

— Ну же, Нил! Тебе ведь всегда нравилась рисковые ситуации. Помнится, при Линде у тебя их было немало.

— При Линде! — Нил вздохнул. — Тогда было другое... Тогда была любовь.

— А теперь? — Асуров как-то странно посмотрел на него, быстро вытащил из кармана конверт с оставшимися фотографиями и сунул Нилу. — Смотри!

Три верхних фотографии сильно отличались от предыдущих — цветные, насыщенные, праздничные. На каждой из них неотразимо и победно улыбалась медноволосая царица его грез — Таня Захаржевская. Одна. В группе красиво одетых людей. Под руку с лысоватым невысоким... Щеровым. Убийцей Линды.

— Да, — ответил Асуров на шальной взгляд Нила. — Это они на вернисаже известного живописца Янтарева. Есть и несколько кадров оперативной съемки.

— Умеешь ты, Баренцев, баб себе подобрать! — высказался Евгений Николаевич. — Ну самых чумовых! Одна другой краше.

— Да, Нил, это так, — поспешил подтвердить Асуров. — Сведения, кото-

рые мы смогли собрать по Захаржевской, скудны и обрывочны, но и то, что есть, — это, извини... Мы имеем достаточные основания утверждать, что с Шеровым она связана чуть не со школьной скамьи, что именно она организовала выездной публичный дом для гостей его пригородной резиденции, потом, уже самостоятельно, без патрона, инициировала крупный передел городского рынка наркотиков. Позже сама подсела на иглу, бросила мужа с грудным ребенком, чудом не отдала концы от чудовищной передозировки героина, причем рядом с ней обнаружили два трупа. Следователь Чернов, который вел это дело, погиб нелепейшим образом, а ее саму по приказу Шерова прямо из реанимации перевезли в Москву, туда же ушли все материалы дела. Знакомый почерк, не правда ли?*

Нил угрюмо молчал.

— Мы вышли на нее в ходе наблюдения за Бриллиантом, — продолжил Асу-

---

* Естественно, без моей санкции Ковалев не посмел бы выкладывать Нилу подробности моей биографии. Нужно было, чтобы наше знакомство возобновилось именно при таких предлагаемых обстоятельствах — он должен был ощутить себя разведчиком, действующим в тылу коварного, смертельно опасного врага. Только так я смогла бы помочь ему раскрыть в самом себе уникальный дар. Но вышло иначе... *(Прим. Т. Захаржевской.)*

ров. — Установили, что в Москве он встречался с ней, через нее получил аудиенцию у Шерова. Попутно выяснили, что накануне этой встречи у нее ночевала подруга Бриллианта, известная нам тогда под именем Анна Макаренко, и что в тот же вечер возле ее дома активно крутился некий гражданин Баренцев, утром пытавшийся получить о ней информацию через справочную службу. В тот период контакты Бриллианта были особенно обширны, и многие следы, в том числе и твой, как-то подзатерялись в ворохе оперативной информации. Интерес к твоей персоне возник у нас лишь тогда, когда мы установили настоящее имя покойной Анны Макаренко и кем она приходилась тебе... Теперь ты понимаешь, почему я так долго уходил от прямых объяснений. Нужно было всесторонне изучить ситуацию, все взвесить, выработать решение... Нил, мы верим тебе и полностью на тебя полагаемся. Твое появление не вызовет у них подозрений, мы задействуем цепочку, и в общество Захаржевской тебя введет человек, не имеющий никакого представления о том, что ты связан с нами, так что утечка информации исключена. Тебя представят как подающего надежды музыканта, исполняющего современную

музыку, так что подготовь какой-нибудь эффектный номер. Твоя встреча с Захаржевской должна стать приятной неожиданностью для вас обоих. Ужель та самая Татьяна, которой я наедине, и так далее. Не мне тебя учить, к женщинам ты подход имеешь... И не бойся, что Шеров начнет ревновать. Мы имеем достоверные оперативные сведения, что он — полный импотент и, как я склонен предполагать, будет только счастлив, если его сообщница заведет себе интеллигентного, безобидного любовника, не имеющего никаких поползновений встроиться в их бизнес. Именно таким ты и должен быть. Никакой инициативы, никаких попыток форсировать добычу информации...

Нил молчал, глядя на фотографию Тани в обществе Шерова.

— Опасаешься, как бы он не узнал, что ты — муж женщины, погибшей в результате его махинаций? Ну и что? Информацию на сей счет он может получить только из материалов дела, а там ты фигурируешь только в протоколе опознания... Правда, еще есть листочек с твоими официальными показаниями, но оттуда он много не почерпнет. С такого-то года проживали раздельно, встречались эпизодически, о последнем месте жительства не

осведомлен. При случае можешь и сам рассказать им о жене — в пределах тех же сведений... Если беспокоишься насчет работы — не беспокойся, бюллетень на любой срок будет тебе обеспечен... Командировочные, сумму на представительские расходы мы тебе выделим... Пойми, другого способа прижать Шерова у нас нет.

Нил продолжал хранить молчание.

— Давить их надо! — рявкнул генерал. — Развелось, понимаешь, выжиг, хапуг, шпрехшталмейстеров всяких, перерожденцев! Совсем распоясались, государственный карман со своим перепутали, подрывают наш строй изнутри! Ты, Баренцев, гордиться должен, что Родина тебе доверие оказывает!

Нил остервенело махнул рукой — обжегся дотлевшей до фильтра сигаретой — и вновь замер.

— В молчанку играемся? — со зловещей проникновенностью осведомился Евгений Николаевич. — Ссым? Другие в твои годы голой задницей против танков перли, на амбразуры лезли, а он, понимаешь, на роскошную бабу влезть забоялся! Молчишь? Ну ничего, на Колыме и споешь, и спляшешь!

Как ни странно, угроза генерала мгновенно скинула то колоссальное напряже-

ние, которое буквально парализовало Нила с того момента, как он принял из рук Асурова фотографии Татьяны — и даже раньше, когда увидел на карточке физиономию Шерова. Он почувствовал себя спокойным и собранным.

— Сразу на Колыму? За отказ сотрудничать?

Получилось хрипло и немножко слишком нагло.

— За соучастие в убийстве! — торжественно отчеканил генерал.

— Что?! Это вы на историю с отчимом намекаете?

Нил укоризненно посмотрел на Асурова.

— Ну, если ты настаиваешь, мы можем, конечно, вернуться к безвременной кончине профессора Донгаузера и взглянуть на нее под таким углом, — Асуров усмехнулся. — Однако товарищ генерал имеет в виду совсем другой эпизод.

— Какой еще эпизод?

— Константин Сергеевич, объясни. А я пройдусь пока, ноги разомну...

— В рамках расследования по факту смерти гражданина Штольца, он же Васютинский, и гражданки Макаренко, она же Баренцева, при осмотре места происшествия в вещах потерпевшей был обна-

ружен револьвер системы «наган», серийный номер ИЗ-01414, — монотонно, будто читая с листа, начал Асуров. — На основании баллистической экспертизы был сделан вывод об идентичности данного оружия тому, из которого в ночь с третьего на четвертое августа 1980 года в подвале собственного дома в окрестностях города Сухуми были убиты гражданин Сичинава Леван Багратович, министр химической промышленности Абхазской АССР и, предположительно, гражданин Сичинава Михаил Автандилович, бывший студент Ростовского медицинского института. Тело Сичинава М. А. было обнаружено двадцать третьего октября 1980 года в горной пещере в районе реки Бзыбь, до какового времени гражданин Сичинава М. А. считался единственным подозреваемым в убийстве своего дяди, Сичинава Л. Б., и находился во всесоюзном розыске. Согласно показаниям Баренцева Н. Р., мужа гражданки Баренцевой О. В., она же Макаренко, в период с 27 июля по 4 августа 1980, они с женой проживали в гостинице спорткомплекса «Эшера», расположенного близ Сухуми. 4 августа Баренцева О. В. неожиданно отбыла самолетом в город Харьков, а Баренцев Н. Р. полу-

чил от нее билет на поезд Сухуми—Ленинград на то же число и зашитый в мешковину предмет, предположительно чемодан небольших размеров, с просьбой сохранить его для нее. Однако в Харькове она встретила поезд с мужем и забрала чемодан, оставив взамен коробку с крупной суммой денег, со слов Баренцева, десять тысяч рублей. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о непосредственной причастности гражданки Баренцевой О. В. к убийству Сичинава Л. Б. и Сичинава М. А., а гражданина Баренцева Н. Р. — к соучастию в форме сокрытия следов преступления...

«Это не здесь и не со мной, — промелькнуло в сознании Нила. — Это Кафка пополам с Ионеско, а я лишь зритель в зале экзистенциального абсурда...»*

---

* Для посвященных этот театр абсурда не так уж и абсурден, тем более что объектом разработки был не только Нил, но и Асуров, показавшийся шефу весьма перспективным. К группе, занимавшейся Евсеевым и Бриллиантом, лысый Костя никакого касательства не имел, зато Нила разрабатывал давно, причем сразу в двух аспектах: во-первых, как жильца квартиры, чрезвычайно интересной для органов, во-вторых — как человека, по роду занятий имеющего плотные контакты с иностранцами. А тут еще мадемуазель Дерьян, особа крайне завлекательная с точки зрения госбезопасности. Наковыряв на Нила обстоятельное досье, он получил наконец «добро» начальства на привлечение гр. Баренцева Н. Р. к агентурной работе. Но тут как раз произошла роковая незадача с Линдой, и жизнь внесла в стандартную гэбистскую схему несколько нестандартных корректив. *(Прим. Т. Захаржевской.)*

— Хотелось бы уточнить, в чем же это сокрытие выражалось, — тоном театрального критика произнес он.

— А в том, что ты вывез подальше от места преступления орудие убийства и похищенные у министра ценности, скорее всего, деньги, тем самым дав преступнице возможность беспрепятственно пройти контроль в аэропорту и скрыться, за что и получил свою долю награбленного, — совсем другим тоном пояснил Асуров. — К сожалению, у тебя нет справки, подтверждающей, что ты идиот, ибо только идиот мог не догадаться, что дело здесь нечисто... Такие вот дела, дорогой. Так что хочешь не хочешь, а на агентурную работу подписаться придется. Получишь удовольствие, обещаю.

— Слушай, гражданин майор, а еще водочки не найдется?

— Ну, как там наш подопечный?

Евгений Николаевич полулежал на диванчике в расстегнутом мундире, закинув ноги в сверкающих полуботинках на соседнее кресло.

— Выпил две рюмочки — и с копыт, — без особой приязни отозвался вошедший Асуров. — Присадка, я надеюсь, безвредная?

— Абсолютно, — заверил генерал. — Я и сам иногда... когда не спится.

— Вы бы сняли мундир, подполковник, — сказал Асуров. — Маскарад окончен. Или жаль расставаться с большими звездами?

— Отчасти жаль, но больше лень. Утомили перевоплощения, знаете ли...

Евгений Николаевич, не вставая, принялся вылезать из мундира.

— Остаюсь при мнении, что затея ваша безнадежна, — решительно заявил Асуров. — Если вы полагаете, что Шеров его не раскусит с первого взгляда... Профукаем перспективного кадра — и все.

— Это не вам решать, майор, — оборвал его Евгений Николаевич. — И не мне. Начальству виднее, а нам — исполнять. К тому же вы не посвящены в некоторые... нюансы. Полагаю, вашему новому приятелю ничего не угрожает, так что не надо бить копытом.

— Вы, подполковник, по-французски понимаете? — неожиданно спросил Асуров.

— Ну, не то чтобы... На уровне «лямур-тужур».

— Этого вполне достаточно.

— Достаточно для чего?

— А вы послушайте.

Асуров раскрыл ящик полированного комода, достал оттуда кассетный японский диктофон, поставил на стол, нажал кнопку. Тихо зазвучал взволнованный женский голос.

— «Ах, Жанин, я здорова — и я больна. Больна сладким и мучительным недугом любви...» — начал переводить Асуров.

— Понятно. Дальше можете не крутить.

— Влюблена, как мартовская кошечка... Надеюсь, вас ознакомили с моей аналитической запиской, и мне нет надобности объяснять, в какие круги мы можем внедриться через эту Дерьян, — сказал Асуров, остановив пленку. — Вы, московские, к начальству ближе, попробовали бы все-таки объяснить им, что тут дела поважнее их аппаратных игр...

— В данный период важнее аппаратных игр нет ничего, — возразил Евгений Николаевич. — Вы же не обыватель с улицы, прекрасно знаете, что Главпапа до конца года не дотянет. Именно сейчас решается — кто кого. И не исключено, что с помощью нашей пешки, — Евгений Николаевич кивнул в сторону стены, за которой спал Нил, — будет сожран не один король.

— Как бы нас с вами не сожрали... — с сомнением проговорил Асуров. — Заодно с вашим королем.

III
(Ленинград, 1982, май)

«Зигги, любимый мой!

Раз ты держишь это письмо в руках — значит, моя последняя гастроль завершена. Так что, поздравляю с обретенной свободой. Надеюсь, выстрел в сердце не сильно попортил мой портрет, и на нашем последнем свидании я была презентабельна. Досадно было бы уйти в вечность с перекошенной физиономией.

Поступить иначе я не могла. Весь год перед глазами неотступно стоит его лицо в тот последний миг, белое, с безумными глазами, с распяленным ртом, в ушах не умолкает его крик и грохот выстрела. Надеялась, что это как-то сгладится, приглохнет со временем, — но нет. Не получается.

Мишу мы подцепили в Ростове. Приятель Ринго, мелкий катала, попросил помочь вправить мозги одному бестолковому студенту, не понимающему, что карточные долги надо возвращать. Раз-

говор со студентом закончился тем, что Ринго перевел его долг на себя, расплатился и даже открыл этому чудаку долгосрочный кредит.

Миша был веселый, беззаботный херувимчик, привыкший ни в чем себе не отказывать и совершенно не способный думать о завтрашнем дне. Богатый дядя, министр химической промышленности Абхазии — представляешь, там есть химическая промышленность! — каждый месяц высылал ему по пятьсот рублей. Поначалу этого хватало, но скоро Миша освоился в городе и вошел во вкус. Кабаки, карты, девочки... Мы были щедры, он отвечал нам любовью и щенячьей преданностью. Идиллия длилась несколько месяцев, а потом Ринго объявил, что пришло время платить по счетам, и назвал сумму. С Мишей случилась истерика, и тогда пришлось вывезти нашего подопечного в укромное место и заняться лечением его нервишек. Строгая диета, интенсивная психотерапия, несколько сеансов „лечебной физкультуры" — и он у нас стал как новенький. Написал дорогому дяде, что жив-здоров, отъехал с друзьями в строительный отряд и в ближайшее время рассчитывает наведаться домой.

Сам Ринго в Сухуми появиться не мог, его там знали слишком многие и далеко не все вспоминали с любовью. Впрочем, нам в любом случае следовало разделиться — Миша должен был знать, что если он вздумает фокусничать и сдаст могущественному дяде и его ментовским корешам одного из нас, останется второй, который его из-под земли достанет. Поэтому в Сухуми поехала я. Имея рекомендательные письма от Ринго, я быстро устроилась, наладила кое-какие контакты, провела разведку на местности. К концу июля на Мише зажили все следы нашего лечения, и Ринго доставил его в Феодосию и передал с рук на руки мне. Мы должны были отплыть в Сухуми на том же теплоходе, на котором я приехала в Крым.

Тебя я заметила издалека в компании невидной из себя сопревшей барышни, тут же сделала круглые глаза, оттащила Мишу за кустики, велела срочно взять еще один билет и ждать нас на пароходе, но ни в коем случае к нам не приближаться и не подавать виду, что он меня знает. Пришлось шепнуть ему, что ты — „контролер“ от Ринго и хладнокровно пришьешь обоих, если что-то пойдет не так. Он, бедный, рванул во все лопатки.

Поверь, я не стремилась создать тебе такую рекламу, но очень уж не хотелось, чтобы он болтался у нас под ногами. Ведь я так истосковалась по тебе, единственному светлому лучику в моей непутевой жизни, и как чувствовала, что больше нам не дано будет свидеться...

Ладно, извини за лирику. Я вовсе не собиралась как-то использовать тебя, просто хотела провести с тобой те несколько дней, которые были в моем распоряжении. И спасибо тебе — они были незабываемы, жаль только, промчались слишком быстро. Пришлось срочно перекраивать весь план. Изначально предполагалось, что он дождется того дня, когда дядя со всем семейством уедет на свадьбу к родственникам, в последний момент скажется больным, останется в доме один, спустится в подвал, возьмет чемоданчик с деньгами и в условленном месте передаст мне. По Мишиным словам, этих чемоданчиков было так много, что никто и не заметит пропажи. Но за неделю до свадьбы отца жениха, торгового начальника средней руки, вызвали в Тбилиси и там неожиданно арестовали за какие-то махинации. Свадьбу пришлось отложить. Миша психовал, в любую минуту мог сорваться и завалить операцию,

медлить было нельзя. Если бы я только знала, чем все это обернется!

Через Гиви я достала себе билет на самолет и билет на поезд для тебя, а вечером последнего дня устроила отвальную в нашем номере. Помню, тебя удивило, что я позвала гостей, но так было надо. В купленную мной чачу я вкачала ударную дозу фенобарбитала, а когда вы все вырубились, вытащила у Гиви ключи от его машины, тихо поехала по шоссе, потом свернула на темную улицу и остановилась, выключив фары. В два пятнадцать Миша должен был объявиться здесь, отдать мне деньги и быстро вернуться, чтобы никто из случайно проснувшихся домашних не хватился его. Вокруг было тихо, темно, только трещали цикады и на дальнем краю улицы горели огни, слышались песни, крики и пальба, там что-то праздновали. Дом Мишиного дяди стоял ближе. Я ждала долго, наконец Миша вынырнул из кустов возле самой машины — запыхавшийся, растрепанный, бледный как смерть, — швырнул на заднее сиденье чемоданчик и еще что-то. „Увези меня отсюда, — сказал он. — Я дядю убил“.

Он был невменяем. Из его путаного рассказа я поняла только, что дядя вы-

следил его в подвале, начал кричать на него, вырвал из рук чемодан, ударил по лицу. Я так и не разобрала, откуда у него в этот момент взялся пистолет, но он нажал на спуск, и дядя упал, убитый наповал, — пуля попала в глаз. Должно быть, в тесном, захламленном помещении выстрел получился негромкий, или же все здешние жители привыкли к ночным канонадам, только никто в доме не проснулся, и Миша выбежал, никем не замеченный. Долго плутал по полям, не разбирая дороги, пока не вышел к назначенному месту... Мы тронулись, ехали, непонятно куда, лишь бы подальше. Он то причитал, то кричал на меня, то плакал, требовал везти его в Ростов, или к морю, чтобы вплавь добраться до Турции, или в ближайшее отделение милиции. Зигги, это было ужасно! Наконец, мне удалось уболтать его, внушить, что самое лучшее будет найти где-нибудь в горах укромное место, где он мог бы пересидеть несколько дней, пока я не изыщу надежный способ вытащить его. А уж там куплю ему дворец хрустальный и буду по гроб жизни купать в шампанском и кормить королевской кашкой с золотой ложечки. Он разнежился, разулыбался и заявил мне, что есть у него такое

местечко, возле реки, и от дороги совсем недалеко, мол, в детстве там с мальчишками лазал и открыл потаенную пещерку, про которую никто во всем свете не знает. Доехали до реки, остановились. Он, как архар, сразу в гору рванул, тут же оступился, упал — хоть и луна светит, а все равно темень, южная ночь. Хорошо, у Гиви в багажнике фонарик отыскался, а еще я из салона незаметно пистолет прихватила, который он на заднее сиденье бросил, заткнула за пояс.

Пойми, Зигги, ничего другого не оставалось, что же мне из-за этого слабонервного козла до старости в пропотевшем ватнике на лесоповал шагать под песни строевые, в одной шеренге с прочифиренными воровками? За что? За то, что долг мне вернули с довесочком в виде сиятельного трупа? А Миша так и так был уже не жилец. Уж не знаю, та это была пещерка или другая, только не дрогнула у меня рука... Потом я его, как могла, камешками присыпала и вход в пещеру завалила. Помнишь, ты еще утром спросил, где это я коленку расшибла, а я сказала, что в ванной поскользнулась. Так вот, это было там, у речки...

Обратно ехала в бодрости необыкновенной, такая вся из себя крутая, чело-

века замочить — что муху прихлопнуть. Чуть с шоссе съехала — не удержалась, остановилась, свет включила, чемоданчик взяла. Открываю. Битком, и все четвертные! Неудивительно, что у них там частные домики и по миллиону стоят, и по два, а все равно нарасхват. Капусты у них у всех, будто на Кавказе свой печатный двор, честное слово! Я несколько пачек в пакет переложила — и про запас, и место освободилось, чтобы револьвер туда поместился, — замочки защелкнула и поехала дальше, чтоб затемно успеть. Успела. Машину на то же место поставила, забор перемахнула, в номер через балкон забралась, чтобы вахтера не беспокоить, на вас на спящих поглядела, вышла в коридор, в шкафу у уборщицы нашла мешок, предназначенный, видимо, на тряпки, чемоданчик им обшила, в сумку запаковала, душ приняла, а вы все дрыхнете, будто стадо сурков. Уже будить пора, в аэропорт ехать. И тут я соображаю, что лететь с таким грузом не могу, — там ведь и на металл проверяют, и рентгеном просвечивают. Решила отправить с тобой, поездом. До меня ведь только потом дошло, во что я могла тебя впутать. Ну да, слава Богу, обошлось!

А потом лихая Бонни воссоединилась со своим Клайдом, и жили они совсем недолго и не очень счастливо, зато умерли в один день. Уж с этим-то я постараюсь! Буду бить в голову, чтобы наверняка...

Ринго проявил сочувствие и понимание, вместо оговоренной половины оставил мне три четверти добычи, обеспечил чистыми документами, устроил на работу в суд, надоумил поступить на заочный юридический. И все было бы славно, если бы через некоторое время мне не начал являться Миша. Он преследовал меня и во сне, и когда я бодрствовала. Избавиться от него не помогло ничто — ни водка, ни косяк, ни „винт“. Это было невыносимо. Когда я сидела в своей конуре в задрипанной общаге, пьяная в дымину, и глядела в дуло революьвера со взведенным курком, вновь явился Ринго. Услышала его шаги, его бодрый голос за дверью, еле успела спрятать пушку. И тут же окончательно поняла, что не могу уйти, не прихватив с собою и его. Но уйти красиво...

Зигги, я ненавижу его! Он мнит себя благородным жуликом, этакой помесью Робин Гуда и Остапа Бендера, а на самом деле — обыкновенный сутенер, только

очень изобретательный, коварный, с богатым воображением. Он столько лет манипулировал мной, всегда перекладывал на меня самую грязную часть работы, подкладывал под тех, на кого строил планы!

Вот и в тот раз его идея была в том же роде. Я уволилась, вернулась в Ленинград, сняла квартирку в отдаленном районе, и вскоре он свел меня с Яшей Бриллиантом. Я всякого навидалась, но такой грязной, вонючей свиньи!.. Не в буквальном, конечно, смысле — Яша холит себя и лелеет, часами отмокает в душистой ванне, а его коллекции духов и лосьонов позавидует самая дорогая проститутка. Но когда он... Нет, я не могу заставить себя написать об этом, даже зная, что когда ты будешь читать мое письмо, все здешние мерзости уже не будут иметь ровно никакого значения. Знал бы ты, как трудно подавлять в себе желание раздавить этого жирного клопа, особенно имея для этого все возможности. Но я терпела, улыбалась ему, шептала нежные слова, ласкала... Представь себе, что ласкаешь гигантского опарыша, только волосатого, потного и слюнявого. Нет, это существо недостойно смерти. Я отберу у него то, что со-

ставляет смысл его существования, заменяет честь, порядочность, самоуважение — его паршивые деньги.

Я долго ломала голову, как бы это дело провернуть половчей, и знаешь, кто меня в конце концов надоумил? Сдаешься?

Танька Захаржевская, та самая рыжая очаровашка, по которой ты так сох на первом курсе! Зимой, в Москве, когда я в невменяемом состоянии убегала от пьяного Яшеньки, надумавшего поделиться мною еще с тремя такими же, меня чуть не сбила машина, а за рулем была она. Таня теперь птица высокого полета, и котелок у нее варит — будьте любезны. С ней-то мы и обмозговали, как нам прокинуть Яшеньку, и я даже не постеснялась взять с нее задаточек... Да только я поступлю хитрее и прокину всех, включая и ее всесильного босса, и ее саму, родненькую, и наше говенное отечество, — бензинчик имеется, успею между выстрелами превратить кучу зелени в кучу пепла!

Раз ты читаешь это строки, значит, уже знаешь, что мне это удалось. Надеюсь, компетентные органы посвятили тебя в детали. Жаль, что я так и не узнала результатов следствия. А может быть,

и узнала. Не та ситуация, где можно что-то сказать наверняка.

А больше я не жалею ни о чем.

Все, пора собираться в предпоследний путь. Через недельку-другую, когда сыр-бор уляжется, верный человек бросит это письмо в твой ящик.

Люблю тебя.

Линда.

P. S. Помнишь, где мы собирали солнечную малину? Когда стают снега, наведайся туда. Прихвати лопатку. Под каменной розой найдешь мое наследство».

Нил сложил листки на тумбочку, аккуратно разгладил, придавил гипсом, здоровой рукой кое-как сложил и засунул в нагрудный карман пижамы.

Это длинное письмо она писала в несколько приемов. Разные ручки, разный почерк — местами разлетающийся и торопливый, местами старательный, почти каллиграфический. Оформленные, видимо, не раз обдуманные фразы чередовались с поспешными, то набегающими одна на другую, то почти бессвязными. Настроение тоже менялось. Чувствовалось, что временами ее одолевали сомнения, о том ли следует говорить в последнем послании.

— О том, о том, — шепотом заверил Нил. — Ты умница, девочка...

— Плохие новости? — тихо, чтобы не будить остальных, спросил Кузя.

— С чего ты взял, что плохие?

— Просто лицо у тебя...

Нил улыбнулся.

— Заштопанное у меня лицо, дорогой товарищ. А ты что не спишь?

— Болит, стерва... Слушай, если выйти курить надумаешь, попроси там сестричку, чтобы пришла, еще разок уколола.

— Годится. А ты мне трубочку набей, а то мне не с руки.

Воистину, не с руки, это он правильно сформулировал, поскольку с такой руки, как сейчас его левая, все будет только «не». В гипсе по самое плечо, зафиксирована в позе «а воды здесь повыше пояса». В целом же, можно считать, отделался легко...

Не в том он был состоянии, возвращаясь с генеральской дачи, чтобы обращать внимание на проезжающий транспорт, однако же успел в последнюю долю секунды отпрыгнуть от бампера легковушки, вынесенной юзом на тротуар. Но к борту приложился основательно — синяки, ссадины, сильно со-

драл кожу на щеке. Больше всего пострадала рука, угодившая под заднее колесо. Помятая машина попала на аварийную стоянку, а Нил и водитель, порезавший лицо осколками лобового стекла, — в Институт скорой помощи. Водителя, обработав порезы, отпустили, а Нила отправили наверх, в хирургическое отделение, где он и валялся вот уже десятый день.

Больничную тоску разнообразили визиты.

Приперлась незнакомая тетка, назвавшаяся страхделегатом — и впрямь была страшна, как Хиросима после атомной бомбы! — притащила кулек конфет, черствый пряник в коробочке и извещение об удержании профсоюзных взносов из текущей зарплаты. Зато каждый день приходила Хопа, то одна, то в обществе Гоши, кормила его вкуснейшей домашней едой, забирала прочитанные книги и приносила новые, рассказывала последние новости. То обстоятельство, что дом находился в четырех остановках от хирургического, нисколько не умаляло его благодарности за заботы. Попутно она по мере надобности ухаживала за другими больными — переворачивала лежачих, выносила судно,

меняла флаконы на капельницах. Потом Нил провожал ее до площадки, и они там курили.

— Только Эду не рассказывай, что я все еще дымлю, — говорила она.

— Запрещает?

— Еще как! Обнюхивает, говорит, что целоваться с курящей женщиной все равно, что целоваться с пепельницей.

Именно она принесла письмо с того света, и Нил сразу узнал почерк на конверте, но сразу читать не стал, выждал, когда соседи по палате, получив на ночь предписанные уколы и таблетки, вырубили радио и затихли в своих кроватях, и только тогда включил ночник и вскрыл конверт, помогая себе зубами...

Он вышел из палаты и осторожно прикрыл за собой дверь.

— Не спишь, Баренцев? — Постовая сестричка смачно зевнула, показав розовое нёбо. — Зря от папаверина отказался.

— Ты лучше мою порцию Кузе вколи. Который без ноги. Мается, бедный.

— Фантомная боль — самая паскудная, — кивнула сестричка. — Не повезло парню. А ты курить?

— Да, посижу на площадке немного.

Он раскурил трубку и сомкнул веки... «Я закрываю глаза и вижу пальму... Я закрываю глаза и вижу пальму... Я закрываю глаза и вижу Линду...»

Скала, закрывающая вход, с грохотом раздвинулась, и он, приложив, как того требовал ритуал, обе руки к сердцу, шагнул под каменные своды.

Над неровными красными огнями факелов, освещающих ноздреватые, грубо отесанные стены, подрагивал траурный ореол копоти, но весь чад, вся едкая вонь минерального масла уносились куда-то вверх, а здесь, в коридоре, воздух был холоден и девственно чист.

За поворотом он остановился, медленно прочитал заклинание и лишь затем, склонив голову, откинул полог из медвежьих шкур и ступил в сталактитовый зал.

За серебристой полоской воды, посреди прозрачных колонн восседала на своем хрустальном троне Подземная Жрица. Ее волосы густым белоснежным водопадом ниспадали по обе стороны юного, восхитительно прекрасного лица. Смуглая, унизанная костяными перстнями шуйца лениво перебирала длинную шерстку черного кота, различимого

на фоне ее мантии лишь по светящимся зеленым глазам. На резной спинке трона, возле правого плеча Жрицы, нахохлившись, восседал маленький белый сокол.

Приблизившись к воде, он замер в низком поклоне.

— Здравствуй, Пестрый Колдун. Что привело тебя ко мне? — низким, чарующим голосом проговорила Жрица.

— Здравствуй, Жрица. Я пришел поблагодарить тебя и твоего соправителя, Майского Короля, за то, что помогли Охотнице перейти, не обагрив Мост Вечности ни своей, ни чужой кровью.

Внезапно сокол забил крыльями и заклекотал. Жрица медленно улыбнулась.

— Моя сестра Охотница благодарит тебя, Пестрый Колдун, за то, что освободил ее плоть и даровал возможность счастливого воплощения. Теперь мы вместе, как видишь.

Он пристально вгляделся в сокола, и птица трижды кивнула пушистой головой.

— Она еще очень юна, Пестрый Колдун, — заметила Жрица.

— Какое имя носит она теперь?

— Белая Охотница.

— Еще раз благодарю тебя, Жрица. — Он вновь поклонился. — И передай своему соправителю, что у него появились недруги.

Жрица улыбнулась.

— Ты же знаешь волшебство Майского Короля, Пестрый Колдун. Все его недруги либо становятся друзьями, либо превращаются в пыль.

— Но Двуликий Знахарь...

Улыбка Жрицы обернулась презрительной усмешкой.

— Двуликий Знахарь — наш тайный соглядатай. Он не страшен.

— Но при нем Серый Асур. Они готовят донос Начальнику Верхней Стражи. Чтобы уклониться от участия в их кознях, мне пришлось отдать часть своей силы...

Жрица склонилась к коту и что-то прошептала в черное ухо. Кот мурлыкнул, и гладкая вода на мгновение подернулась рябью.

— Дело сделано. Теперь и Серый Асур служит Майскому Королю. Мы довольны тобой, Пестрый Колдун. Ступай. Скоро твоя сила вернется к тебе и возрастет многократно...

— Но почему Пестрый Колдун?

— Шел бы ты в кроватку, Баренцев. И так спишь уже.

Нил встрепенулся, протер глаза, виновато улыбнулся сестричке и поплелся в палату*.

Из больничных ворот он вышел романтическим героем — рука на перевязи, щеку пересекает свежий шрам (врачи заверили, что скоро сойдет). Продираясь сквозь толпы очередей, выплеснувшихся из магазинов на тротуары, он поравнялся с троллейбусной остановкой. Но и тут было изрядное многолюдье, во всяком случае, в первый подкативший троллейбус он войти не сумел. Небо затянуло тучами, закапал мерзкий косой дождик, и настроение Нила стремительно опускалось к отметке «мерзопакостно».

Без толку помокнув еще минут десять, он плюнул и затопал по покрытому лужами асфальту в направлении дома. И тут же возле него бесшумно остановился серый «Москвич».

— Подвезти?

— Спасибо, мне недалеко.

— Садись быстро. Нас могут увидеть.

Нил вздохнул и влез в распахнутую дверцу.

---

* Опять провидческий глюк! Именно в этот вечер мне был представлен товарищ Асуров, и я дала ему приватную аудиенцию... *(Прим. Т. Захаржевской.)*

— Как рука?

— А что, хотите привлечь за умышленное членовредительство с целью уклонения от службы? Или как это там у вас называется, гражданин майор?

— Нил, да кончай ты, честное слово!

— Но к исполнению ответственного задания я теперь смогу приступить не скоро. Функциональность утрачена, товарный вид потерян.

— Я не понимаю, о каком задании ты говоришь, — со всей искренностью заявил Асуров.

— Вот как? А наша задушевная беседа у камелька? А фотографии? Помнится, вы с геноссе генералом крайне убедительно склоняли меня к сожительству...

— Оставь, пожалуйста, этот тон. Русским языком говорю тебе — не было никаких бесед, никаких фотографий, никаких заданий.

— А генерала Евгения Николаевича тоже не было?

— В нашем заведении генералов с таким именем-отчеством не числится.

— Ловко... А как, в таком случае, продвигается расследование убийства моей жены? Или убийства тоже не было, и я был прав, когда говорил, что в морге мне

показали муляж? Надеюсь, я как муж имею право знать...

— Ладно, Нил, не кипятись, — примирительно сказал Асуров. — Мы сильно погорячились с выводами. Ну и получили по шапке. Евгения Николаевича перевели в провинцию, меня — в другой отдел... А в деле появились новые данные, существенно меняющие всю картину.

— И что за данные?

— Компетентные органы задержали матерого рецидивиста Фишмана. Из его признательных показаний следует, что фальшивые доллары, которые так и не доехали до Москвы, предназначались именно ему. За несколько недель до своей роковой поездки Бриллиант связался с Фишманом и предложил приобрести сверхкрупную партию валюты на весьма выгодных условиях. Фишман согласился, собрал требуемую сумму, назначил место и время. Естественно, он не мог предположить, что Бриллиант, которого он знал за отчаянного труса, рискнет подсунуть фальшивку ему, авторитетному валютчику. Когда же ему сообщили, что помимо красивых бумажек Яша вез ему бутылочку любимого виски со специальными добавочками, Фиш-

ман взбеленился вконец и сдал следствию не только Бриллианта, которому теперь все до лампочки, но и нескольких других крупных дельцов.

— И Шерова среди них, понятно, не было.

— А вот эту фамилию я настоятельно рекомендую тебе не произносить в данном контексте. Вадим Ахметович — уважаемый человек, коммунист с многолетним стажем, имеет правительственные награды. Он не имеет и не может иметь никакого отношения к этим жидовским штучкам... Разумеется, я не национальность имею в виду, а определенный тип людей. Точнее, нелюдей... Кстати, в подтверждение своего тезиса могу сообщить, что рублики, приготовленные Фишманом для Яши, тоже были отпечатаны где-то на Малой Арнаутской.

— Понятно. Фамилию Тани Захаржевской мне тоже рекомендуется забыть?

— Это твое личное дело. Дерзай, если хочешь, ты знаешь, где ее найти.

«В сталактитовом зале», — подумал Нил и поежился, вспомнив надменный взгляд из-под набеленных бровей Жрицы.

— Нет, — сказал он. — Jedem das seine*.

— Куда едем? — не понял Асуров. — Вроде приехали уже. Или еще куда хочешь?

— Не хочу.

— Я тебе еще позвоню, ладно?

Нил пожал плечами.

— Звони...

В перерыве между занятиями его отловила парторг.

— Выглядишь молодцом, Баренцев! — сказала она, поглядывая на его руку. — Подойди-ка завтра к Кларе Тихоновне. Есть насчет тебя одно мнение...

«В партию звать будут», — обреченно подумал Нил. В партию не хотелось до тошноты, но впрямую отказаться от такого предложения — значит поставить крест на любой форме жизненного успеха в этой стране. Придется придумывать какой-нибудь ход, продемонстрировать свое, так сказать, неполное соответствие. Скажем, забить на занятия? А кого это волнует? Спеть что-нибудь не то на ближайшем кафедральном сабантуе? Пожалуй, слишком стремно,

---

* Каждому — свое *(нем.)*.

могут вообще с работы вышибить... Нил всю ночь промаялся без сна, но так ничего и не придумал.

В кабинете Клары Тихоновны Сучковой пахло конторским клеем и подогретой на спирали пылью — центральное отопление было до осени отключено. Вид красноносой, кутающейся в толстый платок заведующей кафедрой русского языка нагонял тоску, зато отсутствие двух других сторон здешнего треугольника внушало определенный оптимизм. И правда, действительность оказалась не столь трагичной, как мнилось ему накануне — о членстве в КПСС речи даже не возникло.

— Нил Романович, — сказала заведующая, — вы очень нас выручили с концертом и, я бы сказала, предотвратили международный скандал. К сожалению, формами непосредственного поощрения мы не располагаем, но имеем формы, так сказать, опосредованные. Ведь у вас повышение квалификации запланировано без отрыва от производства?

— Без, — согласился Нил.

— Появилась возможность заменить ее на два месяца ФПК при университете.

Нил не верил своим ушам. Эта двухмесячная халява — практически, допол-

нительный оплачиваемый отпуск — считалась на кафедре лакомым кусочком, за нее велась активная подковерная борьба, но доставалась она только любимчикам. Ох, неспроста такая щедрость...

— Скажите, Клара Тихоновна, это не в счет отпуска?

— Ну что вы, нисколько! В конце июня принесете бумажку из университета, распишетесь в приказе, получите отпускные — и гуляйте себе до самого октября.

Но и при условиях наибольшего благоприятствования институт не отпустил его без увесистого пинка, и то обстоятельство, что пинок достался не ему одному, а всему преподавательскому составу, радости не добавляло.

Чудо, возникшее в темных недрах родного Минвуза, называлось «Учетная карточка работника высшей школы». Такие карточки, роскошно отпечатанные на плотных глянцевых листах размером 440 на 297 миллиметров, содержали 128 разграфленных пунктов. Каждому преподавателю надлежало самолично заполнить их на пишущей машинке, причем помещенное внизу строгое примечание, категорически возбранявшее «сгибание, сминание, запач-

кивание, внесение каких-либо исправлений, нечеткое либо бледное пропечатывание, а также забегание сведений или части сведений в соседнюю графу», что не оставляло никаких надежд на легкую жизнь. На время институт превратился в полный дурдом. Высунув языки, народ бегал из кабинета в кабинет в поисках машинки с широкой кареткой, куда поместилась бы злополучная карточка, клянчил друг у друга меловые забивалочки или белила для машинописи, сетовал на то, что графа «пол» занимает целую строчку, тогда как в графу «адрес» можно вбить от силы десять букв, переписывал под копирку длинные ряды цифр, которые требовалось вставить в графы, обозначенные в совершенно каббалистическом духе — ОКОНХ, ОКПО, СООГУ, а то и похуже. Увидев эти графы, Нил вспомнил чудака, встреченного им в пивной на Пушкарской. Колотя себя в грудь, чудак уверял, что старперы из Политбюро — это не более чем марионетки, подставные фигуры, а реальная власть в стране давно и прочно захвачена жидомасонами. Очевидно, в словах того дурика была доля правды — едва ли какая-нибудь другая публика могла бы додуматься столь изощренно

пытать народ посредством классификаторов.

Учетная кампания не обошлась без жертв. Так, пожилого профессора-консультанта, которому возвратили его карточку с указанием, что в ней перепутаны местами два кода организации, где полвека назад началась его трудовая деятельность, и категорическим требованием перепечатать все заново, увезли в больницу с инфарктом. Ученый секретарь, в обязанности которой входили проверка и прием поступивших карточек, на четвертый день такой работы с криком: «Вас много, а я одна», запустила чернильницей в декана и была в сумеречном состоянии доставлена в Скворцова-Степанова.

Потратив сутки на заполнение красивой карточки и безнадежно ее испортив, Нил с постыдной дрожью в коленках явился за новым бланком. В коридоре у кабинета ученого секретаря толпились такие же страдальцы, сжимая в потных ручонках папочки со злосчастными карточками, а из-за дверей доносился разъяренный рык делопроизводителя с военной кафедры, командированного на смену занедужившей чиновницы. Лица ожидающих были напряжены. Нил ви-

дел дрожащие губы, лбы, покрытые нервной испариной. У дверей кабинета возникла негромкая, но напряженная перепалка:

— А я вам говорю, гражданочка, я здесь с половины десятого и вас не помню.

— А я с половины девятого и, между прочим, в списке отметилась. Товарищи, кто снял с дверей список?

— Какой список? У нас живая очередь!

— А я вам говорю — по списку!

Нил прикрыл глаза и отвернулся. Можно подумать, что там праздничные наборы дают. Но народ, однако! За втыконами и то умудряются давку устроить, будто за дефицитом. Где он, тот край, куда не добралось СООГУ?

Нил решительно вытащил из нотной папки испорченную карточку, порвал на мелкие клочки и выкинул в урну.

— Уеду на фиг! — пробормотал он.

Проходящая мимо лаборантка вылупила на него глаза и отшатнулась, впилившись плечом в противоположную стену.

— И куда же ты уедешь?

— Не знаю. Куда-нибудь подальше. Устроился бы смотрителем на далеком

маяке. Или в заповеднике... — Нил поднял руку, предваряя невысказанное возражение. — Ничего не говори, я и сам прекрасно знаю, что на третий день взвою от тоски, а через неделю удеру обратно в муравейник, к стрессам, загазованности, очередям, политсеминарам...

— И?

— И буду снова рваться на волю и бредить ею.

— Жениться тебе надо, амиго, — задумчиво проговорил Назаров. — При правильном подходе обретешь и волю, и покой.

Нил криво усмехнулся.

— Правильном — это как у тебя, что ли?

— А пуркуа бы и не па бы, как сказала бы твоя крошка Сесиль... Кстати, можешь поздравить — в загсе приняли наконец наше с Джейн заявление. Правда, для этого мне пришлось устроиться вахтером в ПТУ и прописаться в тамошнем общежитии. Ну да это ведь ненадолго, надеюсь.

— Поздравляю! — сказал Нил, поднимая бокал.

За столом с остатками скромного банкета их осталось двое. Кир Бельмесов поднялся к себе в башню спать, осталь-

ные же отправились в аэропорт провожать счастливого жениха в Стокгольм.

Эдвард Т. Мараховски и Елена Кольцова смогли сочетаться только с третьего захода — первые два раза в самый последний момент выяснялось отсутствие какой-нибудь архиважной справочки, без которой нет ну никакой возможности официально признать брачующихся мужем и женой. Ушлый Эд обзавелся выписками из гражданского кодекса, снял в юридической консультации копии со всех относящихся к делу подзаконных актов и постановлений, добился присутствия в загсе генерального консула США, а Джейн пригнала туда же всех иностранных журналистов, имевшихся на тот момент в городе. Во избежание международного скандала брак пришлось зарегистрировать. Это произошло в последний день пребывания Эда в СССР — истекал срок визы, а в продлении было отказано без объяснения причин. Поэтому торжество получилось скомканным, а по правде говоря — вообще никаким. Зарулили на минуточку между загсом и аэропортом, вмазали шампанского, скушали по бутербродику...

А назавтра провожали уже новобрачную — в Воркуту, где отыскался-таки

ее беспутный папаша. Точнее, отыскался он не там, а в заполярном поселке с колоритным названием Мутный Материк, до которого по весне появилась надежда добраться. Отца своего Хопа ни разу не видела, поскольку он ушел из семьи еще до ее рождения и с тех пор никаких поползновений познакомиться с доченькой не предпринимал. Теперь такая необходимость появилась у нее — закон требовал, чтобы всякий, отъезжающий на постоянное место жительства за рубеж, предъявил заверенные расписки от всех ближайших родственников, что они не имеют к отъезжающему никаких имущественных претензий. От матери и старшей сестры такие бумажки были получены без проблем — обеим было обещано, что через годик-другой Хопа заберет их к себе в Америку. Что выкинет отец, оставалось тайной. Хопа везла ему богатые подарки — мерлушковую папаху, американский спиннинг с набором блесен, исландский свитер, японский стереоприемник «Шарп», немецкую электробритву «Браун» и две громадных грелки, залитых отечественным питьевым спиртом.

Через две недели с Мутного Материка пришла отчаянная телеграмма. В ней

Хопа сообщала, что старый пропойца требует за заявление две тысячи рублей, а вернуться она не может, поскольку всю ее наличность он пропил. Она умоляла скинуться и переслать ей сто пятьдесят рублей на обратную дорогу.

А еще ей предстояло уплатить родному государству десятка полтора различных сумм — вольную у барина полагалось выкупать! — от госпошлин за нотариально заверенные копии всех документов (подлинники вывозить за пределы категорически воспрещалось) до компенсации за бесплатно полученный диплом медицинской сестры. На круг набегало еще две тысячи. Серьезные деньги неожиданно понадобились и Назарову — у Джейн заканчивалась аккредитация, осенью на собственную свадьбу ей предстояло лететь за свой счет, и она потребовала, чтобы жених оплатил ей дорогу в оба конца.

Никто, естественно, таких денег у Нила не просил, но, едва узнав о возникших у соседей затруднениях, он понял, что должен, может и хочет их выручить. Более того, его не оставляло ощущение, что время неумолимо сжимается до какой-то роковой точки, в которой вот-вот определится вся его дальнейшая судьба, — и неизвестно откуда

взявшаяся уверенность, что определится она в некоей строгой параллели с судьбами тех, кто его окружает.

Сбивчивая, поневоле многословная телеграмма Хопы (письмо с Мутного Материка шло бы месяца два, а до ближайшего телефонного узла оттуда, наверное, как от Питера до Москвы) заставила его сломя голову мчаться на телеграф и отправить в Мутный Материк перевод на две с половиной тысячи. А потом — на вокзал за билетом до станции Хвойная...

IV
(Хвойная — Ильинка — Хвойная, 1982, июнь)

Начало июня выдалось погожим и теплым, но ночами было еще прохладно, поэтому Нил прихватил с собой ватник и лыжные штаны, и рюкзак получился объемистый. Видавший виды «пазик» бодро подпрыгивал на колдобинах родимого бездорожья. Вместе с ним подпрыгивал и Нил, втиснувшийся на заднем сиденье между толстой потной теткой в мужском пиджаке и беззубым морщинистым стариком в мятой солдатской шинельке.

— Поворот на Ильинку скоро? — спросил он у тетки после очередного подскока.

Та оглядела его с головы до ног. Крайняя глупость соседствовала в этом взгляде с крайней подозрительностью. Закончив осмотр, тетка фыркнула и отвернулась.

— Зачем в Ильинку-то, сынок? — прошамкал старичок.

— Подснежники собирать. Потом на базаре продавать буду.

— Ишь ты! Вообще-то правильно, все к заработку приварок. У меня внучок тоже головастый, инвалидность оформил, пчел разводит, за два года на машину накопил, теперь на квартиру копит. На подснежниках поди столько не заработаешь.

— Столько, конечно, не заработаешь, но кое-что можно.

— Ну, помогай Бог! Вон и поворот твой.

Тогда, летом, зелень была густой, насыщенной — как по плотности, так и по цвету. Сейчас листва еще пребывала в нежно-фисташковой юности, перемежающейся клейкой коричневатостью почек и влажной чернотой воскресающих ветвей. Травяной ковер только на-

мечался, и, заступив на полшага за край дорожки, Нил по щиколотку провалился в пружинистый перегной. От воздуха, от птичьего гомона голова шла кругом, и Нил едва не прошагал мимо кладбищенского холма и заприметил его лишь потому, что остановился покурить и перевести дух. На вершине, над деревом, породу которого Нил определить не мог, парила белая птица. Хотелось думать, что сокол, хотя здравый смысл заставлял усомниться, что в этих местах на воле водятся белые соколы.

Наверное, какую-нибудь неделю назад куст представлял собой пучок кое-как понатыканных, мертвых на вид прутьев, но сейчас, когда пробуждающаяся жизнь вытолкнула наружу еще мелкие, махристые листочки, он показался Нилу воплощением робкой, пока неясной мечты, устремленной к небу.

— Хорошо бы было еще немного выждать, — пробормотал Нил, поглаживая между пальцев шершавую поверхность листа. — Она бы зацвела. Никогда не видел малины в цвету.

Но выжидать не было времени...

Нил обошел вокруг куста, внимательно глядя под ноги, но так и не нашел камня с изогнутой розой. Тогда он до-

стал из рюкзака короткую садовую лопату и принялся ребром счищать плотный, слежавшийся за зиму слой мертвой травы и палых листьев, перемешанных с землей. Не прошло и минуты, как железо скребануло по камню, и Нил, нащупав на гладкой холодной поверхности полукруглую ложбинку стебля, принялся разгребать мусор руками. Сначала взгляду его открылись роза и крест, потом — чуть ниже — высеченные буквы:

тельство гра
ьинская
ьга Влади
09—1904)
мой маме, бабушке, праб
ся, милый пра
ного утра

По краям надпись была безнадежно разъедена многолетней черной плесенью...

Ночь он провел на скамье в полупустом зале железнодорожной станции, накрывшись ватником и положив под голову вместо подушки рюкзачок. Следующую ночь он ехал в общем вагоне, вглядывался в черноту за окном, извлекал из трехлитровой банки маринованные зеленые помидорины, машинально

подносил ко рту, жевал, не разбирая вкуса. Задремал только под утро, и ему явилась старушка графиня — сухая, крючконосая, с голубыми буклями, выбивающимися из-под сборчатого ночного чепца. «Ну что, ваше сиятельство Ольга Владимировна, тройка, семерка, туз?» — спрашивал он, краешком глаза отмечая малиновый обшлаг собственного вицмундира. «Они самые, батюшка. Тройка, семерка, дама!» — отвечала графиня и разражалась хриплым, каркающим смехом...

V
(Ленинград, 1982, июнь)

— Гоша, привет! Слушай, как здорово, что ты дома! Давай переодевайся, а я по-быстрому сполоснусь с дороги, и рванем до центра, в какое-нибудь местечко поприличней, поедим, как белые люди.

— А по какому поводу? — Голос у Гоши был тусклый, прокуренный; глаза покрасневшие.

— Да так, есть повод... Тебе Макс не говорил, сколько бабок надо на билет для Джейн?

— Мне Макс ничего не говорил. Он никому ничего не говорил. Он пропал.

— То есть как пропал? Когда?

— Сразу после твоего отъезда. Три ночи не ночевал. И из ПТУ звонили, спрашивали, почему на работу не вышел.

— Так, может, у бабы какой-нибудь загулял?

— С вещичками? Одежду свою забрал, зубную щетку. И ни записочки, ни звонка... Эй, ты куда?

— Я сейчас!

— О, Нил Романыч, здоровенько! — Улыбающийся Асуров поднялся с кресла в безликом гостиничном номере «Октябрьской». — А то я ищу тебя, ищу. Уезжал, что ли, куда-нибудь?

— Подснежники собирать... — пробурчал Нил, делая вид, что не замечает протянутой руки.

— Хорошее дело, хорошее... А у меня для тебя приятное известие. Распишись-ка...

Нил тупо уставился в протянутую ему бумажку, озаглавленную «Расходный ордер». В графе «фамилия, имя, отчество» стоял прочерк, а в графе «сумма прописью» было от руки вписано — «пятьдесят рублей 00 копеек».

— Руководство приняло решение поощрить тебя материально, — отечески улыбаясь, произнес Асуров. — На основании тщательного изучения предоставленной информации.

Нил вытаращил глаза.

— Какой еще информации?

— Вот этой. — Асуров достал из кожаной папочки, лежащей у него под рукой, несколько листочков. — Отчеты пишешь грамотные, обстоятельные, без помарок, любо-дорого читать. Молодец, бдительно выявляешь антисоветские проявления среди иностранных студентов.

— Но... но такие отчеты каждый преподаватель кафедры сдает заведующей два раза в семестр...

— А от заведующей они куда идут, по-твоему? Да и те ли самые это отчеты, ты приглядись получше.

Нил придвинул листочки к себе. Ксерокопии его машинописных отчетов отличались от оригиналов лишь двумя мелочами — куда-то исчезла шапка «Заведующему кафедрой русского языка доц. Сучковой К. Т., парторгу кафедры ст. преп. Шмурдяк Х. У.», а вместо его фамилии стояла размашистая подпись «Дэвид Боуи».

— Как видишь, служебный отчет легко превращается в агентурный.

— Бред какой-то! — выкрикнул Нил. — Что еще за Дэвид Боуи?

— Твой оперативный псевдоним. Я решил, что тебе понравится...

— Господи... — Нил обхватил голову руками. — В стукачи записали...

— Помнится, ты сам просился в мое учреждение на машинке стучать. Было?

— Но я ж не знал тогда... И за такую фигню вы готовы деньги платить?

— Согласен, материал не Бог весть какой горячий. Но есть и другой. Взгляни.

Перед Нилом лег еще один листочек. Та же подпись, тот же шрифт. Но вот текст... Доношу, что десятого ноль третьего сего года гражданка США Джейн Маккензи Доу, корреспондент газеты «Вашингтон Пост»...

— Благодаря своевременной информации, полученной от агента Боуи, была пресечена попытка крупномасштабной идеологической диверсии. За деятельность, несовместимую со статусом иностранного журналиста, гражданка Доу лишена аккредитации и выдворена за пределы СССР. Агент Боуи представлен к материальному поощрению... — протокольным голосом изрек Асуров.

— Но я же не писал этого! — выкрикнул Нил.

— Сие есть ненужные технические подробности, — снисходительно заметил Асуров.

— Можешь засунуть эти деньги себе в задницу! — бушевал Нил. — Теперь мне все ясно! А Назаров?! Куда вы упрятали Назарова? За что? Что он вам сделал?

Майор Асуров начальственно поморщился, будто услышал от подчиненного бестактный или глупый вопрос.

— Нам ничего, — медленно, с подчеркнутым спокойствием процедил он. — И мы ему ничего. Наша фирма здесь вообще не при чем. Старший лейтенант запаса Назаров Максим Назарович призван на действительную срочную службу с присвоением очередного звания капитан и в настоящее время, насколько мне известно, приступил к курсу переподготовки в одном из центров Министерства обороны на территории Туркменской ССР.

— Туркменской... — упавшим голосом повторил Нил. — Чтобы, значит, поближе к Афганистану...

— Патриотический долг, товарищ Боуи... А у нас с вами — свой патрио-

тический долг, и давайте не будем об этом забывать. В частности, нас очень интересуют отношения новоиспеченной гражданки Мараховски, она же Елена Кольцова, она же Хопа, и гражданина США Эдварда Т. Мараховски...

— Суки! — сказал Нил. — Ну какие же вы суки!

— Нарываешься? — спокойно поинтересовался Асуров. — А ради кого нарываешься? Ради Доу, продажной шкуры, шпионки, лесбиянки? Ради Мараховски, который состоит на жалованье ЦРУ и составляет для них планы уничтожения нашего государства?

— Какое, к матери, ЦРУ?! Да он Чеховым занимается, фаллические символы у него выискивает!

— Неужели? Тогда как тебе такой фаллический символ?

Асуров швырнул на стол еще одну ксерокопию. Нил взял ее и прочел аккуратные строчки: «The Rockford College Annual Convention on Global Strategies Investigation. Edward T. Marachowski. *USSR: The Technology of Collapse*»*.

---

* Рокфорд Колледж. Ежегодная конференция по глобальным стратегическим исследованиям. Эдвард Т. Мараховски. «Советский Союз: Технология коллапса» *(англ.)*.

— Вот так, товарищ Дэвид Боуи... Ладно, свободен. В пятницу жду с докладом по Кольцовой и Мараховски...

— А не пошел бы ты!..

— Дело хозяйское... Коли себя не жалко — других пожалей. Мутный Материк — место дикое, и люди там дикие. Всякое может случиться. Дошло?

Нил молчал.

— То-то... А в пятницу уже займемся главным.

— Главным?

— Ага... Мадемуазель Дерьян.

Сесиль отворила двери своего номера в академической гостинице и замерла на пороге, не веря своим глазам. Вся комната была уставлена, увешана, устелена крупными, пышными белыми розами. Гирлянды роз тянулись вдоль потолка, книжных полок, огромная плетеная корзина, полная роз, занимала чуть не всю поверхность стола, даже на аккуратно заправленной кровати живописно раскинулась охапка роскошных цветков. Их аромат заполнил все, приглушив не только все другие запахи, но и цвета, формы, пространственные перспективы, так что Сесиль не сразу заметила посреди этого великолепия коленопреклоненную муж-

скую фигуру в белом костюме. А заметив, не сразу узнала. Приблизилась и с блуждающей улыбкой на устах положила руки на его склоненную голову. Он же бережно взялся за край ее строгой, серой юбки и приложился к нему губами.

— Ниль, — тихо сказала она. — Вставай. Ти запачкайт твой костюм...

Не поднимая головы, он вложил ей в руку продолговатый сафьяновый футляр. Сесиль медленно подняла его, раскрыла. На белом атласном ложе покоилось редкостной красоты ожерелье, крупные синие сапфиры, обрамленные бриллиантами, в оправе из белого золота. Она, не отрываясь, смотрела на камни, и ее маленькие, мутно-серые глаза медленно наливались их синевой.

Нил не видел этого. А Сесиль не видела, как в небесной голубизне его глаз вспыхнули вокруг черных зрачков ярчайшие желтые ореолы, похожие на солнечные короны.

Он ступил на борт судна, отходящего к дальнему берегу.

«Богарт, 13—20» (Санкт-Петербург, 2001)

Мадам Ван-Норден, домохозяйка из кантона Женева, взглянула на часы и поднялась.

— Однако засиделись мы с тобой. Пора и честь знать. Проводишь меня до «Невского Паласа»?

— Интересно получилось, — проговорила она, когда мы уже вышли на Невский. — Ожерелье, про которое ты пишешь, я выиграла в карты у Шерова, а хватилась лишь тогда, когда собирала вещички перед отъездом. И сразу подумала на Линду, но она была уже в недосягаемости... Вот так — наше с ней знакомство началось с кражи, ею же и закончилось... А в результате вещь нашла законного владельца...

— Скажи, а ты знала о помолвке Нила и Сесиль?

— Да. Эту радостную весть мне на следующее же утро принес Асуров. «У них

любовь!» — заявил он очень напыщенно. Я не сдержалась тогда, размазала кремовый торт об его ленинскую плешь. А днем Шеров сообщил, что срочно выдает меня замуж и выпихивает за кордон... Первую брачную ночь я провела с Асуровым — сначала выиграла у него двенадцать рублей в преферанс, а потом мы болтали до рассвета. Нам было о чем поговорить...

— Я обещал сводить тебя на съемки...

— Увы, но завтра в девять утра я улетаю домой.

— Я приду провожать.

— Не стоит. Все равно проспишь.

Она протянула мне руку на прощание и, миновав почтительно склонившегося швейцара, вошла в аркаду «Невского Паласа». Я стоял и сквозь стеклянную дверь смотрел вслед этой непостижимой женщине, отчаянно рыжей брюнетке в ослепительно черных одеждах...

Утром будильник так и не зазвонил.

Конец первой книги

Париж — Санкт-Петербург,
июль 1999 — март 2001

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дмитрий Вересов

ИЗБРАННИК ВОРОНА

Том 2

Ответственные за выпуск
Е. Г. Измайлова, Я. Ю. Матвеева

Корректор
О. П. Васильева

Верстка
А. Н. Соколова

Подписано в печать 04.07.2002.
Формат 70×90 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага газетная.
Гарнитура «Таймс». Уч.-изд. л. 9,63. Усл. печ. л. 14,04.
Изд. № 02-4427. Тираж 25 000 экз. Заказ № 226.

«Издательский Дом „Нева“»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, д. 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103478, Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

История двух сестер — двух Татьян — в литературном проекте «ЧЕРНЫЙ ВОРОН», по которому снят известный одноименный сериал

Когда Татьяна Захаржевская готовит кому-то коварную ловушку, разве есть у жертвы шансы ускользнуть? Нила Баренцева неотвратимо затягивает в паутину, сплетенную ее изощренным умом...

ISBN 5-7654-2314-0

ИЗБРАННИК
ВОРОНА
ДМИТРИЙ
ВЕРЕСОВ
ТОМ 2
РП